

Людмила
БОЯДЖИЕВА

КУМИРЫ

Истории Великой
Любви

Фрэнк Синатра:

Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Самая безумная любовь XX века

Людмила Бояджиева

**Фрэнк Синатра:
Ава Гарднер или Мэрилин Монро?
Самая безумная любовь XX века**

АСТ • Астрель
Москва

УДК 785
ББК 85.313(3)
Б86

Серия: «Кумиры. Истории Великой Любви»

Бояджиева Л.

Б86 Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро? Самая безумная любовь XX века / Людмила Бояджиева. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 382, [2] с.

ISBN 978-5-17-068563-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-29226-2 (ООО «Издательство Астрель»)

Жизнь и любовь Фрэнка Синатры, Авы Гарднер и Мэрилин Монро — самая красочная страница в истории Америки. Трагедия и драма за шиком и блеском — сегодняшний гламур, который придумали именно тогда.

Сицилиец, друг мафии Синатра, пожалуй, самый желанный мужчина XX века. Один раз он сделал список из 20 главных голливудских красоток и вычеркивал тех, над кем одержали победу. Постепенно в списке не осталось ни одной фамилии. Ава Гарднер не менее эпатажна. Роковая «фам фатале», она вышла замуж за плейбоя Голливуда Микки Руни девственницей. Самая капризная «игрушка» миллионера-авиатора Говарда Хьюза к моменту встречи с Фрэнком была глубоко несчастной женщиной. Они нашли друг друга. А потом — неожиданный болезненный разрыв. У него — Мэрилин Монро, у нее — молоденькие тореадоры...

Невозможно в короткой аннотации рассказать об этой истории. Хотите сказки с прекрасным и неожиданным концом? Прочитайте о самой нежной, самой циничной и самой безумной любви XX века.

УДК 785
ББК 85.313(3)

Подписано в печать 23.08.10. Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.2009 г.

© Бояджиева Л., 2010
© ООО «Издательство Астрель», 2010

Содержание

От составителя9

Часть первая. ФРЭНКИ

«Вначале иногда бывает больно...»	13
«Хранили звезды в синеве свои предназначанья...»	16
«Парням иногда не вредно подраться»	20
«Мне хочется немного оторваться!»	24
«Я улечу, признаюсь, далеко!»	28
«О музыка, о музыка моя...»	30
«Девчонкам надо лишь немного подождать...»	33
«Нас четверо — крутых парней из города мечты!»	38
«Жизнь улыбается. А что ей остается, когда смеемся мы?»	41
«Смелее, парень, и не думай свернуть с пути. Хватай удачу за загривок»	46
«Моя малышка — ты всегда со мной...»	49
«Эй, не дрожи, держи удар. Твой час пробьет»	52
«Она шагает по пятам, твоя судьба!»	56
«Дружище, поживей вертись! Ленивому мешают даже ветер»	60
«Судьбу прошу, сжимая кулаки: не пожалей для дерзкого награды»	64
«Не сплеховать — борцу поможет хватка»	68
«Я номер первый! Я — Король! Ах, только б не свалиться с трона»	76
«Матерый враг полезней трех закадычных слабаков-друзей»	81
«Мне не забыть тот час... я слышал голос Славы...»	88
«Поет душа, я лишь ее хранитель...»	96
«Мы в шалаше с тобой сошьем гнездо любви...»	99
«И радость в доме — это мой путь»	102

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Часть вторая. АВА

«В девичьих снах так сладостны мечты»	107
«Сытный ужин, теплый дом, жизнь как миг мы проживем...»	111
«Твой ангел щедр. Не упusti свой шанс, девчонка-босоножка!..»	115
«Звонок! Спектакль твоей судьбы готов начаться»	120
«Она прелестна и свежа — девчонка с захолустной фермы»	126
«О, что за взгляды мчат за нею вслед!»	129
«Зря слезы льешь, возьмиcь за дело, детка!»	133
«Нас ловко провела судьба, отсрочив счастья миг»	137
«Ведь для кого-то океан взбивает пену?»	142
«Не все красотки рвутся в жены...»	151
«Сплошные козыри ложатся в руку, как угадать, на чем сорвешься ты?»	155
«Свой первый поцелуй не отдавай другому...»	161
«Ошибки? Ты без них не проживешь»	165
«Не плачь — утешу. Я ведь жду тебя!»	167
«В дверях курьер: доставлены подарки»	172
«Зеленоглазым крошкам подходят только изумруды»	181
«Он креси, присмотрись к другому»	186
«Гуляй и зажигай! Мы созданы для страсти!»	194
«Ну почему твой голос меня мучит?»	198
«Трудись, трудись, артист! Твой «урожай» — аплодисменты»	206
«Порой сжимает сердце грусть. Влюбиться, что ли, время?»	208

Часть третья. ФРЭНК И АВА

«Сердце мое, прими эту боль...»	217
«Бывает, что финал становится началом. И новый день в лучах зари встает»	220
«Страсть жжет. Костер пылает снова...»	229

«Тебя искал, плутая в лабиринте соблазнов и страстей...»	232
«Мы оба сорвались с цепи. Нет — съехали с катушек!»	234
«Любовь умеет стариться. Любовь умеет становиться раной»	239
«Час пробил — и судьбы свершился приговор»	240
«Как ветрены красотки! Но только не моя»	244
«И с алой розой в волосах она шагнула в ночь...»	249
«Околдован тобой, завоеван тобой. Окольцован тобой, моя дерзкая леди»	253
«Влюбиться в королеву подстать лишь королю»	258
«Я не знал, что собьет меня с ног ветер с северных гор...»	260
«Поставить точку, загасить свечу — так просто, но дрожит рука»	264
«Я не могу убить любовь. Я кровью заплачу за твое «да» в ресницах шалых»	270
«От подлости врагов я падал. Но поднимался вновь — таков мой путь»	277
«У страсти трудный норю: понять не хочет сердце этот простенький урок»	283
«Рок любит пошутить. Смешлив он и жесток»	285
«От скаредной судьбы не жди подарка. Держи удар, авось получишь приз»	289
«Соленый дар аплодисментов»	297
«Прости, не выдержали оба. Забудь напев высоких чувств»	300
«Разлука — раящее слово — смертельна только раз»	303
«Вернулась песня, жизнь вернув...»	307
«Победы сладкое ярмо»	311
«Танцуй, любимая, не вспоминай мой голос»	313
«Потерялась девочка в толпе. Не позову, скрывая слезы»	315
«Не доверяй страстям. Обманут и уйдут»	323
«Как сумрачен бывает сон любви»	327

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

«Беда окликнула, но я не обернулся»	333
«Бывает, расстояние спасает. Но не пытайся время обмануть»	336
«Живу, вычеркивая дни и забывая имена...»	341
«И путаница чувств, и сердца перебои...»	346
«Успеха власть, счастливый час судьбы»	349
«Я заблуждался вновь и вновь, отвергнув назидания ошибок»	354
«Все в жизни делал, как хотел, и ни о чем жалеть не стану...»	357
«Мечтать о несбыточном, стремиться к недостижимому, каким бы безнадежным и невероятным это ни казалось»	361
«Одиночества жребий — твой выбор, Люси...»	363
«Я жал на газ, что было сил, взлетая на ухабах лет, словно на бешеном хайвее. Скорость — мое дыхание»	368
«Путники в ночи. Мы — всего лишь путники в ночи, потерянные и одинокие»	374
То, что осталось «за кадром»	377
От составителя. Смерть без комментариев	382

...Я понял: он умирает. В палате интенсивной терапии Лос-Анджелесской клиники, окруженный детьми и женами, взволнованным медперсоналом, безмолвными секьюрити, он тихо уходит под прощальные всхлипывания близких и замирающее пиканье аппаратов. Король, Мистер Голубые Глаза, Золотой Голос Америки, Президент шоу-бизнеса — великий Фрэнк Синатра.

Мой отец.

Я все-таки написал эти слова. И пусть кто-то сочтет меня авантюристом или психом, я вправе сказать это. Восемь последних лет я жил только мыслями о нем, я следил за ним, обдумывал в деталях почти невероятные обстоятельства моего рождения и только сейчас, в преддверии его смерти, решился высказать свою полную убежденность — никому не известный сын Фрэнка Синатры живет на этом свете уже сорок пять лет. С того момента, как в клинике Уганды жене знаменитого певца, блистательной голливудской диве Аве Гарднер, объявили о том, что у нее случился выкидыш. В эту знакомую всем историю судьба внесла одну маленькую поправку: почти семимесячный плод мужского пола весом тысяча пятьсот сорок грамм выжил. Каким образом и почему это случилось, я изложил подробно в своих записках.

Сразу же заявляю: я не собираюсь принимать участия в разгоревшейся уже борьбе за наследство

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Синатры. Я не рассчитываю на дешевый успех запоздалого скандала и утверждение своих прав. Я даже не намерен издавать свою рукопись, вернее, заметки, сделанные в часы раздумий. Просто соберу их в папку, в надежде... На что я, собственно, надеюсь, чего хочу? Хочу видеть его — моего отца. До слез, до сердечных спазмов. И знаю, что никогда уже не смогу сделать этого. У меня голубые глаза и его лицо. У меня смоляные волосы матери. Не доказательства? Разумеется. Да и к чему мне они? Тот, кто, возможно, прочтет эти записи, надеюсь, оценит мое затянувшееся молчание. Ни деньги, ни известность мне не нужны. Я одинок. Я болен. И нет на свете ничего, что могло бы изменить мою жизнь к лучшему.

Фантастические рассказы и мыльные оперы не в чести у серьезных людей. Но реальность зачастую куда богаче вымышленных сюжетов. Только вместо хеппи-энда, раскрывающего в финале хитросплетения странных случайностей, действительность хранит свои тайны. Пусть останется и еще одна — ни своего настоящего имени, ни подлинных имен людей, принимавших участие в моей истории, я называть не буду. Я лишь хочу, чтобы обо всем этом кто-то знал. Я гордился ими, страдал за них, стыдился и восхищался. Я любил и ненавидел их — отца и маму. Смутные чувства с примесью обиды или надежды забыты. Неразделенная любовь — вот и все, что останется от моей жизни. Жизнь уйдет. А любовь... Не правда ли, даже такая — нелепая, изломанная, безответная любовь — бессмертна?

Мартин З., май 1998 года

От составителя

Осенью 1998-го я вернулся домой после продолжительного отсутствия. Среди бумаг и рекламного хлама, доставленного почтой, я обнаружил бандероль, имя отправителя которой мне ни о чем не говорило. Распечатав конверт, я начал читать находящуюся в нем рукопись и не мог остановиться, пока не завершил чтения. Записки Мартина З. поразили меня, и я долго задавал себе вопрос: что делать с ними? Подозревал мистификацию, шутку и, наконец, решил встретиться с автором. Я нашел дом и квартиру отправителя, но самого Мартина, увы, не застал в живых. Автор этих строк умер в одиночестве в мае 1998-го, через три дня после смерти Фрэнка Синатры. Он умер от разрыва сердца, пытаясь прорваться с тысячными толпами фанатов к гробу великого Фрэнки. Это я узнал от хозяйки его убогого жилья, сохранившей две толстые папки — вырезки из журналов и газет с фотографиями Синатры и Гарднер.

Признаюсь, личность великого Фрэнки мне далеко не безразлична: я неплохо исполняю его репертуар и тем зарабатываю на жизнь. Причем зарабатываю хорошо — мир помнит Мистера Голубые Глаза.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Мое скудное журналистское прошлое и простое любопытство неоднократно заставляли меня возвращаться к исписанным тетрадным листкам Мартина З. Наконец я все же сделал это: написал историю Фрэнка и Авы. Написал, исходя из записей Мартина, состоящих не столько из сведений, полученных от прессы, сколько из прозрений, которые, как он полагал, вполне естественны для сына, оставленного провидением на этом свете столь чудесным образом. Не исключено, что бедный малый страдал каким-то расстройством психики, полагая, что получил доступ к закрытой информации бытия отца и своей подлинной матери — великолепной Авы Гарднер. Как сказали бы некоторые любители фэнтези: «Черпал знание из всемирного информационного поля».

Впрочем, прозрения так прозрения! Почему бы и нет? Прошлое — материя не столь уж крепкая, потому что неизбежно проходит обработку нашего «Я».

Я следовал за материалами рукописи, убирая комментарии автора, носившие сугубо личный характер. И разумеется, изложил историю его рождения так, как она описана им самим. «Невероятно! — скажете вы. — Сомнительно!» Но ведь «самое приятное чувство — это ощущение загадочности», — уверял Альберт Эйнштейн. А Дени Дидро сказал так: «Чудеса там, где в них верят. И чем больше верят, тем чаще они случаются».

Часть первая

ФРЭНКИ

«Вначале иногда бывает больно...»

Долли Гараванте в городке Хобокен называли Железной До, и неспроста — американская жизнь превратила красотку из солнечной Генуи в крупную, волевою особу. Она вполне могла бы позировать скульптору Бартольди для статуи Свободы — сильные руки, мощный торс, героический профиль античного воина.

Здесь, в Америке, куда перебралась ее семья, двадцатилетняя Долли встретила свою судьбу — настоящего сицилийца, темпераментного, смелого, белозубого. Она громче всех визжала на боксерских матчах, когда на ринге молотил кулаками ее избранник — Мартин Синатра, выходец из самого сердца Сицилии — патриархальной Катаньи. Правда, со временем выяснилось, что юный боксер не умел читать, носил зубные протезы и к тому же страдал астмой, но все это не смутило Долли, вскоре ставшую миссис Синатра.

Девушка получила медицинское образование и стала работать в местной больнице акушеркой. «Хочешь жить, умей вертеться» — это правило Долли, ребенок из многодетной, вечно полуголод-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

ной семьи, впитала с молоком матери. Она горячо интересовалась политикой, участвовала в работе местного отделения Демократической партии, да еще ухитрялась зарабатывать на подпольных абортах. В городке, являвшемся, в сущности, пригородом Нью-Йорка, могучая деторождаемость цветного населения требовала контроля, а закон запрещал медикам прерывать беременность. Клиенток у Долли было немало, и, следовательно, на отсутствие полезных связей она пожаловаться не могла. Вскоре ее стараниями муж, завязавший с боксом, получил место в пожарной команде Хобокена и даже заслужил звание капитана. Жили молодые не бедно — за аборт Долли брала от двадцати пяти до пятидесяти долларов. Лишь одно огорчало супругов Синатра — желанный ребенок никак не появлялся...

Наконец Долли все же забеременела. Она заранее позаботилась о родах — принимать ребенка должен был лучший врач местной больницы, доктор Карло Тино, разумеется, итальянец.

Но здоровая и крепкая Долли совершила ошибку, от которой предостерегала беременных женщин: она не ограничивала себя в еде и чрезмерно «раскормила» зреющий в ее огромном чреве плод.

Роды проходили тяжело. Вопли Долли были слышны на весь квартал. Мальчик появился на свет 12 декабря 1915 года прямо на кухонном столе, залитом кровью измученной матери. Врачу пришлось прибегнуть к помощи хирургических щипцов, чтобы извлечь на свет Божий слишком

крупного ребенка — новорожденный весил больше шести килограммов! Медицинские инструменты оставили на голове мальчика несколько шрамов, лишили его мочки левого уха и даже немного повредили барабанную перепонку. Что он только не придумывал потом, объясняя природу увечий. «Шальная пуля» — такое объяснение звучало, пожалуй, чаще других.

— Можно было бы и аккуратнее шуровать, Карлито! — ворчал, сжимая кулаки, осунувшийся от волнения отец. — Чего теперь-то застыл? Поднажми, док!

Карло Тино, бордовый от напряжения, старался изо всех сил: тряс младенца, шлепал его по синей попке, но тот не подавал признаков жизни.

— Сейчас надо думать о Долли. И не вертись у меня под ногами! — гаркнул Карло и занялся обильным кровотечением, грозящим самыми серьезными последствиями для впавшей в забытие матери. Он никак не мог решиться объявить Мартину, что его сын мертв.

К счастью, неладное заметила бабушка ребенка, многоопытная сицилийская крестьянка. Она сунула младенца под кран с холодной водой, потом окунула в горячую... Доктор перекрестился, услышав громкий крик мальчика.

— Богатырь вырастет. Парень весит, как нормальная двойня, — сказал Карло Тино, когда все кончилось и они вдвоем со счастливым отцом пили темное сицилийское вино за тем же столом, вымытым и застеленным парадной скатертью. — Вот только детей у Долли больше не будет...

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Нарекли новорожденного Фрэнсисом Альбертом Синатрой. Долли не сомневалась: если не богатырем, то знаменитостью ее единственный сын будет непременно.

«Хранили звезды в синева свои предначертанья...»

К семи годам он стал щуплым тонкошеим мальчишкой, вертлявым и задиристым. Книги не очень-то интересовали Фрэнсиса, да и буквам научить парня пока не удавалось. И что с того? Толстый или худой, разумный или озорной — какое это имеет значение, если материнское сердце знает наверняка: ее ребенок совершенно необыкновенный. Глядя в ярко-голубые глаза Фрэнки, Долли тонула в мечтах: он станет великим, банкиром, дельцом, авиатором — да мало ли кем! Но уж точно не боксером и, само собой, не ученым и не певцом...

В Рождественский вечер тысяча девятьсот двадцать второго года Долли готовилась к торжеству — из Италии приехала ее одинокая двоюродная сестра, высохшая старая дева Анжелина с желтыми зубами, ярая защитница женской чести. В связи с этим на праздник, хоть и считавшийся семейным, получили приглашение люди солидные, но одинокие. Долли специально приурочила к Рождеству десятилетний юбилей свадьбы с Мартином — что мелочиться из-за трех дней? Секретарь Уолшмэн из магистратуры, мисс Панталотти — хозяйка булочной, директор школы вдовец Билл Лоуренс, холостяк Марчеллини — все охотно

откликнулись на приглашения и явились с подарками. Желание свести директора школы с сорокалетней девственницей Анжелиной было тайной причиной затеянного Долли сборища. Она приготовила щедрые угощения и позаботилась о подобающем развлечении. Зазвав Фрэнка на кухню, мать, присев на корточки, строго заглянула в его честные глаза.

— Ты, сынок, будешь сегодня нашим Ангелом! — Долли приладила ладонью мокрые, тщательно расчесанные на прямой пробор мягкие волосы сына. В костюмчике с длинными брюками и шелковым синим бантом под подбородком мальчик казался таким взрослым! А уж красавчик — взгляд не отвести!

— А что делают ангелы, когда все едят? — наступил Фрэнк, косясь на ломившийся от тарелок и вазочек кухонный стол. Благоухающая ванилью и корицей вкуснятина предназначалась конечно же гостям. — Ангелам можно сладкое?

— Им можно все! То есть... — спохватилась Долли, — ты будешь есть вместе с нами все, что захочешь. Но потом споешь. То, что мы с тобой разучили: «Пошлют нам радость небеса, восславим Деву и Христа...» — ты же помнишь?

— Фу-у-у... Лучше веселенькое. Что папа поет: «Я люблю свою девчонку, ничего, что ноги тонки, я люблю свою милашку — одноглазую мордашку!» — Он засмеялся беззубым ртом: два передних качающихся зуба Долли вытащила перед самым праздником под поросячий визг сына.

— Нет, милый, это плохая песня. Ее на празднике не поют. «Пошлют нам радость небеса...» —

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

только это, торжественно и нежно. Договорились?

Фрэнк кивнул, шмыгнув носом.

И вот десерт подан гостям, а он стоит на табурете, наряженный, торжественный, и смотрит сверху на рождественский вертеп под елкой: Мария в сиянии из фольги, прижимающая к груди крошечного младенца, осел, длинноносые старцы с клюками и самое интересное — овцы. Фрэнк успел проверить, из чего они сделаны: крашенная, вымазанная клеем вата, палочки-ноги и морды из разрисованного воска... Фрэнк вспомнил, как отец врезал ему по уху. Треснул сгоряча, а когда Фрэнк развопился, посадил на колени и спел ему про одноглазую мордашку. Вот смеху-то было!

— Ждем, ждем! — захлопали раскрасневшиеся, довольные угощением гости.

— Пошлют нам радость небеса, восславим Деву и Христа... — прошептала Долли.

Голубые глаза хитро блеснули. Фрэнк скривил постную мордашку и торжественно, на мотив гимна, зашепелявил:

— Я люблю швою девшонку, нишего, шо ноги тонки...

Никто не улыбнулся, не поняв, в чем дело. Долли схватила подмышку брыкающегося шалуна и утащила на кухню:

— Ишь, что надумал, дурень! Будешь сидеть здесь и молиться, обалдуй, душегуб! — Расстроенная мать тяжелой ладонью шлепнула тощую попку. — Проси Деву Марию, чтобы она простила тебя и послала утешение. Хорошенько проси, горе мое!

— Только ты меня больше не дери! — загундосил «душегуб», но дверь в кухню захлопнулась. — Я прошу прощения.

И он просил. В полутемной кухне, наполненной волшебными ароматами, под шум доносящихся из комнаты голосов, ныл о свершившейся несправедливости. Он ведь только хотел всех повеселить. Но оказался не понят — наказан и сослан в темноту. Сидит здесь голодный, а остальные жуют там пирожные и сдобные рулеты. За что? Фрэнк наплакался вволю. Потом отыскал припрятанную на полке коробку и захрустел миндальным печеньем. Забравшись на стул, он уставился в окно в ожидании Вифлеемской звезды. А какая она, если их там, над крышей соседней булочной, полно — рассыпались, как огоньки на елке у мэрии. И что за утешение она пришлет? Каким образом — по воздуху? Да, взрослые любят сочинять сказки...

Однако утешение ожидало молившегося, хотя и молился Фрэнк кое-как. В это самое время за тысячи миль отсюда, в городке Смитфилд, что в Северной Каролине, миссис Молли Джонсон, жена табачного фермера, родила седьмого ребенка. Девочку назвали Люси. В хлеву за стеною комнаты блеяли настоящие овцы, а Люси спала, уткнувшись крохотной мордашкой в теплую молочную грудь матери. И никому из смертных не дано было знать того, что всеведущие звезды уже обозначили своим загадочным движением: пути Фрэнки и Люси пересекутся и брызнут фонтаном искр, как сомкнувшиеся в коротком замыкании провода.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

«Парням иногда не вредно подраться»

Единственного сына в семье Синатра конечно же баловали, поощряя его капризы. А он и не думал скромничать. Дорогие игрушки, новые вещи и никакой тяги к занятиям — Фрэнк гонял во дворе мяч, бил окна соседям, остервенело дрался с мальчишками. Бессчетные синяки и расквашенный нос не радовали отца. Однажды он решил поговорить с Фрэнком по-мужски.

— Слушай, малыш, не пора ли учиться стоять за себя? Запомни раз и навсегда: если ты чужак, да к тому же не какая-нибудь шишка, должен уметь работать кулаками. Не ждать, когда тебе намнут бокка, а брать инициативу на себя.

— Это как? — утирая нос рукавом новой бейсбольной формы, прогундосил Фрэнк.

— А вот так! — Отец одним махом сбил его с ног и, глядя сверху на поверженного пацана, пригрозил: — Не ныть! Сицилиец не плачет. И всегда начинается первым.

С тех пор Мартин стал учить сына приемам бокса. И все ждал, когда же Фрэнсис начнет расти и набирать вес. «Вот вытянется и непременно будет богатырем! — думал он. — Не зря Долли шесть кило в пузе таскала. Но кем бы ни стал в этой жизни малец, драки ему, с таким-то характером, не миновать...» Однако в обещанного доктором богатыря парень все никак не превращался, оставаясь щуплым цыпленком с тонкой шейкой. Зато драться он научился отлично.

Главные мальчишечьи потасовки обычно происходили в тупике за школой. Вот и сейчас среди пожухлой осенней листвы выясняли отношения двое. Стайка ребят держалась рядом...

Фрэнк утер рукавом разбитый нос и встал в боксерскую стойку. Какого черта он пропустил удар? Не ожидал получить плюху от верзилы Крота? Ну теперь Крот точно получит свое.

— Повтори еще раз! Повтори, что ты сказал, гнида... — Фрэнк глядел на соперника исподлобья.

— Грязный итальянский свиненыш! — крикнул Крот и пустился наутек. И тут неожиданно подшустрил неповоротливый толстяк Санни — подставил Кроту свой ободранный тупоносый ботинок. Тот растянулся во весь рост, хотел подняться, но кулак Фрэнка настиг его. Удар правой, левой, еще левой — Крот не успевал уворачиваться. Вскоре он уже лежал на вытопанной земле, обхватив голову руками, а победитель стоял, попирая противника ногой. Тринадцатилетний малявка Фрэнк поколотил семнадцатилетнего верзилу.

— Может, кому еще охота на итальянцев бочку катить? — Обняв Санни, Фрэнк оглядел стоявших ребят. Никто не изъявил желания. Погалдев, парни стали расходиться. Здесь жили пуэртиканцы, негры, индейцы, итальянцы — черные, желтые, белые. Группировки сколачивались по национальному признаку и постоянно враждовали между собой. Чернокожий задира Крот не рассчитал — он был новичком и не знал, что с итальянским заморышем Синатрой лучше не

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

связываться. А Фрэнк и не предполагал, что медлительный толстяк Санни станет его другом на долгие годы.

— Мартин! Это все ты, сукин сын! Ты испортил мне мальчика! — Раскрасневшаяся Долли держала за шкуру пятнадцатилетнего сына. — Вот, полюбуйся на героя, его выгнали из школы! Позор на наши головы! Господин директор прямо лопался от ярости и такого мне наговорил... Стыдобища! Уважаемая семья, а сын... — Она швырнула Фрэнка в центр комнаты — грязного, оборванного, втянувшего голову в плечи. — Полюбуйся. Эти брюки я купила к прошлому Рождеству в «Ратексе» за два доллара! А рубашка — как у Купера в фильме «Свои»... Ну точно такая была, с перламутровыми кнопочками... В ключья... — Долли разрыдалась.

— Па! — Глаза пацана сияли на вымазанном лице. — Ну ты глянь — у меня ни одной царапины! Чистенький! И зубы во — все целы! А Дага и Шона я так отделал! — Он показал удары. — Больше не сунутся.

— Хм... — Мартин отложил газету со спортивными новостями. — Пойди вымойся и переоденься. Вернешься через час, а мы с матерью пока будем решать, что с тобой делать.

— Тюрьма по тебе плачет, бандит! — выкрикнула Долли вслед шмыгнувшему за дверь сыну. И, прислушавшись, повернула ручку радиоприемника: — Мартин, скорее! Рузвельт выступает!

К регулярным радиобеседам президента Франклина Делано Рузвельта прислушивалась вся страна,

охваченная глобальным кризисом. Катастрофа, парализовавшая развитие Америки на много лет, получила название Великой депрессии.

Все началось с «черного вторника» — краха фондовой биржи 29 октября 1929 года. 5 ноября падение распространилось и на рынок товаров. За три недели кошмара убытки США превысили все затраты за годы Первой мировой войны и составили примерно треть национального дохода!

Начавшись в промышленности и кредитной системе, кризис охватил все другие отрасли хозяйства — строительство, транспорт, торговлю. Промышленность развалилась, будто сметенная гигантским смерчем, около семнадцати миллионов человек остались без работы. Более двух с половиной миллионов потеряли жилье. Стаи голодных оборванцев селились у свалок, осаждали помойки на городских улицах. За восстановление страны взялся новый президент. Рузвельтовский «Новый курс» расширил права рабочих, обеспечил создание профсоюзов и реализацию множества социальных программ. Именно Рузвельт спас капитализм от самих капиталистов, создав прогрессивную модель отношений между бизнесом и государством. Он постоянно выступал по радио, разъясняя населению суть новой экономической политики. За эти выступления, впоследствии получившие известность как «радиобеседы у камина», американцы хватались, как за спасительную соломинку. Рузвельту верили, с надеждой повторяя слова государственного гимна: «Хранит Господь Америку...»

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Слышала, До, что он сказал? «Нам нечего бояться, кроме своего собственного страха»! — Президент запретил оголтелую конкуренцию, взвинчивающую цены, пообещал регулировать рынок, установил минимальные уровни оплаты труда во всех отраслях. — Раз говорит, что не надо бояться, — не будем. Работать надо. Честно работать, только и всего! — рассуждал Мартин.

— А как работать тем, кто понаехал в Хобокен, потеряв работу? Кто ходит с протянутой рукой? У нас в больнице ежедневно рожают бродяжки. Сердце кровью обливается, когда выпроваживаешь мать с ребенком на улицу. Рузвельт обещает программу социальной поддержки! Прекрасно! А где деньги-то взять? Такое огромное государство обанкротилось. Это ж уму непостижимо! — Раскрасневшаяся Доли с грохотом шуровала на кухне. Мытье тяжелых сковородок всегда вызывало у нее прилив социальной активности. — Проклятый капитализм! Совсем заел.

— Ладно, До, не бушуй. Не надо нам пирожных, пусть кусок хлеба будет. А его у нас с тобой не отнимут, поскольку всегда будут рожать и всегда будут гореть. Значит, акушерки и пожарные голодными не останутся. — Он встал и обнял горячие плечи жены. — И парень наш все перерастет, вот увидишь.

«Мне хочется немного оторваться!»

Как накликал Мартин: его пожарный расчет вызвали на собственную улицу — горел магазинчик скобяных товаров. Домишко ветхий, но ведь и до

беды недалеко — ветер сильный, рядом сарай, а через два дома расположен и его собственный дом.

Стоя на металлической лестнице, Мартин отчаянно сражался с огнем, направляя в самое пекло струю из брандспойта. Алые отблески играли на его шлеме, вода с шипением набрасывалась на огонь. Только когда все закончилось и пепелище дымилось, разбрасывая гарь, он увидел толпу мальчишек, собравшихся у красной машины. Чумазый Фрэнк возглавлял компанию.

— Па! Мы тебе помогли. Все канистры с бензином из сарая в сторону оттащили. А то как рвануло бы! — отрапортовал он.

— Молодцы, парни! — Сматывая толстый шланг, Мартин помахал помощникам рукавицей. И подумал: «Может, у сына наследственная тяга к профессии? Не испугался же огня, сообразил!»

Много позже он узнает, что запылил бумагу у скобяной лавки сам Фрэнк — уж больно ему хотелось продемонстрировать пацанам величие своего отца, борющегося с огнем.

Долли тоже размышляла о будущей профессии сына, но в другом ключе: она не слышала никогда про великих пожарных! Вот писатели — другое дело. Денежно и не опасно. Но начинать, конечно, надо с самого малого... Она не скупилась на слова, расписывая способности сына Альберту Тотто — крестному отцу Фрэнка, руководившему небольшой газетой в Хобокене. Вскоре младшего Синатру взяли туда курьером. Но таскать тюки с газетами за одиннадцать долларов в неделю — не большая радость, тем более когда шеф — сам крестный.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Другие вон сидят и пишут! А чего тут сложного — сходил на баскетбольный матч и пиши, что видел. Сходил на боксерский турнир — снова есть о чем начирикать! Я ж в спорте дока! — напирал Фрэнк. — Ма, пусть крестный сделает меня репортером.

— Фрэнки, мальчик... Не сомневаюсь, у тебя получится. Но надо подождать. Ты всего полтора месяца в газете, — засомневалась Долли.

Однако юный Синатра отличался упрямством и напористостью, частенько переходящей в наглость. Вскоре случай помог ему. Журналист, ведущий спортивную колонку, погиб в автокатастрофе, и Долли решила, что настала пора сыну попросить для себя место погибшего Пита.

— С Богом! — перекрестила она уходящего Фрэнка и принялась готовить праздничные медовые коржики, уверенная: у ее сына все получится. Трубку завершавшего телефона Долли сняла липкой от теста рукой. В трубке бушевал Альберт:

— Долли! Мать твою так! Забирай своего щенка. И учти: я ему больше не крестный! Охренели совсем! — Короткие гудки у испачканной мукой щеки. С упавшим сердцем Долли подняла глаза — в дверях стоял Фрэнк. На лице — смесь обиды и бравады. Он еще не решил, что лучше пустить в ход.

— Тебя выгнали... — пролепетала Железная До. Коржики в духовке пахли так торжественно. — Альберто кричал как резаный.

— Ха, еще бы ему не орать! — Юный журналист рухнул в кресло и закинул ногу на ногу. — Такого

осла и тупицы, как этот дядя Альберт, надо поискать. Взбесился прямо!

— Ты попросил его дать тебе должность Пита?

— Черта с два! Буду я просить! Я сел на освободившееся место и вежливо так велел рыжей тетке — она у них вроде прислуги — подать мне кофе. Я же собирался писать, а журналисты, когда пишут, всегда пьют кофе! А она разоралась: «Ты откуда такой выискался, щенок!» Именно, ма! Так и сказала: «ще-нок». Я не бью женщин, но в эту стерву пришлось запустить папкой. Такой толстой, с завязками, в которой бумаги были. Попал, конечно. Ну... она разоралась, полицией пугала. Набежали какие-то хмыри. А твой дорогой Альбертик прямо в плечо мне вцепился клешнями и вытолкал вон...

В комнате появился заспанный Мартин.

— Так я ему вмазал прямым хуком! Свалился мешком! — доложил Фрэнк отцу.

— Молоток, Фрэнки! Это по-нашему. — Отец со сна не разобрался в ситуации.

— Пресвятая Богородица, за что мне это?! — В полуобмороке упала на табурет Долли. — Лучше бы мне сразу в могилу! Два уroda на мою шею. Клянусь, это и святая не вынесла бы! — Долли воздела пухлые руки к раскрашенной статуэтке Богородицы, освещенной красными свечами. — Дай мне умереть спокойно! Матерь Божья, за что, за что такие испытания?

Демонстративно вздыхая, Фрэнк набил карман орехами, приготовленными для посыпки коржиков, и улизнул из дома.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

«Я улечу, признаюсь, далеко!»

На следующий день состоялся семейный совет. Присутствовали бабушка Соня, некогда спасшая новорожденного внука и давно оглохшая от старости, доктор Карло, директор школы и два двоюродных дяди Мартина, надевших ради такого случая черные, пропахшие нафталином костюмы. Стол Долли накрыла шикарный: жареное мясо со сладким перцем, сицилийское салями, овечий сыр, горы зелени и две бутылки темного вина. Фрэнка не позвали. Взрослые должны решить будущее мальчишки... Ели активно и молча. Потом мужчины покурили и принялись размышлять.

— Инженер — вот мое мнение. Это перспективно. Зарботки хорошие. Рост промышленности в стране... — Школьный директор запнулся, покачал головой и грозно изрек: — Только для этого учиться надо!

— Врачом его лучше сделать. Врачом! — подал голос старший дядя Мартин, хромой от рождения. — Вон у меня колено третий месяц болит. Софья оглохла. А все почему?

— Не-е-е-т! — Голос Железной До перекрыл поднявшийся гвалт: каждый хотел рассказать о своих болезнях. — Авиатором! Только авиатором. Я как посмотрю в небо, когда они там летают, и как представлю моего мальчику в летной форме, аж дух захватывает! Наша Демократическая партия ратует за молодежь. Перед молодыми открыты все дороги...

— А кто говорит, что дорог нет? Вон пусть в окно глянут. И ездют, и ездют! — Бабушка собирала со стола грязные тарелки. — И куда только людей несет в этот... прости, Господи, кризис!

Гости еще долго перебирали разные профессии, мужчины снова курили, Долли варила в огромном кувшине кофе, бабка мыла в тазу посуду. На столе заменили скатерть, выставили печенье, конфеты и чашки для кофе.

После дебатов и полного опустошения стола пригласили Фрэнка. Как на экзамене, он стоял в центре комнаты, не глядя в обращенные к нему раскрасневшиеся лица.

— Фрэнсис Альберт, ответь нам всем, кем ты хочешь стать? — строго спросил директор школы и осекся, боясь услышать единственно возможный ответ — «бандитом».

Несчастный, чья судьба сейчас решалась уважаемым собранием, задумчиво поднял глаза к закопченному потолку. Воцарилась благоговейная тишина. Долли мелко перекрестилась и глянула на возвышавшуюся в трепетании красных огоньков заступницу.

— Вообще-то... — Главный виновник событий поковырял носком ботинка вытертый коврик. — Ну... Вообще я петь могу. — И, воспользовавшись паузой, он заголосил тонко и фальшиво популярную дворовую песенку: «Когда месяц спрячут пухленькие тучки, когда ветер взвоет, ветки теребя, обману маманю, зашибу папаню, за сараем старым обниму тебя...»

Аплодисменты не последовали.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Да... Случай трудный. — Директор школы поднялся. — Спасибо за угощение. У меня неотложное совещание в учительском совете.

Извиняясь, гости поспешили разойтись.

— Никогда! Никогда не бывать этому! — грозно изрекла Долли. Сейчас, с поднятой рукой, в которой была зажата пустая бутылка, она особенно походила на статую Свободы. Фрэнк же напоминал маленький кораблик, плывущий по Гудзону.

— Не горячись, ма, — пожал он плечами. — Летчиком так летчиком. Мне это... что два пальца... что раз чихнуть. — Он метко сплюнул жвачку в мусорную корзину и, раскинув руки, зарычал, изображая двигатель самолета: — Под нами Нью-Йорк! Прямо по борту Хобокен! Видите дом Синатры? Приступить к бомбардировке!

«О музыка, о музыка моя...»

Это случилось в феврале тридцать второго года. Два месяца назад Фрэнку исполнилось шестнадцать. Он все еще бездельничал, целыми днями пропадавал на улице с компанией таких же юных головорезов. Откуда-то заимел мелкие деньги, часто дрался и, как подозревал отец, промышлял мелким рэкетом на местном рынке и даже связался с компанией из Бронкса. Мартин имел основания опасаться, что рано или поздно в дом нагрянет полиция. Долли же с ужасом ждала, когда к ней заявится рыдающая девица, забеременевшая от ее сына...

Случилось, однако, совсем другое. Фрэнк вернулся домой к утру, прошатавшись где-то целую

ночь. Разбитый, бледный, обессиленный. «Здесь не без девок, — решила Долли. — Скорее всего, эти сучки уделали мальчика в борделе»... «Не иначе прибил кого-то... Посадят...» — подумал Мартин и сплюнул через плечо. Тюремны он всегда боялся.

Фрэнк закрылся в своей комнате. С минуту родители прислушивались к подозрительной тишине. И вдруг: «Сердце мое, я без нежных твоих милых губ...» — из-за двери полился знаменитый голос самого душевного, самого любимого эстрадного певца — Бинга Кросби.

О, этот мягкий шепчущий баритон, это задумчивое тонкое лицо с гладко зачесанными назад волосами... Джентльмен, романтический рыцарь. Из всех распахнутых окон, из всех патефонов, выставленных на подоконники, разлетались в мир его песни.

Слава Кросби как певца и киноактера началась с участия в фильме *The King Of Jazz* («Король джаза»), рассказывающем об оркестре Пола Уайтмена. К концу двадцатых годов он выработал особую манеру эстрадного микрофонного пения — так называемый крунинг (мурлыканье). Нежнейшее мурлыканье Кросби потрясло Америку — радио, пластинки, концерты, фильмы были лакомым блюдом для всех. А для юного Фрэнки это блюдо оказалось отравленным — его словно опоили зельем на концерте Кросби. Сутки напролет он слушал пластинки, подпевая и подражая манере великого Бинга. У Долли от пения сына мурашки бежали по коже, а внутри разрастался огненный ком — пост-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

рашнее всякой бомбы. Чем больше она сдерживалась, тем сильнее распирала ее пышную грудь ярость.

— Будет конец этой придури или нет?! — Не сдержавшись, она фурией ворвалась в комнату сына. Ее уже давно накачивали подруги и родственники: «Парень совсем отбился от рук. Смотри, дорогая, дождешься...»

Грозно сверкая глазами, Долли подбоченилась и огляделась. На стенах висели постеры и фото из газет — Кросби! Комната была завалена мусором, патефон орал во всю мощь, а Фрэнк лежал на диване, мечтательно уставясь в потолок, и жевал «Сникерс». На фотографии покойного дедушки Федерико из Катаньи висели грязные носки. Почтенный старец кротко взирал из-под них на творящееся в доме безобразия. Уж он-то, знавший не понаслышке о правильных нравах в хорошем семействе, живо навел бы здесь порядок. Бомба взорвалась. Одной рукой Долли захлопнула крышку патефона, другой остервенело рванула приклепленную к двери афишу с портретом великого Кросби.

— Ты... Ты чего? Заболела? — Фрэнк сел и покрутил пальцем у виска.

— Дедушка Федерико от всего этого безобразия в гробу переворачивается!

— Вот еще новости... — Фрэнк неохотно сполз со своего лежбища и затолкал ногами под диван некоторые валявшиеся на полу вещи. Снял с портрета носки и сунул в карман. — Теперь он доволен?

— Сейчас же приberi в комнате и выкинь всю эту дрянь! — Железная До швырнула в него ском-

канные обрывки афиши. И еще притопнула ногой. — Шевелись, сукин сын! Или выматывайся куда глаза глядят. Бездельник и подонок мне в доме не нужен! Сдохнешь под забором!

— Хорошо... — сквозь зубы прошипел Фрэнк. — Отлично даже! Раз ты так — я уйду. И больше ты меня не увидишь. Прощай, ма! — Он оттолкнул ее и шагнул в распахнутую дверь.

Долли не могла уснуть. «Что случилось с мальчиком? Куда он ушел? Бедняга явно свихнулся. Пора будить Мартина и идти полицию». В три часа утра, измученная, обезумевшая от дурных мыслей, она услышала, как хлопнула входная дверь, и вскоре в комнате сына запел бархатный баритон. Отпустило, пронесло... Наполнив тарелку свежими пирогами, Долли тихо отнесла ее Фрэнку.

— Ма... — он спал. Услышав ее шаги, с трудом оторвал голову от подушки. — Я стану лучше Кросби... — Голова тяжело упала, сонные губы пробормотали: — Или сдохну под забором.

« Девчонкам надо лишь немного подождать... »

К Фрэнку зачастили дружки-итальянцы — любители надрывать глотку. То вместе, то поодиночке, они распевали все подряд — итальянские народные песенки, арии из опер и конечно же копировали популярных певцов.

В середине тридцатых, в период Великой депрессии, кинотеатры по всей стране прибегали к различ-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

ным уловкам, чтобы заполнить пустые залы. В лотерею по билетам разыгрывались посуда и радиоприемники, устраивались вечера лото и бинго, нанимались музыканты, проводились любительские конкурсы.

Фрэнк пел без усталости и конечно же не упускал случая поучаствовать в таких конкурсах, правда без особого успеха. Любой на его месте постарался бы забыть о неудаче и заняться чем-то другим, но такого упертого, как Фрэнки, еще надо было поискать. Песни в доме не прекращались. То соло, то с другими оболтусами, Фрэнк оттачивал мастерство. Пели они на улице, на пустыре, в магазине, а потом тащились на очередной конкурс — «Молодые таланты», «Песня в Хобокене», «Юные голоса»... Результаты не радовали. Поговаривали, что у Синатры и со слухом не все в порядке, и голос слабый, и вообще недурно было бы поучиться музыкальной грамоте...

— Идиоты! Им надо, чтобы я распевал гаммы! Они еще будут кусать локти! Они услышат про меня! — бубнил парень упрямо. — Вот ты, Санни, с пяти лет на своем аккордеоне наяриваешь, задница жиром заплыла от сидения — а толку? Мог бы и без учения.

— Не, я без учения не смог бы. До меня долго доходит. — Санни, как всегда, грыз карамельки. — Не то что ты — схватил на лету и запел!

Полное отсутствие музыкального образования Фрэнка не смущало. Он копировал пение Кросби с фанатичным упорством. Ведь он итальянец, а для них петь все равно, что дышать. Если же природа

что-то недодала ему, со временем это исправится, главное — не закрывать рот. Раньше Фрэнк совершал ошибку — тянул на бельканто, и только манера пения Кросби помогла ему понять, как следует петь. Важны особая мягкая фразировка, умение звучать проникновенно, и вовсе не стоит надрываться, лучше просто «мурлыкать», восполняя отсутствие мощного вокала душевностью и напором чувств. И получилось! Друзья единогласно признали Синатру лидером.

— Ты вот что... — сказал как-то Санни, почесывая рыжий затылок. За медлительность толстяка прозвали Ларго (от слова «медленно»). Он был самым опытным из них, так как посещал музыкальную школу и, раскрыв аккордеон, превращался из рыхлого увальня в виртуоза. — Ты, Фрэнки, будешь у нас солистом.

— Мы все обсудили и решили железно... — мрачно подтвердил красавчик Бено, ловко игравший на контрабасе. — Нам нужен солист. — Высокий, стройный, с копной длинных смоляных волос, он был немногословен и завершал каждую свою реплику итальянским bene, означающим «отлично». Он часто задумывался, перебирал четки, опустив длинные ресницы. Но даже когда тянул на контрабасе какую-то классическую нудятину, девицы едва переводили дух от сладостных грез. Они познакомились на конкурсе, а после к группе примкнул ударник Престо. Нервный, как черт, самоучка, он постоянно ругался, плевался и по любому поводу бил в челюсть. На его длинной, как огурец, голове всегда сидела мятая зеленая шляпа. Однажды он,

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

пьяный, в этой шляпе, чудом выплыл из мутного Гудзона и с тех пор не расставался с ней ни при каких обстоятельствах.

— Надеюсь, ты не вздумаешь ерепениться? — Престо угрожающе посмотрел на будущего солиста.

— Ха! О чем разговор! Я только и мечтаю попеть! Решено, старики, я у вас главный. — Фрэнк сел на ящик — собрание проходило на пустыре — и закинул ногу на ногу. — У нас собирается отличный бэнд. Но предупреждаю: вкалывать придется не хило.

Они начали сыгрываться. В доме Синатры оркестру было тесно, и группа перебралась в заброшенный гараж. Там они вжаривали не по-детски! Железные стены вибрировали, с потолка сыпалась какая-то труха, а драчливая малышня, гонявшая мяч, часами стояла вокруг с открытыми ртами. Правда, слушателей завораживала не только музыка, но и лексикон музыкантов, совершенно не стеснявшихся нецензурных выражений... Играли с упоением. Пробовали различные манеры, приемы, оставляли то, что особенно нравилось. Отработали репертуар, состоящий из танцевальных шлягеров, шуточных и лирических итальянских песен. Приемы итальянского бельканто, живущие в каждом итальянском мальчишке, украсил американский джазовый стиль. Все инструментальщики ненавязчиво подпевали солисту. В конце концов ребята пришли к выводу, что получается у них просто зашибенно, и решили выступить в «Мейджор Боус» — популярном представлении, принять участие в котором

могли все желающие. Двадцатилетний Фрэнк вместе с товарищами спел шуточные куплеты и модную тогда песенку Shine.

После концерта их пригласили в кабинет организаторы «Мейджор Боус» — супруги Стюарты. Артисты расселись на кожаных диванах, разглядывая крупного нарядного мужчину и крашеную блондинку с тщательно уложенными локонами.

— Неплохо, парни. Особенно второй заезд со шлягером, — оценил их выступление темпераментный и громогласный Самуэль Стюарт, в прошлом хозяин конюшни. — Мы можем вам кое-что предложить...

— Конечно, ваше исполнение не вполне профессионально, но вы же не выпускники консерватории. Стоит попробовать, — улыбнулась миссис Стюарт красавчику Бено. — Мы организуем небольшое турне, вы будете петь перед публикой и получать за это деньги...

— Разумеется, некий процент от сборов мы, как держатели конюшни, отчисляем себе, — добавил Самуэль.

— Нужно придумать название для вашего ансамбля. Ведь понадобятся афиши. Что-нибудь звучное и романтическое... — Блондинка задумалась. — Например, «Поющие гитары», «Музыка любви» или «Крылатая песня»!

Никто из четверых не проронил ни слова. Это звучало захватывающе: турне, афиши! Престо сдвинул на лоб свою мятую шляпу и сплюнул в угол:

— Говна-пирога! — На его языке это означало высшую степень восторга.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— «Гитары поющие»? Отлично! Но у нас в оркестре не гитара, а контрабас, мэм. И он один. Кроме того, название у нас уже есть. — Фрэнк небрежно закурил. — «Четверка из Хобокена».

«Нас четверо — крутых парней из города мечты!»

Организация турне заключалась в снабжении ансамбля отпечатанными афишами и дипломом «Лауреаты конкурса в Хобокене», выдаче аванса и напутствиях мистера Стюарта:

— Ищите приличные помещения. Вот список надежных мест, где о нас знают. Не халтурьте по дырам — обжуют. Впрочем, ваше желание подработать в обход общей с нами кассы мы поймем...

В первый вечер «Четверка» договорилась о выступлении в рекомендованном Стюартами придорожном ресторанчике. Им очень хотелось поскорее начать делать сборы и потрясти публику. Они были уверены: слух о новом коллективе распространится быстро, их будут ждать с распростертыми объятиями в лучших клубах и до «дыр» дело не дойдет...

Они стояли за сценой, вдыхая запахи подгоревшего рагу и кислого пива. Темные пиджаки, собственноручно расшитые блестками, с кожаной бахромой на рукавах, потертые джинсы, на инструментах яркие цветные наклейки. Все очень серьезно и шикарно. Зеленая шляпа Престо несколько портила общую картину, но снять ее он категорически отказался.

Бармен, взявшийся вести представление, объявил жующей публике с цирковым задором:

— А сейчас вас ждет встреча с песней! Победители молодежного конкурса, четверо из города Хобокен сыграют и споют для вас от всего сердца!

Музыканты замерли, ожидая тишины. Но «встреча с песней» явно никого в зале не заинтересовала. Шум и гам не утихали.

— Может, послать их всех в задницу? — предложил Санни, прижимая к груди аккордеон. — В этой забегаловке пусть сами Стюарты выдрючиваются. — Он явно волновался.

— Заткнись! — фыркнул на него Фрэнк и шагнул в круг яркого света. Остальные последовали за ним.

— Добрый вечер, господа, приятного аппетита! Мы — веселые парни, любим петь. Мы приехали сюда, чтобы порадовать вас! — сообщил он со счастливой улыбкой.

В зале стало тише, но полностью шум не смолк. Тогда Бено лихо проехался смычком по струнам, а Ларго с органом пассажем растянул до предела ребристую грудь аккордеона. Знакомое вступление популярной песенки привлекло внимание публики, свистками подбодрившей музыкантов. Фрэнк видел лица, развернувшиеся к сцене. Они перестали жевать, они ждали, что он запоет! Сбылось! Он стоял в свете прожектора, оркестр играл ему и публика — его публика — была готова его полюбить!

Он запел, и выходило так здорово, как никогда прежде — голос обволакивал каждого, мягко стелился, взлетал... И подпевка ребят, и аккомпанемент — все было классно!.. Фрэнк не понял, что

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

случилось. Какой-то шлепок, Ларго ойкнул и схватился за лицо. Бено сильнее ударил по струнам, но контрабас, издав неприличный звук, замолчал. Лихо пробежав по барабанам, Престо устроил звуковые плевки... Фрэнк умолк, поднял промасленный пакет с обедками и куриными костями, угодивший в Санни. Хныча, тот зажимал ладонью глаз.

— Пошли! — Фрэнк ринулся «за кулисы», обрывая занавес. — Я с этого козла хозяина сейчас такой штраф вытрясу! Глаз у музыканта выбит! Полицию и врачей немедленно! Где здесь телефон?!

За «сценой», у двери дышащей паром кухни, состоялись разборки. Фрэнк требовал полицию, рвался к телефону, но хозяин стоял насмерть.

— Ребятки! Я все понял. Понял! — Косясь на распухшую щеку Ларго, он протянул ему купюры: — Здесь по десять баксов каждому. Эта высшая ставка! — Пропитая физиономия шельмы изображала смущение. — Ну вроде штрафа по возмещению ущерба. Нехорошо вышло, примите извинения. Надеюсь, с полицией связываться не будем? Народец здесь гнилой, сам через день битый хожу. Вы загляните через недельку — туристы на озеро приедут. Выпивают лихо, но все время поют. Приличный контингент.

— Пошли... — Развернувшись на каблуках, Фрэнк с гордым видом направился к выходу. За ним последовали остальные.

— Эй, парни, — окликнул хозяин, — послушайте старину Гарри Костера. Я в молодости на арене подковы гнул — знаю это дело, уж поверьте. Если честно, вы сами виноваты. Нельзя же прямо так в

лоб — явились и ну наяривать! Публика подхода требует, ее разогреть надо. Пошутить, покалякать, анекдот рассказать. Войти в контакт...

— Спасибо за совет, босс. Примем к сведению. — Фрэнки демонстративно раскланялся. — Да, учитель! Ты б писсуары починил. В клозете потоп и газовая атака. Похоже, твоим клиентам моча в голову ударяет. Бьют тебя, видать, не зря. И будут бить!..

Тем же вечером Фрэнк поссорился с Бено и подрался с Престо. Разнимавшему их Санни разбили нос, и теперь, с поврежденной щекой и травмированным носом, этот добродушный толстяк походил на бандита.

Фрэнк ненавидел всех. Было ясно: карьере певца пришел конец.

«Жизнь улыбается. А что ей остается, когда смеемся мы?»

«...Шел Фрэнк по шоссе... Фрэнк шел по шоссе... шел Синатра по шоссе и шептал: «О, Боже! Почему искусство тут на говно похоже?..» Он шептал, что контрабас вроде писсуара. Словно конь со страху вдруг обоссал гитару...» — На нервной почве хорошо сочинялось. В свете луны блестела лента шоссе, к ней пугающе подступал темный лес. Фрэнк шагал прочь от городка, в мотеле которого осталась тройка его друзей. Нет, врагов! Уродов! Три года мечтаний, распевов, шлифовки звучания пошли к чертям. Хватило одного выступления, дабы понять — Железная До, как всегда, оказалась права.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Насовав уезжающим гастролерам кульков со снедью, она прослезилась, но все же не удержалась — лягнула колесо отъезжающего автобуса и крикнула сыну вслед, перекрикивая фыркание мотора: «Можешь не возвращаться, засранец! Я не буду ждать, когда тебя шуганут под жопу!»

...Фрэнк шагал под звездами и молился о том, чтобы Господь никогда больше не позволял ему петь. Ну разве на свете больше нечего делать? Завтра же он найдет себе другое занятие. Будет работать в конторе с девяти до пяти и жить, как нормальный человек. Да, как нормальный!

— Деньги забыл! — Его догнал запыхавшийся Санни. — Бегаешь ты, как лось, я все жиры растряс. Думаешь, мы совсем скурвились, гонорар зажем? — Он протянул солисту зажатую в потной ладони десятку.

Возвращались они вместе. Фрэнк обнимал за плечи плакавшего от радости толстяка.

На следующий день «Четверка» выступала в приличном клубе в зале для дансинга. Вертелся зеркальный шар, нарядные куколочки танцевали возле самой сцены и посылали артистам воздушные поцелуи. После выступления девчонки буквально атаковали музыкантов. В их гостиничном номере до утра не утихало веселье.

«Пожалуй, игра стоит свеч...» — думал Фрэнки, засыпая рядом с рыжей пампушкой, показавшей ему в постели высший класс.

Вскоре женское внимание — восторги, улыбки, флирт и конечно же секс стали своего рода допингом, дающим силы и энергию на новые выступле-

ния. Фрэнк заметил, что его пение действует на прекрасный пол одурманивающе. Со временем он понял, как надо подавать ту или иную песню, где подпустить лирики, где затянуть паузу и вести мелодию мягче, так, словно шепчешь на ушко в простели: «Красотка моя, луна над нами, прижмись теснее и послушай мой блюз...» Синатра и не заметил, как сыграло ему на руку отсутствие хорошего музыкального слуха — он пел мимо нот, и с годами такое исполнение стало его «фирменным знаком». А слабый вокал с лихвой компенсировался искусством сводить с ума женщин.

Они путешествовали по стране на автобусах и давали по три-четыре концерта в день. Иногда их площадкой были небольшие клубы с приличной публикой, но чаще приходилось петь в грязных кабаках, где посетители дули пиво, свистели, топали во время стриптиза и не стеснялись в выражениях, прогоняя со сцены непонравившихся артистов. Примерками музыкантам служили зловонные туалеты, пропахшие блевотиной, мочой и дешевыми духами. Гонорар иногда выдавался в виде несъедобного обеда, а иногда достигал пятнадцати баксов на каждого.

Очень скоро ребята поняли, что Гарри из цирка был прав: без шуточек такую публику не зацепишь. После удачного выступления в клубе «Лосиная усадьба» они потягивали виски в углу за служебным столиком и обсуждали только что завершившийся концерт.

— Пруха пошла! — Престо щелчком подозвал официанта: — Жрачки, шеф. На всех...

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Фрэнки спас дело. Вы поняли, мужики? Честное слово! — Круглая физиономия Ларго сияла от возбуждения. — Как он сегодня разразился речью насчет клозетного турне — народец заинтересовался!

— Так задолбали же! Куда ни приедем — везде вонища и звуки спускаемой в унитазах воды. — Фрэнк чувствовал себя героем дня.

— Если честно, мне все это до жопы. — Со смиренным видом Бено перебирал четки. — Главное, чтобы телки были.

— А меня волнует, да, волнует творческий успех! — разволновался Ларго, не принимавший участия в сексуальных разминках. Пока друзья срывали цветы наслаждений, Санни, забившись в угол, спал как сурок.

— Да какой тут творческий успех?! Не в консерватории выступаем. И мы — не оркестр Бенни Гудмана и не воздушные акробаты. Мы даже на элементарный стриптиз не тянем. — Фрэнк с оживлением принялся за принесенное официантом рагу.

— Ну мы-то с Бено еще можем раздеться, — Престо скривил тонкие губы. — Но Ларго и тебе, Синатра, не советую. Придется, старик, нажимать на анекдоты.

— Заткнись! — Фрэнк сатанел, когда шуточки касались его внешности — «метр с кепкой», «соплей перешибешь»... — Я солист! Бабы клюют на меня! И без меня вам хана, парни. Выжить будете сами. — Толкнув стол, он попер на Престо с кулаками.

— Ай, какие мы гордые — вискарь на штаны льем! — Престо подхватил упавший от толчка

стакан и встал перед Синатрой. — Мышиный же-ребчик!

Фрэнк в мгновение ока обрушил графин на его голову. Но шляпа спасла Престо и на этот раз...

Спустя несколько минут разговор вновь потек по мирному руслу. Было понятно: успех «клозетного турне» сильно зависит от публики. Если в зале собираются преимущественно мужики, успевшие здорово поддаться, лирикой их не прошибешь — нужны шутки.

— Вот вам свежая история. Она произошла с нашим аккордеонистом толстяком Ларго — вот с этим ушастым симпатягой. Ларго — по-итальянски «медленно». А наш толстяк никогда не торопится. — Фрэнк похлопал по плечу покрасневшего парня и продолжил доверительным тоном: — Ларго очень любит свою утку. Он взял ее в турне и везде таскает с собой. Вчера он даже прихватил ее в кино. Кассирша возмутилась: «С уткой нельзя!» Тогда наш маэстро зашел за угол, задохнул утку в портки, купил билет и прошел в зал. Фильм идет, Ларго забыл обо всем... Утка начала беспокойно возиться, и наш жалостливый музыкант расстегнул ширинку, чтобы птичка могла высунуть голову и подышать. Ну а рядом с ним сидела дама с мужем. Симпатичная крошка, да, Ларго? Видите, он покраснел! Так эта леди повернулась к мужу и говорит: «Ральф, этот тип рядом со мной выложил наружу свой пенис». Ральф ей: «Он что, пристает к тебе?» Она: «Нет». «Ну и прекрасно! Не обращай внимания и смотри фильм». Через несколько минут

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

крошка снова толкает мужа в бок: «Ральф, его пенис...» Муж: «Я же сказал тебе — не обращай внимания!» Жена: «Не могу — он клюет мой попкорн!»

Хохот из зала был наградой шутнику. Контакт с публикой установлен, можно переходить к пению. Фрэнк чувствовал себя на сцене все свободней. Постоянно подмигивал кому-то в зале, всячески подчеркивал свой интерес к зрительницам. Поклонницы не давали ему прохода — в постели тщедушный Фрэнк превосходил самые пылкие их ожидания. В детстве все хихикали над худеньким мальчонкой и он не понимал почему. Пока во дворе мальчишки не объяснили: «У тебя причиндал как у взрослого дяди». Вначале он стыдился такой анатомической особенности, потом понял: выпячивающие под животом брюки — это клево! И девчонки визжали, замечая это. Пришлось, правда, купить брюки пошире, чтобы избежать конфуза на сцене.

«Смелее, парень, и не думай свернуть с пути. Хватай удачу за загривок»

«Клозетное турне» завершилось. От гонораров, после расчета со Стюартами, осталась даже некая сумма, позволившая Фрэнку приодеться и купить подарки в дом — новенькую радиолу и красивый мексиканский ковер в гостиную. Неделю «Четверка» почивала на лаврах в родном городе и устраивала шумные вечеринки.

А потом Фрэнк загрустил. Перестал есть, разогнал всех подружек. Валялся на диване или бродил

где-то. Ему исполнился двадцать один год, и перспектива всю жизнь провести в «клозетных турне» его не радовала. Он уже понял, что умеет завести зрителей. В конце концов, чем он хуже Кросби? На магнитофонной записи не отличишь. Пусть только выпадет случай — они все узнают, чего он стоит...

Весной 1937 года Фрэнк принял решение: он будет петь один.

— Прощайте, парни, я получил выгодное предложение, — сообщил он своей тройке. — Сольники. Это круто!

Приглашение последовало от владельца ночного клуба в Инглвуде.

— Фрэнк, не знаю, что сказать про твой голос... — Хозяин клуба Том Уоринг, одетый под ковбой, снял шляпу с загнутыми полями. — Но тебя любят бабы. И у тебя есть то, без чего творческая карьера невозможна... — Он опустил взгляд ниже пояса Фрэнка.

Тот вспыхнул. Уоринг наступил на большую мозоль. Жирный «ковбой» зашел слишком далеко... Удар Фрэнка был направлен в челюсть. Но Уоринг ловко увернулся:

— Ну-ну, петушок, я на ринге семь лет ломался...

После они посидели в пивной, и Фрэнку был предложен контракт на работу в ночном шоу за тридцать пять долларов в неделю. Выступать он должен был с бэндом Харольда Арлена из «Растик кэбин». Главное, что прельстило Фрэнка, — из клуба Уоринга велись прямые радиотрансляции, которые могли бы стать для него хорошей рекламой...

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Конечно, на поверку все оказалось не так уж радужно. Вскоре стало ясно, что за эти деньги Фрэнку приходилось не только петь, но и пахать за бармена, кельнера и конферансье.

Вечером он стоял перед публикой.

— Кто знает, как писает эскимос? — Выдержав паузу, Фрэнк расстегнул молнию на брюках. Оттуда посыпались кусочки льда. В зале раздались хохот, топот, визг...

Удерживали его в Инглвуде лишь радиотрансляции. Их передавали по всей Америке! Программа была дурацкой, но чем черт не шутит?

Хотя от нового места работы до родного дома было всего полтора часа на автобусе, Фрэнк навещал родителей редко. Закрутился с дамами — уж слишком много красоток теряли от него голову, а он не мог равнодушно пройти мимо очередной жертвы своих чар.

Конечно, не обошлось и без скандала. Некая дамочка далеко не строгих правил подала на Синатру иск по поводу изнасилования, но потом сформулировала претензии иначе: «за нарушение обещаний». Старшие Синатра пришли в ужас, и дабы решить проблему поскорее, пригласили в дом некоего молчаливого синьора, в присутствии которого и перед распятым Фрэнк поклялся в своей невинности. Станный синьор — Вилли Моретти — был дальним родственником семьи из Катаньи. Он имел мягкое, приятное лицо и ласковые глаза, вот только заглядывать в них не стоило — казалось, что собеседника голым бросают в ледяную прорубь.

— Ладно, малыш. Забудь об этом — пой спокойно, — сказал Вилли. — Мы знаменитых земляков уважаем. Уладим дело с полицией...

«Моя малышка — ты всегда со мной...»

К своему дню рождения Фрэнк получил отпущение — этот праздник все же полагается отмечать в кругу семьи. Насвистывая шлягер «Ты моя судьба», Фрэнк шагнул домой от автобусной остановки по улочке родного города, напоминавшей декорации вестерна. Потертая кожаная куртка, поблескивающая десятком молний, сумка через плечо с небогатым барахлишком, фетровая шляпа, позвякивающие по булыжникам металлические набойки на толстых каблуках ковбойских сапожек. Он хорошо вписывался в городской ландшафт Хобокена. Домишки не выше четырех этажей, желтая пыль на всем, какие-то чахлые кусты под окнами, унылые вывески, засиженные мухами витрины — тоска, да и только. И не поверишь, что Манхэттен — вот он, рукой подать, прямо через Гудзон. Нью-Йорк под боком, он манит иной жизнью, подначивает выбраться из этой дыры, зажить нормально, жениться, завести детей... Вот только как подловить удачу? Может, она ждет нового года? Новенькая удача в новеньком, чистеньком, как яичко, 1939 году!

Декабрь в семье Синатра был месяцем праздников. Двенадцатое — день рождения Фрэнка, потом Рождество, а за ним Новый год. Только успевай крутиться. Долли несла домой с рынка пакеты, полные провианта — пора начинать готовку, по-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

слезавтра Фрэнку исполнится двадцать три. Помогала Долли нести сумки Нэнси Барбато — племянка ее давней пациентки, живущей в Джерси-Сити. Нэнси часто навещала оставшуюся в Хобокене бабушку и явно заглядывалась на Фрэнка. Только и искала предлог, чтобы с ним встретиться, а заговорить стеснялась. Хорошая девушка, правильно воспитана.

— Привет, ма! — Из-за кустов к ним шагнул Фрэнк. — И тебе, Нэнси, доброго дня! — Он церемонно раскланялся, изображая поклон испанского идальго, и взял у нее пакет с фруктами. Эта девчонка буквально не дает ему прохода, поджидает у дома — встанет и смотрит во все глаза, а они у нее огромные. А уж если цветы у двери их дома валяются или открытка с сердечком на куст повешена, можно не сомневаться — это дело рук Нэнси.

— Здравствуй! — девушка засияла. Круглое нежное лицо в черных кудряшках, блестящие глаза. А ножки! У Нэнси были лучшие ножки в городе.

«Молода еще, шашни не закрутишь. Да и с итальянскими девчонками вообще шутки плохи». — Фрэнк прищурился. Он знал, что такой взгляд действует на женский пол безотказно.

— Приходи двенадцатого меня поздравить. И непременно с подарком.

— А что... Что подарить тебе? — Она облизала пересохшие губы — красные, как кораллы.

— Подумай хорошенько, чего мне больше всего хочется? — Он многозначительно улыбнулся, и малышка совсем смутилась: щеки запылали, ресницы — черные и загнутые — затрепетали.

Часть первая. Фрэнки

— Нэнси свяжет красивую салфетку на стол, — нашлась Долли. — Она у нас умелица.

Подарок потряс даже циничного Фрэнка — в центре белоснежного кружева были вывязаны его инициалы, изящно переплетавшиеся с веточкой цветов.

— Офигенно! Это будет моя любимая салфетка. Спасибо! — Он коснулся губами персиковой щеки Нэнси и замер на мгновение, принимаясь — от нее пахло невинностью и счастьем. — А что подарить тебе?

Она вдруг смело подняла ресницы и горячо попросила:

— Песни!

— Что?

— Я знаю все твои песни. Мне так хотелось бы иметь пластинку, чтобы всегда слушать их...

— Ну, до пластинки дело пока не дошло...

— Ой, их будет очень много! Ты лучший! — От полноты чувств глаза девушки наполнились слезами и засверкали, как звезды.

— Нэнси... — он взял ее за руки. — Мне совершенно необходимо, чтобы кто-то повторял мне эти слова каждый день. Утром и вечером...

В феврале 1939 года они уже сыграли свадьбу. Долли не могла нарадоваться: Фрэнки покончил с распутными девицами и выбрал себе замечательную жену.

Впрочем, хватило его ненадолго. Молодой муж все чаще не приходил ночевать домой, благо, предлоги у него находились легко — он же человек твор-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

ческий, дел много. А финансового отчета Нэнси от мужа не требовала. Она доверяла ему и только сильнее грустила, получая от него деньги на расходы, — сумма с каждым разом все уменьшалась.

— Ты же понимаешь, Нэнси, артисту приходится обновлять сценический костюм и давать взятки, не подмажешь — не поедешь, — успокаивала невестку Долли, прекрасно понимавшая, что ее сын тратит заработанное отнюдь не на семейные или деловые нужды. — Он же у нас высоко метит!

«Эй, не дрожи, держи удар. Твой час пробьет»

Ансамбль Бенни Гудмана был очень популярным в Америке тридцатых годов. Как это часто бывает в творческих коллективах, состав его периодически менялся, и вот однажды один из его музыкантов — Гарри Джеймс — задумал создать свой ансамбль, которому требовался вокалист.

В июне 1939 года оркестр Гарри выступал в нью-йоркском концертном зале «Парамаунт». Именно тогда в игру вступил так горячо призываемый Фрэнком счастливый случай. Лежа в постели вечером после концерта, Джеймс слушал трансляцию бэнда Харольда Арлена из «Растик кэбин» в Инглвуде.

— Дорогая, послушай-ка этого парня! — крикнул он жене и прибавил звук. Фрэнк исполнял шлягер «Когда поет душа».

— Вот и пригласи его на прослушивание, — промычала Маргарет, закручивавшая волосы на круп-

ные разноцветные бигуди и подбородком зажимавшая щетку.

— Ты запомнила его фамилию?

— Да они вроде ее и не называли.

— Фу, черт! — Гарри вскочил. — Всегда так: как что-то понадобится — ищи-свищи!

На следующий день он разыскал придорожный клуб в Инглвуде, оказавшийся той еще дырой. Пустой зал, поднятые на столы стулья, влажный после мытья пол пах грязной тряпкой. Парнишка со шваброй вызвал хозяина клуба. Завидев гостя, «ковбой» Том Уоринг расплылся в приветливой улыбке и снял шляпу:

— Кого я вижу! Мистер Джеймс! Какими судьбами?

— Мы знакомы, сэр? — Родители Гарри были цирковыми артистами, и роскошь манежного карнавала наложила отпечаток на его вкус в одежде. Рыжие замшевые брюки, яркое полосатое мексиканское пончо и узкий кожаный ремешок на лбу, сдерживающий буйство темных вьющихся волос, — все это выделяло его из толпы. Да еще и манеры — Гарри всегда держался аристократом.

Том Уоринг оценил это:

— Видите ли, я большой поклонник группы Гудмана, а теперь делаю ставку на вас. Присаживайтесь. — Он снял с ближайшего стола стулья. — Виски с содовой? Кофе?

— Спасибо, дружище, в другой раз. Я по делу. У вас в оркестре работает певец... Не знаю его имени. Могу я его увидеть?

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Певец? — Том пожал плечами. — Да у нас нет никакого певца... — Он поскреб жидкую поросль на макушке. — Впрочем, тут работает конференсье, который немного поет. Вряд ли он...

— Скажите, что я хочу с ним встретиться.

Явившийся в темный пустой зал парнишка оказался совсем молодым и настолько не соответствовал услышанному Джеймсом голосу, что тот засомневался и попросил его спеть что-нибудь.

— Прямо так, без оркестра? Впрочем, можно, босс, мне все равно...

Фрэнк запел. Одна песня, вторая, третья — Гарри не останавливал, вслушиваясь в звучание голоса. Да, это было именно то, что он искал!

— Спасибо, дружок. Сколько тебе лет?

— Двадцать три. Я не такой зеленый, каким выгляжу. И у меня огромный опыт работы с аудиторией...

— Мой бэнд выступает в концертном зале «Парамаунт». Приходи туда завтра часам к трем, после репетиции. Я хотел бы продолжить наш разговор. Скажешь, что ко мне, я предупрежу.

На утренней репетиции Гарри, выделявавший на трубе сложнейшие пассажи, увидел в зале своего вчерашнего знакомого. Не сдержавшись, тот бурно заплодировал его исполнению.

Музыкант спустился в зал и протянул Фрэнку руку:

— Называй меня просто Гарри. А ты — Фрэнки. Понравилось?

— Гарри, это классно! Твоя труба на первом плане — чудо! Особенно в балладах...

Часть первая. Фрэнки

— Ради этого я и вырвался на свободу. Такой кайф — играть все, что захочешь! И знаешь — это полезно для души.

— Музыка всегда лезет прямо в душу. Недаром же в соборах без нее никуда. Мне кажется, твой оркестр далеко пойдет. Будет настоящий лом.

— Понимаешь, я хочу продолжать свинговать, но чтобы при этом под нашу музыку было легко танцевать.

— Именно — танцевать! Слишком многие музыканты гонятся за сенсацией и ускоряют темп настолько, что под него просто невозможно двигаться! — подхватил идею Фрэнк.

— Мы делаем упор на средний темп и при этом сохраняем свинг.

— Похоже, вы и про внешний вид не забываете. Обалденные костюмы!

— Мне нравятся, — пожал плечами Гарри. — Я вообще поклонник цирка, всяких забавных трюков...

Оркестранты Гарри носили красные, расшитые блестками пиджаки и белые галстуки. Сам Гарри освоил особую манеру игры на трубе: он так надувал щеки, что, казалось, они вот-вот лопнут. В Синатре он уловил нечто большее, чем вокальное мастерство. Голос парня брал за душу, а это дорогого стоит, научить такому нельзя — либо есть, либо нет.

— Выходит, ты готов заключить со мной контракт? — Прищурившись, Гарри в упор посмотрел на Фрэнка.

— Запросто! Это вонючая конура в Инглвуде мне осточертела. У вас другой полет. — Он оглядел великолепный зал. — Высший пилотаж!

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Лучшая концертная площадка в Нью-Йорке. Увы, мы не всегда работаем здесь. Но и на помойке не валяемся. По рукам? Постой, вот только одно меня не устраивает — твое имя. Извини, но его совершенно невозможно запомнить. Надо придумать что-то броское, короткое.

— Э нет! Мое имя останется при мне. Оно как родимое пятно — не отмоешь. Бери меня вместе с ним или... — Фрэнк грозно выдвинул вперед подбородок с милейшей ямочкой.

— Ого, ты горячий парень. О'кей! Фрэнк Си... Синатра. После «си» хорошо бы пустить «до», ну уж ладно.

«Она шагает по пятам, твоя судьба!»

Свои первые композиции новый вокалист записал с бэндом Джеймса в июле того же года. Это были песни From The Bottom, Of My Heart и Melancholy Mood, ставшие впоследствии настоящими шлягерами.

Оркестр Джеймса хорошо принимала публика, о нем писали первоклассные специалисты.

— Твоя похвала в адрес моей трубы и бэнда выше всяких ожиданий. А как тебе мой вокалист Синатра? — спросил однажды Джеймс критика, ведущего колонку в музыкальных журналах.

— И не знаю, что сказать, — развел тот руками и, заметив огорчение Гарри, поспешил заверить: — Понимаешь, он, безусловно, хорош, но сыроват. Его исполнение в общем можно назвать музыкально удовлетворительным, но песни звучат натянуто

и даже слегка робко. Как у юноши на первом свидании, когда он толком не знает, что сказать своей девушке.

— Он только начал серьезно петь. И я сделаю все возможное, чтобы этот парень нашел, что сказать девушке. А пока, будь другом, поддержи его. Он нуждается в хорошем отзыве печати больше, чем кто-либо другой. Запомни: Фрэнк Синатра.

Гарри был не только настоящим музыкантом, но и отличным другом.

Фрэнк принес домой «Музыкальное обозрение». Женщины смотрели телевизор. Нэнси, просветленная и спокойная на первых месяцах беременности, вязала нечто крошечное из пушистых ниток. Долли чистила пучок ревеня, положив на ковер газету и почти не отрывая глаз от экрана, на котором очаровашка Гарри Купер бегал по банкетным столам, «оплеывая» фразичных гостей салатным соусом.

— Все сюда! — Фрэнк хлопнул в ладоши и выключил телевизор. — Где отец?

— Сегодня в клубе Бронкса какой-то турнир по боксу, — недовольно откликнулась Долли, не поощрявшая бывшее увлечение мужа.

— О'кей! Старик почитает потом сам. Слушаем все! Статья ведущего музыкального критика Америки. Вот что он пишет: «У солиста Фрэнка Синатры очень приятный вокал и легкая фразировка...» — Он замолчал.

— А дальше, что дальше? — засияла Нэнси.

— Ну... все. Дальше идут похвалы оркестру. Тут сплошные восторги о нашем джазе и прочем.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Не понимаю, вы что, играете джаз? — Долли считала себя образованной женщиной.

— Да не только! Гарри хочет, чтобы помимо свинга бэнд играл танцевальные мелодии, даже вальсы, танго и румбы. Ведь именно этого ждет публика. У Гарри несколько прекрасных инструментальных солистов — альтист Дэйв Мэтьюз, тенорист Клод Лэйки — первый класс. Великолепный тромбонист Дальтон Рицотти. А как звучит пианино у Джека Гарнера! Отличная команда! Мы высоко взлетим, почтенные синьоры! Нас знает весь Нью-Йорк! А скоро мы отправимся в Лос-Анджелес. Гарри получил ангажемент в шикарный ресторан под названием «Виктор Гюго». Нэнси, вытаскивай нарядные шмотки, ты едешь со мной!

У фортуны скверный характер. Даже своих любимчиков она порой окатывает ледяной водой...

В Лос-Анджелесе музыканты поселились в приличном отеле. У входа в ресторан «Виктор Гюго» висели афиши. Присмотревшись, Нэнси ахнула:

— Ты видел? «Вокал — Ф. Синатра». Огромными буквами!

— Ну, совсем не огромными и не первым номером. В общем перечне музыкантов.

— А мне кажется, что только твое имя и бросается в глаза. Ну, правда же! — Она повисла на руке мужа.

— Сегодня этих лос-анджелесских снобов ждет музыкальное потрясение. Уж мы зададим жару! — адреналин бурлил в крови Фрэнка. Он ощущал себя

на взлетной площадке, еще мгновение — поднимется к облакам. — И денежки сорвем нешуточные. После концерта завернем могучий банкет! Я уже сейчас голодный, как волк... — Он нарочито бурно, страстно урча, облапал жену.

Оркестр играл в полную силу, Фрэнк пел восхитительно. Нэнси, в лиловом шелковом платье и с желтой атласной розой в волосах, заливалась слезами радости, сидя на стуле у входа в зал. Потом она ждала мужа у служебного подъезда вместе с женами музыкантов. Они решили, что на гонорар устроят банкет — и непременно в этом шикарном ресторане! Теплая летняя ночь, афиши в обрамлении мигающих лампочек, вечерние наряды — все опьяняло. Шелест океана, пальмы и знаменитости, встречающиеся то тут, то там — только поглядывай. Волшебный город!..

Через час они все собрались в номере Синатры. Нэнси варила на электроплитке спагетти. Даже на сосиски денег не хватило. Одна бутылка виски на всех и поникшие физиономии.

— Нет, уму непостижимо! — в который раз завопил Джеймс. — Кто мог вообразить что-нибудь подобное? «Вы играли слишком громко, вы распугали публику. У хрустальных люстр оборвались подвески. Я не могу выплатить вам гонорар и расторгаю контракт!» Какой-то трясущийся псих в смокинге! Главный администратор!

— Мерзейший тип! — злился Фрэнк. — Зря я не набил морду этому фраеру, босс.

— Тебе польстили, старик! От твоего голоса осыпались люстры! — похлопала его по плечу Марга-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

рет, жена Гарри. — Однако денег ни у кого нет. Это и впрямь цирк, господа артисты...

«Дружище, поживей вертись! Ленивому мешает даже ветер»

Голос Синатры был очень важной составляющей оркестра Джеймса. Джек Мэтиас писал специально для него аранжировки, в которых ему подпевал весь бэнд. Многие специалисты считали, что две песни — *It's Funny To Everyone But Me* и *All Or Nothing At All*, созданные Синатрой с оркестром Джеймса, — лучшие вокальные исполнения Синатры, ставшие бестселлерами. А запись итальянской песни *Ciribiribin* была непревзойденной среди всех, сделанных им с Джеймсом.

Фрэнк обожал Гарри. Он называл его «босс» — в пику дружеской атмосфере, связывавшей оркестрантов. И все же ушел от Джеймса, проработав у него только полгода...

Однажды, когда бэнд репетировал в Нью-Йорке на Пятой авеню, Синатру услышал ударник из оркестра Томми Дорси... У Дорси как раз возникла проблема с певцом. Ударник рассказал ему о молодом парне, работающем у Джеймса. Томми послушал Синатру и немедленно предложил ему работу.

— Что делать, Гарри? Сам знаешь: Томми Дорси — величина. Нэнси ждет ребенка, а наши заработки не шикарны... — виновато мямлил Фрэнк.

— Думать тут нечего — иди!

— Но мой контракт с твоим оркестром кончится только через пять месяцев.

Часть первая. Фрэнки

— Плевать на контракт. Ты должен думать о своем будущем. — Гарри загасил сигарету и закашлялся.

— Босс... спасибо. — Фрэнк поднялся. — Но учти: стоит тебе позвать — я появлюсь в любую минуту. Только свистни — и я уже стою на сцене.

В доме было натоплено — Нэнси простудилась. Долли боялась, что болезнь отразится на беременности. Фрэнк загулял, Мартин спал. Кто после этого скажет, что мужчины — основа семьи? Долли ежеминутно подходила к окну, отодвигая штору, смотрела на освещенную фонарем улицу. Пусть только явится, уж она задаст этому блудливому коту хорошую трепку. Нэнси — курица. Все прощает, не может постоять за себя, совсем парня распустила. Вот он и сел на голову...

Внизу хлопнула дверь, и вскоре Фрэнк, гордый и сияющий, стоял на пороге, словно джекпот выиграл. Куртка нараспашку, белый шарф перекинут через плечо, в руке толстый журнал.

— Где тебя носит? У Нэнси температура. Я издергалась! — выплеснула накопившееся мать.

— Температура? — Он ворвался в спальню, сел в ногах кровати, взял жену за руку: — Малышка моя, что с тобой?

Нэнси открыла глаза и тут же засветилась счастьем:

— Фрэнки... все хорошо! Только накрой меня еще одним одеялом. Знобит немного. И посиди рядом.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Сиди, сиди с женой, певец фигов! — Долли скрутила жгутом мокрое полотенце, борясь с желанием огреть гуляку по шее.

— Ты что разболелась, лапушка? Так не годится. Скоро мы разбогатеем, переедем на солнышко. Вот! — Он развернул журнал. — Громадная статья о моем новом шефе — Томми Дорси. Слушай. Ма, иди сюда и сядь. «Среди ведущих «белых» музыкантов свинговой эры оркестр Т. Дорси занимает особое, исключительно важное положение. Оставаясь прежде всего представителем танцевально-развлекательной популярной музыки, он тем не менее, делает все возможное для сближения этой сферы с джазом. Ему удалось привести к общему знаменателю совокупность наиболее значимых стилевых идей джаза и обогатить ими американскую популярную музыку. И таким образом, сделать их доступными для широкой массовой аудитории!»

— Ничего не поняла, — нахмурилась Долли. — Скажи толком: его хвалят или ругают?

— Дорси — гений! И мне чертовски повезло работать с ним. Это понятно?

— Понятно, что из-за каких-то там «стилевых идей» ты вовсе перестанешь приходить домой. — Долли укрыла Нэнси поверх одеяла пледом. — Бедная девочка, извелась совсем.

— Просто я всегда волнуюсь, когда Фрэнки нет дома. — Нэнси держала, не отпуская, его руку. — Дурочка, да?

— Самая умная дурочка на свете! — Фрэнк покрыл поцелуями горящие щеки Нэнси. — Красавица, умница моя...

Чертыхнувшись про себя, Долли вышла из комнаты. Надо было все же треснуть по затылку этого блудного кота!

Вскоре Нэнси родила премиленькую дочку. Принимала внучку сама Долли. Она плакала и приговаривала: «Дожила-таки, старая кляча!»

Девчушка получила имя матери — Нэнси, так захотел Фрэнк. Он души не чаял в малышке. Но... но разве у него было время на возню с ребенком? Наконец-то он прорвался к настоящей музыке!

Если Джеймс открыл Синатре путь к славе, то Дорси привел его к ней. Однажды, наблюдая за тем, как Дорси играет на тромбоне, Фрэнк с изумлением обнаружил, что тот не вдыхает воздух полной грудью, а лишь приоткрывает уголок рта. Фрэнк решил попробовать делать так же, пользуясь голосом, как музыкальным инструментом. Он понимал, что с его легкими далеко не уйти, и с бешеным упорством развивал их, часами плавая в бассейне, задерживая дыхание: туда — сюда, вдох — выдох. Судьба вознаградила его за усилия: со временем голос приобрел выразительное звучание. Критики уверяли, что «вокальный стиль Синатры родился из подражания манере игры на тромбоне Томми Дорси — мягкой, лиричной и очень плавной, с музыкальными фразами, переходящими одна в другую почти без перерывов. Синатра применил этот прием к своему вокалу, и именно тогда возник его неподражаемый, вкрадчивый стиль, который захватывал сердца аудитории, особенно женской, сразу и навсегда».

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Теперь имя Синатры стояло в афишах в первой строке и набрано было жирнее других. Да он и впрямь стал гвоздем программы. С новым оркестром Фрэнк записал свои первые свинг-хиты: *Night and Day* («Ночь и день»), *This Love of Mine* («Моя любовь»), *I'll Never Smile Again* («Я не буду больше улыбаться») — самую забойную композицию, в будущем ставшую участником Зала славы Грэмм. И еще целую обойму песен, мгновенно получивших необыкновенную популярность. Шестнадцать из них в течение двух последующих лет побывали в первой десятке хит-парадов.

**«Судьбу прошу, сжимая кулаки:
не пожалей для дерзкого награды»**

Он стоял у окна своей комнаты, сверля взглядом чертову громаду Манхэттена на той стороне Гудзона. Мальчишеская фигура, тонкая шея, острый кадык. На дне голубых глаз, умеющих обволакивать лаской, — колючки упрямой злости. Ему двадцать шесть — почти старик. Он рвался, толкался, напрягал жилы, из кожи лез вон, а все еще — мелкая сошка, поющий итальяшка, каких много.

Да, он кое-чего достиг! Записи с оркестром Томми Дорси, выступления в радиошоу... Хиты, много хитов! Все это бесило еще больше. Теперь, когда он понял, чего стоит на самом деле, довольствоваться малым просто не мог! Разве о такой известности он мечтал? Спроси на улице, кто знает фамилию Синатра — разве что перезрелые матроны и прыщавые девицы. Синатра не в первой десятке. Он не из тех,

кого шоферы возят на лимузинах к концертным залам, чей каждый шаг описывают газетчики, не скупясь на определения «суперстар», «голос номер один», «самый популярный певец Америки». Ничего страшного, скажете? Ха! Да иначе ему незачем жить. Черт! Вот так и продают душу дьяволу. Только бы вырваться из этой жалкой дыры!.. Фрэнк поддел носком ботинка и отфутболил на шкаф вышитую подушку, которую помнил с детства. Букет пышных роз на вишневом атласе. Розы выгорели, атлас расползся, выпустив на обозрение свалявшуюся пожелтевшую вату. Двадцать шесть лет в этой дыре, впереди еще столько же. Доживать свой век среди жалкого хлама!

В таком настроении, накатывавшем все чаще, он был невыносим. Только подвернись кто под руку — накричит, обидит. А то и сбежит из дома дня на три. Нэнси кормила малышку на кухне, Долли тихо орудовала у плиты. Она уже не призывала на помощь мужа. Даром что сицилиец — тряпка! А Фрэнки совсем разбушевался, того и гляди, мебель крушить начнет.

Скрипнула дверь, в комнату заглянул отец.

— Ты не спишь? И у меня что-то ни в одном глазу...

— Садись, па. Рассказывай. — Лежа на кровати, Фрэнк тоскливо смотрел в потолок. Он знал, что старикан любит поговорить, а не с кем. Дома одни бабы.

— Второй день дождь льет — как прорвало. Все косточки ноют, что мне на ринге размолотили. И кой черт я тогда мальцом полез драться? Задири-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

тый был, так и тянуло померяться силой. Да и потом от бокса не отставал. Вокруг ринга у нас в Италии крутились интересные люди. Самые интересные, если хочешь знать. — Мартин огляделся, присел на диван. — Что-то не ладится, сынок?

Фрэнк рывком вскочил. Лицо исказилось от гнева:

— А что ладится?! Нет, ты скажи: чему тут радоваться?! Раньше я хоть знал, кому вломить как следует. А теперь! Ха! Куда ни глянь — звезды, звезды! Один я — карлик, под ногами великих путаюсь. На фото, на киноэкране, на пластинках — одни великие! Всех не уделаешь.

— Ты нашел способ постоять за себя получше, чем кулаки. Тебя слушают, Фрэнки, тебя уважают.

— Черта с два! Все только и смотрят, как подставить ножку и обойти. Даже те, кто моложе меня, уже урвали сольные концерты. Да еще снимаются в кино. О них пишут в газетах! Они дают интервью! И спибают бабки, само собой.

— Объясни толком, что бы ты попросил у Господа?

— Па, ты стал богомольным? — Фрэнк зло хмыкнул, почесал затылок, скорчил постную физиономию: — Во-первых, благополучия моим близким. Во-вторых... Ну, это ж элементарно — чтобы не болел президент!

— Правильно отвечаешь, мальчик. — Отец сделал вид, что не заметил ироничного тона. — Может, что-то еще?

— Мне нужно сняться в кино. Иметь сольные концерты в хороших залах. Мне нужна взлетная

площадка, с которой можно стартовать куда угодно! И главное — выбраться из этой дыры!

— А ты не торопишься?

— Да мне уже двадцать шесть! Только и слышу «Подожди, подожди...»! А кому нужен поющий старикан? Кросби к этому возрасту уже снялся в кино и прославился на всю Америку!

В комнату осторожно вошла Долли:

— Гусь зажарился. С капустой.

— У нас серьезный разговор. Иди, Долли, не мешай, — махнул рукой Мартин.

Вот еще манеры взял — руками махать! Долли воинственно подбоченилась:

— Я — мешаю?! Разве не я первая сказала, что мальчик должен стать певцом! Вспомните, когда приходила родня, я всегда заставляла Фрэнка петь! И все были совершенно потрясены! Потом кодлу его музыкантов, что здесь целый день паслась, до пупа кормила. А теперь — «не мешай»! Никому не нужна в этом доме. — Она проглотила ком, но слезы полились.

Фрэнк вдруг заметил, что не только обстановка в доме кажется ему обветшалой, жалкой, состарившейся. Состарились родители. Железная До плачет, отец старается скрыть одышку. И совсем они не сильные, не грозные. Доживающие жизнь старики.

— Я говорил отцу, что нам пора перебираться отсюда к солнышку, — терпеливо объяснил он. — Для этого мне нужно появиться на экране и завоевать популярность. Это будет рывок...

— Нужно, нужно... — проворчал Мартин. — А мне новая вставная челюсть нужна. И сердце здоровое.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Будет, па! Вот заработаю и все тебе куплю — и челюсть, и сердце. — Фрэнк сжал кулаки. — Или сдохну под забором.

«Не сплеховать — борцу поможет хватка»

Через три дня Фрэнку позвонил человек, назвавшийся Джорджем Эвансом. Он сказал, что побывал на концерте биг-бэнда Томми Дорси, правда только до антракта, слышал Синатру и хотел бы встретиться с ним у себя в офисе.

— Отец! — Фрэнк еще держал трубку возле уха. — Это не розыгрыш?

— Тебе позвонил президент?

— Мне позвонил один из лучших агентов Америки! Он раскручивает звезд первой величины. Он пригласил меня на разговор!

— Иди, сынок, и поговори с ним. — Мартин даже не отложил газету. — А потом поблагодаришь от меня одного человека. Вилли Моретти — ты его помнишь. Когда-то мы с его отцом стояли на ринге. Он меня положил...

— Моретти? — Фрэнк хорошо помнил улыбчивого человека с ласковыми глазами, из которых сквозило леденящим холодом. — Быстро он меня тогда от суда отмазал. Я правда был невиновен, не трогал ту девку... Хорош Вилли... Деловой человек.

Фрэнк, конечно, еще тогда сообразил, кто такой этот Вилли. А потом докопался — в определенных кругах его знали как одного из самых крутых банди-

тов Нью-Джерси. Но он не стал обсуждать это с отцом. Для него разговоры о сицилийской мафии были не более реальны, чем пересуды об НЛО. Темно, смутно, далеко. Сейчас он понял, как близко подошел к опасной черте. Опасной? Почему? Для него эти люди — защита и помощь.

— Лады. Поговорю и поблагодарю... — Фрэнк выказал невероятную нежность — обнял отца и похлопал его по спине: — А ты у меня еще совсем крепкий, старикан.

— «Эванс, Эванс — это класс. Можете поздравить нас...» Пожалуй, фортуне надоело показывать мне свою задницу. — Фрэнк шлепнул Нэнси по располневшему заду.

Теплые руки, пахнувшие цветочным мылом, обняли его шею, скользнули дрессированными мышками к груди и там зашустрили, завозились и убежали, развернув его к зеркалу.

— Ну, как? Да не затягивай узел! Пусть свободно лежит. Новый фасон, усовершенствованный. Этот галстук и к деловому костюму как раз подходит. Нитки-то какие! С блеском, твой цвет — стальной с синим отливом, как раз к глазам. Целый месяц ночами вязала, спицы тонюсенькие, как иголки... Жду тебя и вяжу, жду и вяжу...

Она смотрела на него с обожанием. Пухленькая, милая, преданная, простенькая. И что особенно важно — всепрощающая. В шкафу стопки наглаженного белья переложены мешочками с сушеной лавандой, на плите отличный ужин всегда ждет мужа. Иногда до самого утра. Жареным сладким пер-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

цем пропахла кухня, на стене — гирлянды лиловых луковиц и ядреного крупного чеснока. Нэнси хорошая хозяйка, всю Долли помогает. И отличная мать — в колыбельке сладко спит их дочка, чистенькая, сытая, розовая, как булочка в клубничной глазури.

Нэнси отошла, искоса посмотрела на свою работу — новый галстук, последний из целой серии «спецзаказа». Не очень-то ему подходили стандартные фасоны галстуков — словно удавки болтались на тонкой шее.

— Молодец, женушка, — одобрил обновку Фрэнк, глядя в зеркало огромного трюмо. — Отличная маскировка мелких недостатков великого Фрэнки — скрыт от завистливых глаз мощный кадык и нежная шея... — Он криво усмехнулся. — Кто сказал «мощный кадык»? Ша, господа. Взгляните получше. — Он согнул руки, напряг мускулы, демонстрируя боксерскую стойку. — Все наоборот: мощная шея и нежный кадык. Кто скажет, детка, что твой муж не богатырского телосложения? — Он покосился на свое отражение и, подмигнув себе, отвернулся. — Во всяком случае, драться я умею, и совсем неплохо.

— Мой муж — самый-самый! — Оглядев деловой костюм Фрэнка, Нэнси смахнула пушинку. — Эвансу ты понравиться.

— Кто тут кому нравится? Это шоу-бизнес, детка! Рынок! Посмотрим, что предложит этот малый за такой «товар», как я. — Ребрами ладоней Фрэнк пригладил и без того блестящий от бриолина косой пророб. — Задешево я не продамься.

— Матерь Божья и святые угодники! — Воздев глаза к низкому потолку, Нэнси быстро перекрестилась. — Сделайте так, чтобы все получилось так, как хочет Фрэнки!

— Да куда они денутся, угодники твои разжиревшие! От меня не отвертятся. — В дверях он обернулся, послал жене воздушный поцелуй, «сдув» его с ладони, и она просияла: верно, против такого никто не устоит.

— Рост... Ну, думаю, с натяжкой сто шестьдесят пять. Вес — пятьдесят пять. С галстуком. Угадал? — Прищурившись, сидящий в кресле за письменным столом человек рассматривал визитера. — Не смущайся, парень, садись. Я ж покупатель приередливый...

— Вы знаете, как я пою. Вы были на концерте Томми Дорси. Видели, как меня принимал зал. — Фрэнк продолжал стоять твердо и упрямо, как стоял на сцене — слегка расставив ноги и повернувшись чуть боком. — Этого недостаточно?

— О, да! Сумасшедший успех! Кажется, даже какая-то дама преподнесла цветы. Или букет предназначался Томми? — У Эванса было круглое румяное лицо состарившегося рождественского ангелочка. Если бы у него были крылья, то от них несло бы папиросным дымом, пропитавшим всю комнату. Он и сейчас дымил, говорил словно нехотя, сжимая в уголке губ окурок.

— Радио, пластинки, работа с Томми, — прищурившись, напомнил Фрэнк.

— Как твой предполагаемый агент, я изучил досье. — Эванс загасил остаток папиросы в перепол-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

ненной пепельнице и запустил обе пятерни в копну вьющихся светлых волос. Помолчал, задумчиво почесывая голову. — Изучил и кое-что придумал...

— Я тоже кое-что узнал о вас. Дюк Эллингтон, Дин Мартин — ваши клиенты. Но все это... — Фрэнк с демонстративным унынием обвел глазами скромную обстановку комнаты, состоящую, помимо письменного стола, из жестяного, выкрашенного серой краской стеллажа, загруженного разломаченными папками, выдавшего виды кожаного дивана и рогатой вешалки в углу с тремя зонтиками.

— Понимаю: обстановка не впечатляет. Сигару? — Эванс открыл и подвинул в центр стола коробку кубинских «Кочейрос». — Это дорогие, для клиентов.

Фрэнк достал собственные сигареты, сел в кресло у стола и закурил.

— Вообще-то вполне уютно. Под столом никто не валяется, не несет из сортира...

Речь его звенела иронией. Он и впрямь был разочарован. Вырядился, как на свадьбу, и напридумывал уже Бог знает чего... Контора агента оказалась в пятиэтажном доме, зажатом между небоскребами, в длинном коридоре с разнокалиберными табличками на дверях, среди которых была и вывеска «Агент похоронного ритуала мистер Жанкино».

Не такая уж крупная птица этот Эванс. А напустил форсу! Вчера недосидел до конца, ушел в антракте. Папиросы курит хреновые. Ноги на стол закинул с гонором, а подошва стоптанная. Фрэнку стало жаль погибших надежд, расцветших после

звонка знаменитого агента. Чертов Моретти! Не такой уж, видать, и матерый.

— Надеюсь, вы работаете не в паре с гробовщиком Жанкино? Невезучие клиенты не отправляются отсюда прямиком на катафалк? — язвил он, отводя душу. Лучше бы, конечно, подраться...

— О, чисто сицилийский юмор! — Эванс с удовольствием выпустил из ноздрей клубы дыма. — Успокойся, здесь никого не убивают. А вид моего офиса — блажь преуспевающего дельца. Все знают Джорджа Эванса. И всем известно, что Эванс скромен. Скромнен до эксцентричности. Иногда это очень полезно. — Он встал, вытащил из-за папок на стеллаже бутылку виски и содовую, предложил: — Промочим горло, сынок?

— Не пью, не скандалю, не конфликтую с законом. — Фрэнк хотел добавить «папаша», но прикинул, что Эванс на папашу совсем не тянет — разжиревший сорокалетний пузан.

— Ладно, парень, не парь мне мозги. Возможно, я выгляжу олухом, но газеты все же читаю. Вот. — Он положил на угол стола папку с газетными вырезками. — Здесь все о Фрэнке Синатре. Не надо лезть тебе в штаны, чтобы понять — там не все спокойно.

Фрэнк вздернул подбородок — так четче вырисовывалась украшавшая его ямочка.

— Дело с заявившей на меня шлюхой закрыто за неимением доказательств. Знаете ли, мистер Эванс, мне нет необходимости брать женщин силой. — Фрэнк присел к столу, на котором появились стаканы.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— О, несомненно! — Эванс разлил виски, разбавив содовой. — Полагаю, если бы ангелу вздумалось петь в ресторанах и он обладал бы твоими данными, его непременно кто-нибудь затащил бы в постель.

— Точно. Моя проблема — обороняться от навязчивых поклонниц. Уже лет пять на мои концерты с оркестрами ходят толпы фанаток, которых называют «кеды и белые носки».

— Кеды? А лаковые туфельки? А сапожки из крокодиловой кожи не хочешь? Тебя будет любить вся Америка.

— Но вы вчера даже недосидели до конца.

— Разве знатоку необходимо выпить бочку вина, чтобы оценить его качество?

— Рад слышать, мистер Эванс.

— Джордж. Лучше — просто Джо. Нам теперь работать в связке. И знаешь, с чего я хочу начать, парень? С того, что свидетельствует, во-первых, о моем чувстве юмора, а во-вторых, о знании механизмов, которые пока далеко не всем ясны. Я в сущности имиджмейкер. Слышал о таких? — Они выпили. — Я создаю звезду — ее биографию, ее внешность, ее привычки и склонности. Создаю продукт, от которого слюнки потекут у так называемого «массового потребителя». А юмор состоит в том, что щуплого коротышку с довольно заурядной внешностью... Тише, тише, парень, — осадил он дернувшегося Фрэнка, — это всего лишь констатация факта. Так вот... — Эванс поднялся и положил руку на плечо темпераментному визитеру, удерживая его в кресле. — Обладателя далеко не сногши-

бательной внешности я собираюсь превратить в романтического певца, покорителя всех спален, героя всего женского населения, имеющего глаза и уши. Да, впрочем, плевать на глаза. Слепые леди всех возрастов тоже будут твои. Мне ж надо на тебе заработать.

— Почему бы не сделать из меня клоуна, раз уж моя внешность столь смехотворна?

— Голос. Голос, мой дорогой, голос. — Эванс все же зажег сигару и мечтательно уставился сквозь дым. — Бархатный, мурлыкающий баритон, словно нашептывающий в самое ушко своей избраннице самые ласковые слова. У тебя это здорово получается. Но придется тебе помочь, Фрэнки. А для этого мы с тобой должны быть вот так. — Он сцепил согнутые крючками указательные пальцы. — Начнем знаешь с чего? Ты выкинешь красный пиджак, в котором работал у Джеймса, забудешь про блестяшки, столь нравящиеся Томми, про яркие рубашки и ковбойские сапоги. Ты научишься носить шляпу так, словно родился в ней. И еще — ты засунешь в задницу свой сицилийский гонор.

Фрэнк едва усидел на месте, ноздри его побелели. Сквозь зубы он процедил:

— О'кей! Но давай, Джо, договоримся сразу: мы постараемся не наступать друг другу на больные мозоли.

Вскоре Эванс сказал:

— Собирай чемоданы, мальчик, порадуй семью. Мне удалось подписать с киностудией Metro-Goldwyn-Mayer контракт на три года.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Я буду сниматься?

— С начала марта. Мои ребята подыскали тебе неплохую квартиру. Дорого, но, знаешь, положение обязывает. Видишь ли, Голливуд есть Голливуд.

— Прямо в Голливуд?! Это... Это фантастика!

— Ну, дорогой, все только начинается. И пожалуйста, когда будешь закупать летний гардероб, прихвати меня.

**«Я номер первый! Я — Король!
Ах, только б не свалиться с трона»**

О, благодатный край! Все, абсолютно все цветет и пахнет: глицинии, бугенвиллии, азалии, камелии и Бог знает что еще. Места голого нет, цветы лезут на заборы, крыши, оплетают стены! С утра до вечера радостное солнце и вместо желтой пыли — зеленый газон, сверкающий каплями росы. Дом одноэтажный, весь из белого штакетника, вроде непрочный, но тут у всех такие. Зато как удобно и чистенько! Ванна — это ж загляденье! Нэнси с малышкой целыми днями моется или гуляет в сквере, Мартин, надев наколенники, повадился бегать трусцой по аллеям, а Долли не прочь прошвырнуться по магазинам. Тут же все непросто — только и смотри по сторонам. «Добрый день, мисс Хепберн! Здравствуйте, мистер Гейбл! Ах, как мы вас любим... Это не ваша собачка, мистер Богарт? Сплошное очарование!»

Фрэнки не сдался на волю «имиджмейкера». Прихватил себе сногшибательные яркие рубашки с пальмами, галстуки сочных расцветок, легкие эф-

фектные пиджаки. Как почти всех низкорослых мужчин с не очень выразительной внешностью, его обуревала тяга к замысловатой одежде. Но он был из тех, кому не требовалось повторять дважды — золото от медяка Фрэнки отличал всегда. И прекрасно умел обращать в достоинства собственные недостатки...

В 1941 году Синатра дебютировал на экране — в мюзикле «Ночи Лас-Вегаса», где спел свой шлягер «Я не буду больше улыбаться». В результате опроса, проведенного в этом же году журналом «Билл-боард», он был признан лучшим певцом, опередив Бинга Кросби, державшего этот титул с 1937 по 1940 год!

Однажды ему позвонил Санни:

— Старик, еле нарыл твой номер. Ни фиги себе! Такой фурор! Ты обскакал самого Кросби! Банкет зажмешь?

— А ты приедешь?

— Ну, старина, это проблематично. У меня автосервис, дел полно. Аккордеон достаю по праздникам — мы тут небольшую оркеструху замутили, играем в дансинге. наших давно не видел. Престо в армии — представляешь, как он там без шляпы? Наверное, под пилоткой ее носит. Красавчику два зуба выбили. Он женился на денежном мешке из Айдахо. Но ты! Ты-то как рванул! Ну прямо... высший пилотаж. — Санни засопел. — Я видел кино — это класс! Я в тебя всегда верил! Помнишь, ты хотел сбежать, а я тебя вернул? Там, на шоссе, ночью? Я весь в коровьем дерьме вывозился. Здорово было!

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Они еще поговорили — существа с разных планет. Автозаправка и Голливуд — что общего? Воспоминания — хрупкий хлам. Пообещали непременно увидаться, собрать всю банду. И было ясно, что никто никуда не поедет и вожденная вечеринка растворится в воздухе времени, как сигаретный дым...

«Шел Синатра по шоссе и сбежал от всех...» — бормоча, он вошел в душ и набрал номер девушки, которая всегда его ждала:

— Лора, сладкая моя бэби... Слушай, милая, кто журналюгам про нас слил? Ну не плачь. Ты совершенно ни при чем, бедняжка? Разболтала подружке случайно, а остальное она? Ладно, ладно, крошка, меня на мякине не проведешь — воробей стреляный. Так вот — я тебя больше не знаю. — Зажав трубку, из которой полились бурные рыдания, Фрэнк на цыпочках подошел к двери и заглянул в комнату Нэнси. — Привет, милая! Хорошо спала?

— Хорошо, — коротко ответила жена и отвернулась. Она дулась уже третий день, с того момента, как прочла эту проклятую статью. Фрэнк был изгнан из супружеской спальни и сослан в кабинет на диван.

Вернувшись к себе, он гневно крикнул в телефон:

— Все! Мисс Гудинг, если вы будете меня преследовать, я приму серьезные меры! — И хлопнул трубку на рычаги.

Идиотская история, надо быть осторожней... Жуткое место этот Голливуд, он прямо нашпигован голодными репортеришками. Выследили и засняли! Да еще возле мотеля: идут в обнимочку, птенчики... Тьфу!

Белокурую старлетку Элору Гудинг Фрэнк приметил сразу же по прибытии в Голливуд. Ресторан,

танцульки, отельчик на берегу, туда-сюда... Он еще не успел осмотреться в этом вожделенном месте, а уже попал во все газеты: «Очаровательная Элора Гудинг заполучила самого желанного мужчину Америки!» Определение, конечно, весьма лестное, но оно не порадовало Нэнси.

Да и Элора, хотя и вправду прелесть, никого не заполучила. Фрэнки же, получше изучив обстановку в Голливуде, ахнул: поговорка «пустили козла в огород» — это про него! Здесь ведь даже продавщицы в магазинах все как на подбор — не хуже Ланы Тернер...

— Ай! Больно! — вопил «самый желанный мужчина Америки», пытаясь высвободить ухо из материнских пальцев. Одно доктор при родах покалечил, другое — родная мать... Нэнси тихо плакала в уголке. Слезы падали на газеты с проклятыми заголовками.

— Ты должен дать нам слово, что это не повторится! — выставила ультиматум Долли. — Иначе я немедленно забираю Нэнси с малюткой и мы возвращаемся в Хобокен.

— Да... Да вот вам крест — никогда больше! — Фрэнки метался от жены к матери, божась и вымаливая прощения. Элору Гудинг он в самом деле бросил. Но сколько их еще, длинноногих секси, ждет своей очереди? Аппетит Фрэнка только разгорался, и садиться на «диету» он отнюдь не планировал.

За «Ночами Лас-Вегаса» последовала череда музыкальных фильмов, в которых Синатра играл ловких весельчаков, отлично танцующих, отбиваю-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

щих степ, изящно флиртующих и острящих. Легкость — неуловимое сияние молодости. Немногим удается сохранить этот блеск на всю жизнь. Это как божественный дар: кто-то не замечает его, не знает, как им воспользоваться, а кто-то аккуратно творит из него свое призвание. Фрэнки был влюблен в свое дело. Лицо его светилось счастьем. То, что он делал, было прекрасно — это знал он сам, и это понимали зрители.

Он был чрезвычайно подвижен, музыкален и наполнен некой летучей субстанцией, слагавшейся из ощущения собственной силы, предвкушения перспектив и постоянной влюбленности в очередную красотку. Он весь светился интересом к собеседнику и, казалось, обожал весь мир.

Однажды вечером отец протянул ему письмо, полученное по почте. Оно начиналось с дружеского «Привет!» и было подписано президентом Америки. Президент сообщал, что Фрэнсис Альберт Синатра должен явиться для дачи присяги и несения службы в рядах армии Соединенных Штатов. Стандартная повестка. Приглашение не на парад, не на чаепитие в Белом доме, а на войну! Достала она уже всех! Европу разгромили, теперь подавай второй фронт — американцев к ружью!

— Эта чертова война никогда не кончится! — Лохматые брови Мартина свирепо ерошились. — Они уже гребут всех, кого попало. Даже знаменитого певца, между прочим, уже не мальчишку, вдобавок семейного и с врожденной травмой уха! Черт! Есть надежда, что ты будешь петь в каком-то полковом оркестре. Не пошлют же они тебя стрелять!

— Ты о чем, старик?! — Фрэнк побагровел. — Я не трус. По фигу мне эти сраные пули! Отсиживаться в окопе не стану. — Он поморщился, схватился за голову: — Но карьера! Стоит на месяц отлучиться — и найдется с десяток «заместителей». А контракты с бродвейскими театрами?.. Черт! Все коту под хвост!

— Зря ты так. Второго Синатры нет!

— Но я не хочу потом начинать все сначала!

После шумных семейных дебатов решено было вновь обратиться к Вилли Моретти. На этот раз Вилли сказал, что пора бы им познакомиться с самим Багси, фамилию которого произносили шепотом. Отец и сын Синатры на следующий день вылетели в Нью-Йорк.

«Матерый враг полезней трех закадычных слабаков-друзей»

Расположившись в кресле первого класса и потягивая виски, Мартин решил поставить сына в курс дела:

— Звали его Бенджамин Зигельбаум, он родился в бандитских трущобах Бруклина году этак в девятьсот третьем — девятьсот пятом... Ну, считай, лет на пять моложе меня. Выходит, сейчас Багси уже сорок с хвостиком...

— Па, может мы будем говорить потише? — Фрэнк кивнул на соседа по креслу, занятого чтением немецкой газеты с фото Гитлера на первой полосе. Фюрер, с вдохновенным лицом параноика, выступал перед толпой.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Этот немец ни бельмеса не сечет по-нашему. Я проверял. Смотри... Синьор! Простите, вам не мешает наш разговор? — обратился Мартин к американцу по-итальянски. — Какое симпатичное лицо! — Он ткнул в фото фюрера. Тот не подержал беседу. Пожал плечами и попросил перейти на английский или, в крайнем случае, на немецкий. Убедившись, что его соседи к беседе не расположены, он вынул из коробочки, выданной авиакомпанией, розовые затычки и вставил их в уши.

— Так-то оно лучше! — Мартин вернулся к прерванному разговору. — Так вот, рассказываю тебе про интересный фильм, — он подмигнул, довольный конспирацией. — О пареньке Багси. Его отец, еврейский иммигрант из России, гробил здоровье на швейной фабрике, зарабатывая жалкие копейки. Денег не хватало на пропитание пятерых детей. Видя, как мучается отец, Бен еще в раннем детстве поклялся: он никогда не будет надрывать спину «честным трудом» ради наживы чужого дяди. И верно решил! Не дурак, а?.. Подростком Бен подружился с Мойшей Седвэйем, таким же оборванцем, как и он сам. Начали ребятки с грабежа уличных торговцев. Бен подходил к одному из продавцов и просил доллар. Тот, само собой, посылал его в задницу. Подбегал Мойша, обливал керосином весь товар и подносил к нему зажженную спичку. В следующий раз торговцы были более сговорчивы и соглашались заплатить дань без промедления. Таким образом, Бену и Мойше удалось взять под контроль всех торговцев на улице Лафайетт.

— Хорошее начало. Если честно, в нашей компании тоже были парни, занимавшиеся похожими делами. — Фрэнк пристроил затылок на подголовник и прикрыл лицо газетой. — Только у них дальше тьюриаги дело не пошло.

— А у Бена пошло! И очень далеко. Вскоре он повстречал другого подростка, тоже иммигранта. Этот малец уже имел немалый преступный опыт. Вместе они сколотили первую банду наемных убийц. Позже она вошла в Национальный преступный синдикат.

— Старик, не запугивай меня грозными названиями. Если меня вознамерился заслать под бомбы сам президент, то и отстоять меня смогут только люди серьезные.

— Решающим моментом для Бени стала встреча с Меиром Лански. Приглядевшись к бруклинскому раскладу, Лански понял, что из еврейской молодежи, обитающей здесь, может выйти толк. Единственное, чего им не хватало, — это хорошей организации, наподобие организации итальянской или ирландской мафии. И первым человеком, завербованным в его банду, стал Бен Зигель. Парень был смел до идиотизма, всегда на взводе — готов в любой момент броситься на врага и открыть пальбу.

— Багси и означает «бешеный», — уточнил Фрэнк.

— Э, сынок, тут скользкий момент. Означать-то оно означает. А смысл вышел другой. В определенных кругах имя Багси упоминалось, когда речь шла о бесстрашии и ответственном отношении к работе. Но Бен Зигель хотел выглядеть на-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

стоящим джентльменом. Естественно, он ненавидел свою кличку. Предпочел, чтобы друзья называли его просто Беном, а все остальные — мистером Зигелем.

— Интересное кино. — Фрэнк делал вид, что борется с одолевающей дремотой, но слушал внимательно. — Я даже слышал, что этот парень влюблен в искусство. Говорят, — он хмыкнул, — что он состоял в нежной связи с Джин Харлоу, которую пас Говард Хьюз.

— Красотка умерла молодой. Но в Голливуде о нем слышаны.

— Ты-то откуда все знаешь? — Фрэнк с интересом глянул из-под газеты на отца — мирного пожилого итальянца с проседью на висках и аккуратными усиками.

— Твой отец — боксер, хоть и бывший. Матчи в Нью-Йорке я старался не пропускать. Публика там — та самая. Мне доверяли и много рассказывали.

— Моретти из этой компании?

— С его родными я знаком с Катаньи. Так уж вышло, что сестра Моретти вышла замуж за парня из команды Зигеля. Семейные дела, ты ж понимаешь.

— И мы едем прямо к мистеру Зигелю?! — Фрэнк отбросил газету и в изумлении уставился на отца. — Ну, это круто!

— Постарайся понравиться ему, сынок. И вот что запомни: говорят... люди говорят, что у Зигеля напрочь отсутствует чувство страха и он не раз спасал своих друзей от неминуемой гибели. Моретти

сказал мне как-то: «В опасных ситуациях Багси никогда не раздумывал. Пока мы высчитывали, как лучше поступить, он уже доставал пистолет. Когда доходило до дела, никто не мог с ним сравниться. Я не знаю другого столь же храброго человека». Это высокая оценка, мальчик.

Эlegantный голубоглазый брюнет с шикарной шевелюрой и благородными чертами лица сидел за столом в саду своего дома в окрестностях Нью-Йорка. Настоящий герой киноэкрана, только что приехавший с кастинга в Голливуде. Вокруг поднимались кроны высоченных кленов, за ними виднелись черепичные крыши невысоких домов. Собственное поместье в парковой зоне, окруженное непроницаемой изгородью и недремлющей охраной. Но ни забора, ни охраны не видать. Стены каменного дома за плечами джентльмена оплетены плющом, из открытого окна взлетает край тюлевой занавеси, доносятся женские голоса и детский смех. На столе, окруженном цветущими кустами, стоят изящный кофейный сервиз, вазочки с сахаром и печеньем. У стола — большая оцинкованная лейка. Прищурившись, мужчина рассматривал зелень на грядке, разбитой вблизи круглой клумбы.

За столом расположились еще трое мужчин — отец и сын Синатры и их старый знакомый Вилли Моретти.

— В этом году не видать Саре никаких тыков. Опылять некому! Соседний фермер опрыскал весь участок ядохимикатами. Пчелы погибли. Ему бы только свою свеклу собрать, а на зверюшек и насе-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

комых плевать. С таким отношением к природе нам скоро всем надо будет другую планету искать. — Зигель аккуратно очищал апельсин серебряным ножичком. Очистил, красиво разломил дольки лотосом и положил на блюде — для всех.

— Сахар в воду для полива добавляй, верное средство. — Вилли Моретти сыпанул в лейку пару ложек песку, поболтал воду и полил крайний кустик на грядке, весь покрытый желтыми цветками. — Так и действуйте. — Он старательно обтер крупные руки салфеткой. — С утра налетят!

— А мы вам, мистер Зигель, натюрморт для радостного утра привезли. — Мартин Синатра заулыбался. — Сбегай-ка в машину, сынок.

Фрэнк поднялся, Багси движением руки остановил его:

— Сиди, пей кофе. Антуан принесет. — Он кивнул крепкому мужчине, совершенно незаметному за кустами цветущей жимолости.

— Сзади, на сиденье. Там не заперто! — крикнул Мартин. Но было совершенно очевидно: здесь что-то кому-то объяснять нет никакой необходимости, все все знают.

Вскоре Антуан уже семенил едва видными из-под огромной корзины ногами. Фрэнк бросился на помощь и подхватил ношу за ручку. Плетеную корзину поставили у ног Багси: дары природы — тыквы всех видов и оттенков, плоские патиссоны, узорчатые кабачки — радовали глаз.

— Все моя Долли собственноручно выхаживала, — соврал Мартин, узнавший у Моретти об увлечении жены Бена выращиванием тыкв. Овощи бы-

ли приобретены на нью-йоркском рынке. — В Калифорнии солнца много. Вон, заковырка какая произросла! — Мартин вытащил кабачок, на удивление точно воспроизводящий форму мужского члена.

— Это к плодородию, — засмеялся Багси и крикнул в дом: — Сара, иди, дорогая, сюда, тебе подарки друзья принесли!

Вышла молодая, очень красивая еврейка с яркими сочными губами и приятной улыбкой.

— А это вам и женщинам этого дома! — Фрэнк подал ей заранее приготовленную коробку с пластинками. — То, что я сумел сделать благодаря вашей помощи.

— Ты, дорогой, лей мед, да не пересласти коржик. — Вилли нарочито нахмурился. — Мы тут все хоть животы надорвем, а так, как ты, петть не сможем. От Творца нашего дар тебе перепал.

— А меня вот что беспокоит. — Багси обнял присевшую рядом Сару. — Плохого человека мы образумить сумеем. А кто талантливого поддержит? Вижу, не всегда государство разумно этим богатством распоряжается. А значит, помочь должны те, у кого сила и средства есть. Я, Фрэнки, на тебя большие виды имею. — Он обаятельно улыбнулся.

— Буду рад оправдать доверие. — Лицо Фрэнка озарилось подобающим случаем вдохновением. В голове же его быстро пронеслось: «Кранты!», а затем еще одна мысль: «Вот бы такого заполучить в друзья!» Багси Зигель ему очень понравился.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

**«Мне не забыть тот час...
я слышал голос Славы...»**

Получив официальное освобождение от воинской службы по медицинским показаниям — из-за болезни уха, Синатра завоевал себе врагов: пресса упорно муссировала тему его отлынивания от армейской службы, неприкрытое донжуанство, амбициозность и неукротимый нрав. Доводились до сведения общественности десятки случаев, мягко говоря, неэтичного поведения звезды: нажал на агента, вытряс гонорар, устроил скандал в газете, едва не избил музыкального критика... А уж тех, у которых певец соблазнил жену или возлюбленную, было не счесть. Пресса перемывала любимчику публики все косточки, но никакие ее выпады не могли противостоять охватившей страну «синатромании».

Настоящий прорыв в карьере Синатры произошел в декабре 1942 года, когда он подписал шестимесячный контракт с Paramount Theater — самым большим и престижным концертным залом Нью-Йорка. Это была прямая дорога к славе, признанию и деньгам. Прежде за один месячный ангажемент в оркестре Бенни Гудмана Синатра получал пять тысяч долларов — предельно высокий гонорар по тем временам. Но теперь ему предстояли вожделенные сольники! Весь вечер самому держать зал! Да не какой-нибудь, а самый привередливый... Первый концерт был назначен на канун Рождества.

Гримуборная, выдавшая величайших певцов и музыкантов, выглядела шикарно: вишневый штоф

на стенах, хрустальные бра, украшенная позолотой старинная мебель. Огромное зеркало, обрамленное лампочками, отражало элегантного молодого мужчину в темном костюме. Незнакомец — властный, требовательный, рафинированно-аристократичный — занял место задиристого, амбициозного Фрэнки. Какие еще «клозетные турне»? И что за «отчий дом» в Хобокене — этой сточной канаве? Джентльмен в элегантной «тройке», серой шляпе с широкой лентой — все в тон и все самого лучшего вкуса — наверняка родился в графском замке. Он умеет держаться с важными собеседниками, его симпатии ищут сильные мира сего, перед ним заискивают люди могущественные, и любая женщина теряет голову, стоит лишь поманить пальцем...

— Да, стоит лишь поманить пальцем! — Фрэнк продемонстрировал своему отражению задиристо вздернутый подбородок.

— Заткнись! — осадил его парень из зеркала. — Подумай лучше, как не дать петуха в «Прощай, весна!». Помнишь, тогда, в открытом зале? А? Мурашки по спине...

— А ты не пугай! Я знаю, мне положено сейчас трепетать. Молить Всевышнего позволить мне, червяку, совершить чудо — спеть так, чтобы зал лежал от восторга... Фигу! — Фрэнк показал в зеркало крепкий кукиш. — А я вот не боюсь. Не боюсь — и все тут! Я верю в себя и в свою удачу... Ты-то знаешь, что это правда... — Фрэнк слышал шум, доносящийся из зала, какие-то спорящие голоса у двери. — Я их всех порву! — пообещал он своему отражению, сделав соответствующий знак рукой.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

И подумал: «Вот сейчас прямо тут рухну на ковер и сдохну от страха!»

Перебранку в коридоре прервал властный голос Эванса. Послав кого-то подальше, агент без стука распахнул дверь. Его дорогуший смокинг, несмотря на атласные лацканы, был щедро посыпан пеплом. Даже плечи занесло «пургой», впрочем, возможно, это была перхоть. Импресарио не переставал удивлять Фрэнка: бездна вкуса, энергии — и эта демонстративная неряшливость, словно посылающая светские условности в известном всем направлении.

— О! — Эванс картинно раскинул руки. — Именно то, что я хотел. Молодец, парень! Шляпа — это круто! Совершенно скрывает твои роскошно торчащие уши.

— Полегче на поворотах, Эванс. — Глаза Фрэнка угрожающе сверкнули. — И этим, что натолклись в зал, хорошо бы вести себя поприличней. Уже, наверное, запаслись тухлыми яйцами и ждут...

— Здесь лучше идут помидоры... — Эванс еще раз оглядел своего подопечного и опустил в кресло: — Должен тебя кой о чем предупредить... Там полный зал твоих фанатов, кое-кто уже бьется в истерике...

— Не может быть... — оторопел Фрэнк.

— Тише, дорогой. Ты хоть подумал, зачем здесь я — Джордж Эванс, великий имиджмейкер?

— Поддержать...

— У меня задача другая — создать из тебя мегазвезду. При минимальных капиталовложениях. А в этом деле главное — подсказать толпе тип поведения. Они должны испытывать высший кайф от

пения кумира, доходя до умопомрачения. До умопомрачения! Это тебе по силам. Я еще в самом начале заметил, что дамы от тебя буквально впадают в транс!

— Да, и обозвал меня хиляком.

— Хиляк, обожаемый женщинами! На них я и сделал основную ставку в завоевании толпы. Но толпой ведь надо руководить! Вот этим я и займусь... — Он помахал руками, изобразив дирижера.

— Спасибо, надеюсь, рассчитываю... — Фрэнк покосился на репродуктор, вежливый голос из которого приглашал мистера Синатру на сцену. — Мне пора.

— Ни пуха... — подмигнул Эванс.

— К чертям! — Фрэнк сдвинул шляпу чуть набок и под трели звонка покинул комнату.

Первое отделение он провел как под водой! Уже не новичок на сцене, он чувствовал странное раздвоение. Хлыщ в шляпе шептал в микрофон какие-то слова, а Фрэнки из Хобокена стоял рядом, психовал и грыз ногти.

Кончилось все как-то неожиданно. Пижон в шляпе умолк, картинно раскланиваясь, а зал взвыл... Святая Дева Мария, такого он еще не видел! Разве только по телику, когда показывали турнир мирового первенства по боксу и громила Черный Бил положил в нокаут норвежского дебила. Беснования! Крики, визги, свист — аж страшно.

Занавес рухнул перед его носом. Да это же антракт! За кулисами уже ждали, повисли на плечах,

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

жали руки, совали цветы. Липкие от помады горячие женские губы впивались в его щеки, в воротник сорочки... Он сам не помнил, как оказался в гримерке.

— Здорово тебя отделали! — порадовался ждавший там Эванс. — Ну, как? Хорошее звучание?

Фрэнк бросил шляпу. Снял пиджак:

— Помыться бы — рубашку хоть выжимай. И вся в помаде. Не хватает еще, чтобы сюда ввалились сейчас Нэнси с мамашей.

Эванс протянул ему вешалку с чистой рубашкой и полотенце:

— Охладись.

Пока Фрэнк мылся в душе и переодевался, Эванс рассказывал ему о своем пиаровском трюке.

— Я нанял девушек и, подробно проинструктировав их, рассадил среди зрителей. Девушкам полагось вздыхать всякий раз, когда ты затянешь лирическую балладу, визжать, когда прозвучит слово «любовь», и биться в экстазе, когда ты протянешь руки в их сторону. Девчонки отлично справились, завели толпу и... Ты сам слышишь, что там делается... Сирена, кажется... значит, вызвали «скорую»!

— Твои штучки сработали... А я вроде как и ни при чем? Сбоку припеку?

— Не горячись, сицилиец! Знаешь, как отныне тебя будут величать? «Мистер Голос»! Я подбросил идеюку критикам. Неплохо, а?

...Концерт закончился триумфально. А за ним другой, третий... Полгода сольных выступлений, неистовств зрительного зала, полицейских нарядов, разгонявших фанаток, — полгода славы, о которой

Синатра и не мечтал. Не мечтал потому, что никогда такого еще не было — повального сумасшествия, охватывающего зал при звуках голоса певца. Наемные красотки уже не требовались. Фанатки до хрипоты вопили «браво!», визжали и даже натурально падали в обморок от полноты чувств. Газеты писали, что на концертах Синатры происходит невиданное — тысячи поклонниц пытаются прорваться в зал, запрудив всю улицу! После предновогоднего концерта в «Парамаунте» дверь, ведущая за кулисы, была заблокирована жаждущими автографа девчонками. А спустя несколько дней американские газеты уже пестрели заголовками: «Битва пяти тысяч фанаток за возможность взглянуть на Фрэнка Синатру».

Поклонницы повсюду сопровождали своего кумира, зачастую перекрывая движение на улицах. На концертах же происходило такое безумие, которое не шло ни в какое сравнение с триумфами других великих исполнителей, выступавших в этом концертном зале. Юные фанаты Синатры, так называемые бобби-соксеры¹, были готовы буквально молиться на своего идола и даже носили нечто вроде униформы — девушки надевали широкие юбки,

¹ От англ. *bobby sock*. Так назывался особый тип носков, которые иногда были частью школьной формы девочек в 1940–1950-е годы в Америке. Нередко в школах в качестве танцполов использовались помещения гимнастических залов, куда нельзя было заходить в уличной обуви, поэтому девочки танцевали в носках, скатывая их вниз, до самой пятки. Эта мода вскоре вышла за пределы школ.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

на которых чаще всего был изображен прыгающий пудель. Синатра стал первым подлинным молодежным кумиром, первым в истории шоу-бизнеса поп-идолом, лидером настоящей субкультуры. Так что поклонницам Элвиса Пресли и «Битлз» было у кого учиться.

Завершал полугодовые выступления в «Парамаунте» уже совсем другой человек. Вернувшись после финальных оваций, цветов, криков в привычную уже, заваленную букетами гримерку, Фрэнк подошел к зеркалу, пылливо взгляделся в свое отражение. Человек из зеркала вперил в него довольно наглый взгляд, не скрывающий насмешку. Фрэнк кивнул ему:

— Привет! Вот, значит, какой ты... супер-пупер! — Он опустил на стул перед гримерным столиком. Его отражение повторило движение, но чуть замедленно, с ленцой, словно нехотя подчиняясь. — Ну ты фраер, Мистер Голос! Хорош гусь! — Фрэнк выключил часть лампочек. — Это за тебя я катался в пыли, разбивал носы, выдрющивался в провонявших мочой забегаловках, рассказывал про писающего льдом эскимоса. Из-за тебя надрывался часами, выводя фразу, ужом вился, чтобы угодить публике... Думаешь, все свалилось само? Э, парень, не так-то просто оставить всех за спиной. Я слушал пластинки Кросби днем и ночью, я пел даже в сортире, изучал звучание оркестра и присвоил, засадил в свои внутренности голоса всех инструментов. Я научился растягивать губы, экономить воздух, чтобы тянуть ноты, и делать вздох совсем незаметным... Я ездил на поклон к Бену

Зигелю, чтобы, не приведи Господь, не сгнить от раны на фронте. Оберегал, как мог, твою драгоценную задницу...

Человек в зеркале закинул ногу на ногу и улыбнулся:

— Мама миа! Какой бескорыстный жертвователь! Речь, как я понял, идет о благодеянии... Давай расставим точки над *i*. Запомни: ты выламывался ради своих амбиций, ради безумной жажды быть лучшим. Ради удовольствия ловить в сладостные сети мурлыканья пестрых бабочек — всех, каких пожелаешь. На меньшее ты не согласен. Ты — победитель! Ты — Мистер Голос — Властелин мира! — Он расхохотался, с надрывом, с позой. И вдруг умолк, ткнув перед собой пальцем. И попал бы в самый нос Фрэнку, кабы не стекло. — А вот возьмет крохотный сосудик на твоих связках да и лопнет! И что? Прощай голос! Никакой мистер Зигель не поможет! Что ты тогда? Кто? Куда денется твоя королевская самоуверенность?

...Много лет спустя одна, много испытавшая и мудрая женщина, поющая перед полными залами на разных континентах, со смехом скажет ему:

— Не понимаю тех, кто говорит: «Я так дрожу перед выходом на сцену!» Если дрожишь — зачем выходить? Вот я совершенно не боюсь и выхожу с радостью!

— Представь, у меня та же история. Причем с самого начала. Мы отличная пара!

— Уникумы! — Они обнялись.

Разговор происходил в постели. Семидесятилетняя Марлен Дитрих и ее ровесник Синатра — оба

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

успешно концертирующие и не боящиеся в этой жизни ничего, даже самой старости. Марлен, завершавшая связь с Синатрой свою бурную любовную биографию, называла Фрэнки «роллс-ройсом» среди мужчин.

«Поет душа, я лишь ее хранитель...»

Синатра стал самым популярным исполнителем Америки. Мир увидел секс-символ нового типа — молодежного поп-идола, заставлявшего биться сильнее тинейджерские сердца. Один из критиков заметил, что между строк песен Синатры непременно торчит его либидо...

Предложения сыпались со всех сторон. Такого быстрого триумфа никто не помнил. Правда, многие были уверены: Фрэнк Синатра — очередная «спичка», как вспыхнул, так и погаснет. Но пламя этой спички разгоралось в большой костер, который никто не мог погасить. Фантастически трудолюбивый и целеустремленный певец не был однодневкой. В музыкальных кругах шутили, что Фрэнк обладает патентом на исполнение хитов. Синатра тщательнейшим образом вырабатывал свой стиль. У Бинга Кросби он научился очень бережному отношению к тексту, у тромбониста Томми Дорси — искусству незаметно дышать, чтобы разнообразить свое пение длинными фразами, у Билли Холидэй — протяжной атаке ноты, вносящей разнообразие в ритмику всего оркестра. Но все эти тонкости исполнительской техники не приводили бы в восторг публику, если бы сердце Синатры не билось в унисон с мелодией.

В одном из интервью он скажет: «Мои слушатели сопереживают песне, потому что я сам до глубины души проникаюсь ее смыслом. Я не делаю это намеренно. Все происходит само собой. Если в песне речь идет о крахе любви, то я и сам чувствую себя брошенным и одиноким. В этот момент мой голос несет всю боль потери, которой охвачено мое сердце. Ты можешь обладать прекрасными актерскими данными, но публика всегда оценивает меру твоей искренности. Если ты слукавил, не рассчитывай на успех. То же самое происходит во время любого контакта между людьми: выступления политика по телевидению, съемок актера в кино или беседы парня и девушки. В жизни и искусстве правда одна».

В 1943 году Мистер Голубые Глаза стал постоянным участником популярного радиосикла *Your Hit Parade*, в течение четырех месяцев пел в постановках на Бродвее, вел на радио собственную программу «Песни Синатры». Тогда же стартовала и его полноценная кинокарьера. Первые кинороли ему предлагали в мюзиклах — «Поднять якоря!», «Пока плывут облака», «Это случилось в Бруклине», «Увольнение в город». Проявить же свои актерские способности в полном объеме он смог в фильме *Step Lively*, снятом на студии *Metro-Goldwyn-Mayer* в 1944 году.

Директор студии Луис Майер (прозванный Золотым Львом) был очень доволен заключенным с Синатрой контрактом.

Они сидели в его кабинете, отмечая подписание чашечками ароматного чая.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Фрэнки, не скрою, твое сотрудничество с нашей студией — большая удача. Надеюсь, взаимовыгодная. Все свидетельствует о том, что у тебя незаурядное будущее.

— Мистер Майер, я с наслаждением снимаюсь в музыкальных фильмах, но... Боюсь, вы не рассчитываете на меня, как на серьезного актера.

— Видишь ли, не надо недооценивать легкий жанр. Развлекательные кинофильмы — одно из основных направлений студии. Оно определяется не только интересами кассы. Если хочешь — это правительственное задание: поддержка оптимизма в нации. Возьмем годы депрессии. Страна была в упадке. Разве мы устроили панихиду? Мы крепнулись, держались на гроши, но выстояли! Пока Америка переживала депрессию и безработицу, экран пел, плясал и рассказывал о счастье!

— Люди видели то, что помогало им выжить.

— Именно! — Майер поднял короткий палец, сверкнув перстнем. — Я не встречал человека, который говорил бы, что в эпоху перемен, бедствий, государственных потрясений искусство должно надеть траур: талдычить о том, что у страны нет будущего, что все предприниматели бандиты, что деньги зарабатываются только несправедливым образом, что все государственные институты продажны, а люди не способны что-то создать — умеют только заимствовать, красть, перекупать.

— Людям нужен праздник, — согласился Фрэнк.

— Сейчас идет мировая война. Америка воюет на нескольких фронтах. Да, наши города не бомбят и

американцы не страдают от голода. Но подумай о тысячах ребят, погибающих под пулями!

— Господин Майер, я постоянно об этом думаю. — Фрэнк картинно прижал руку к сердцу — театральный жест, возможно, даже ироничный. Но какая была проникновенность в голосе: — Поэтому записался во фронтовую бригаду, работающую на Итальянском фронте. Это мой долг, это веление сердца и горячее желание моей семьи.

— «Эм-Джи-Эм» и я лично всеми силами поддержим тебя, сынок! — пожимая Фрэнку руку, Луис едва не прослезился.

Фрэнк действительно отправился с фронтовыми бригадами на Итальянский фронт. Не то чтобы он очень уж воспытал патриотизмом, просто осознал — без этого имидж великого артиста удержать будет трудно. А там, среди войны и беды, понюхав порошу, глядя на раненых ребят, для которых он пел, Фрэнк внезапно для себя понял: да он бы хоть сейчас под пули, вот как они! Но Синатра нужен живым, его берегли, а он вдохновлял.

Вскоре Мистер Голос, поднимавший боевой дух американской армии на Итальянском фронте, был удостоен высочайшей чести — приглашен в Ватикан на аудиенцию к Папе Римскому.

«Мы в шалаше с тобой сошьем гнездо любви...»

К 1943 году гонорары Синатры выросли до пятидесяти тысяч долларов за концерт, он получил титул лучшего певца года, продолжая стремительно

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

увеличивать армию своих поклонниц. Складывалось впечатление, будто девицам Штатов больше нечем заняться: зимой они собирают снег из-под его ботинок, в теплое время оставляют на стенах дома следы губной помады; в ресторанах они подбирают пепел с его сигарет, в парикмахерских — остатки срезанных волос. Позже по всей Америке будет создано две тысячи фан-клубов певца, а на его почтовый адрес еженедельно станут приходить пять тысяч писем.

Уровень жизни тоже вырос. Прежний домик был оставлен, Синатра приобрел виллу на побережье в Лонг-Айленде — подальше от голливудской суеты, сплетен и скандалов. О таком можно было только мечтать: два бассейна, открытый кинотеатр в окружении кипарисов, балкончики, террасы, садовники, горничные. Статус суперзвезды обязывал иметь «роллс-ройс» с шофером, устраивать регулярные приемы, дружеские вечеринки и непременно присутствовать на важных мероприятиях — премьерах, юбилеях, открытии фестивалей, презентациях фильмов...

— Ты довольна, Нэнси? — Из клиники Фрэнк привез жену в новый дом. Привез не одну — с сыном, названным в его честь Фрэнком. — Нэнси и Фрэнки, наши малыши, будут всегда неразлучны, как и эти имена.

Нэнси отвернулась, укладывая младенца в голубую колыбельку:

— По крайней мере, наша малышка избежит несчастной доли брошенной жены. Брата не приревнуешь.

— Не говори глупости! Как ты можешь ревновать меня к этим девчонкам? Флирты со старлетками — такой же атрибут голливудской звезды, как авто с шофером. А я звезда, милая, все, как ты хотела. — Он распахнул двойную дверь веранды. — В маленьком бассейне всегда подогрета вода. Ты можешь бултыхаться там с детьми, сколько захочешь. Первая моя мысль и главное стремление — заботиться о вас.

— Я хочу, чтобы ты хоть иногда бывал дома, — робко завела Нэнси привычную «песню».

— Неужели не понятно: или домашний муж, служащий в конторе, или артист, вырвавшийся на звездную орбиту? Чего ты в конце концов хочешь? — Фрэнк не выносил подобных сцен. Мгновенно вскипал, и Нэнси отступала, стараясь избежать бурной стычки.

Действовавшее в годы Второй мировой войны табу на аудиозаписи несколько затормозило певческую карьеру Синатры, но в ноябре 1944 года запрет был снят, и, уже переманенный студией MGM, певец с удовольствием окунулся в работу. 28 сентября 1944 года Мистер Голос был приглашен на чашку чая к президенту Рузвельту. Встреча президента с деятелями Америки не могла обойтись без Синатры. И конечно же они подружились.

Песни Синатры по-прежнему радовали слух и пользовались неизменной популярностью. Только на протяжении 1945 года восемь новых синглов вошли в десятку лучших песен Америки. Это были сочинения разных авторов, в том числе и темы из мюзиклов:

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

If I Loved You, You'll Never Walk Alone, Dream, Saturday Night (Is the Loneliest Night of the Week).

В 1945 году он, как исполнитель, получил специального «Оскара» вместе с создателями антирасистской короткометражки *The House I Live In* («Дом, в котором я живу»). В 1946 году заключил контракт со студией «Эй-Джи-Эм», и его диски начали расходиться десятиллионными тиражами. Фрэнка стали приглашать на слеты и съезды международной мафии, а Бен Зигель — ее едва ли не самый выдающийся представитель — был в числе приятелей певца.

К 1947 году Фрэнк Синатра добился на звездном поприще всего, чего только мог пожелать. Он поет и снимается в кино, ведет телешоу и радиопрограммы. Почти подряд выходят два успешных альбома: *Songs by Sinatra* (1947) и *Christmas Songs by Sinatra* (1948). В 1949 году он регулярно штурмует вершушки песенных хит-парадов, а его хит номер один *Mam'selle* и еще несколько песен становятся финалистами по итогам года.

«И радость в доме — это мой путь»

И снова в доме малыш! Дочка Кристина лежала у груди Нэнси и почмокивала — сплошное умиление. Фрэнку только тридцать три, а все, что он хотел, уже тут! Он отошел к большому, до самого пола, окну, за которым искрился под солнцем океан, присел и навел фотоаппарат. В кресле Нэнси с неприбранными со сна волосами — лицо Мадонны, милые, светящиеся любовью глаза.

— Фрэнки, Нэнси — быстрее к маме! Вот так, стойте рядом. Фрэнки, вынь руку из штанов! — Отец семейства поймал кадр. — Смотрите все сюда — сейчас вылетит птичка!

Раздался щелчок.

— Ага, видели: никакой птички! Я же знаю, это малышню так обманывают, чтобы смотрели в самый объектив, — объяснила Нэнси-младшая. Детей разделяла четырехлетняя разница: Нэнси исполнилось восемь, Фрэнку — четыре, а Кристине — всего-то два месяца.

— Милая, я так счастлив! — Фрэнк нагнулся, обнял жену вместе с прильнувшей к ее груди малышкой. — Вероятно, я самый счастливый человек на свете!

— Я даже боюсь, — подняла на него темные глаза Нэнси. — Как будто все это сон. Проснусь — и мы снова в Хобокене, и я вяжу тебе галстук. А знаешь, совсем неплохо было тогда. — Она вздохнула.

— Нашла о чем жалеть! Если хочешь, свяжи мне еще галстук — я буду надевать его дома.

Нэнси потупилась:

— Тогда ты любил меня...

— Девочка моя, единственная жена моя — помнишь, как я клялся у алтаря? Я все помню. И если чем-то омрачаю твою жизнь — так это пустяки. Пустяки, милая!

— Эй! Здесь фотографируются? Я решила надеть нарядное платье. — Долли расправила кружевные рюши у выреза. — А то лежит дорогая вещь без дела. Диор какой-то. Хорошее качество, но как-то блекло. Я воротничок нарядный пришила. Все на

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

диван! — скомандовала она детям. — Сейчас Мартин приковыляет — побриться старый леший решил.

— А как же! Чтобы память была настоящая! — раздался на лестнице голос отца, и в комнате запахло лавандовой туалетной водой. Женщины переглянулись: сколько ни говори, все равно выливает по полфлакона.

— А потом прошу непременно снять меня вместе с Фрэнки! — Нэнси с малышкой уселась в центре дивана. Идиллия.

Часть вторая

АВА

«В девичьих снах так сладостны мечты»

Теплое июньское солнце садилось за сараями. Розовый кадиллак, играя зеркальным никелем, выполз из-за коровника и остановился прямо у калитки. Облезлый штaketник окатило клубничным сиянием. Сказочный свет ослепил ее, стоящую на пороге: босую, распаренную от жара плиты. Зажмурившись, она вдруг вспомнила, что платье разлезлось подмышками, что пальцы почернели от картофельной шелухи, а волосы пропахли луком. Но все это уже не имело значения: явившийся из авто герой, вызолоченный закатом, преобразил мир. Легкие руки легли на ее талию, лицо — тонкое и вдохновенное — склонилось к ее плечу.

— Твои волосы пахнут весенним лугом. Твоя кожа, как крыло бабочки... — прошелестел знакомый голос. — Я приехал, чтобы забрать тебя и никогда больше не расставаться...

— Люси! Куда тебя понесло, шалаву! — Мать огрела ее по спине кухонным полотенцем. — Без ума девка! Почтальон пришел, а она — на тебе — чуть не голая выскочила! Застегнись, бесстыжая! —

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Больно ущипнув за шею, мать застегнула пуговку у самого ее подбородка.

Они снова сидели у стола, заваленного овощными отходами. Молли Джонсон мыла полы в магазине у автобана и за это раз в неделю получала большой пакет с едой. То хорошие, чуть только осклизлые сосиски достанутся, то залежалый сыр или макароны, сдобренные мышинным пометом, то подгнившие фрукты и овощи. Кормиться - то надо. Эта депрессия всех достала — развалилась Америка и пошла ко дну, как «Титаник». А волной толпы нищих выбросило. Смитфилд — городок хоть и маленький, а куда ни глянь — сплошная беда. Ткацкая и табачная фабрики закрылись, а те, что остались, едва дышат. Старшие дети в большие города подались, да и там не сладко. Дома девки остались. Баппи почти невеста, Люси — четырнадцатилетняя оглобля, настоящая шалава, за ней смотри и смотри! А какой теперь пригляд? Жизнь под откос пошла. Жили совсем не бедно, табачная ферма Джонсонов хорошо держалась. Кормила семью, а в семье семь детских ртов! Как старшие подросли, помогать стали, дело и вовсе пошло. Машину купили для перевозки сырья, приоделись, кое-что в банк отложили. И вдруг разом благополучие оборвалось. Табак закупать перестали, банк, где на жизнь немного отложено было, рухнул. Земля никому не нужна, рабочие руки тоже. Кривой Питер хороший хозяин был, а тут выдохся весь, как проколотый мяч. Сидит весь день на лавке да трубку смолит. Одним зеленым глазом за ласточками в небе наблюдает, будто подсчитывает. Не пригодный к хозяйству мужик стал. Да и что делать — неясно.

Опустел городок. Почтальон хоть раз в неделю пройдет, а то на дороге никого и не увидишь. Дом теперь на Молли держится. Хорошо еще, шестнадцатилетняя Баппи, девушка дельная, матери помогает. От Люси не дождешься. Эта бесстыдница в короткой юбке только и знает, что по улицам бегать! Патлы распустит и несется прочь — только пятки сверкают. Подружка ее по школе, Кора, такая же коза, через три дома живет. Все шушукаются, все в кино шастают. А что в этом кино? Грех один. Придет девка домой, лицо блаженное. Помолиться забудет, так в постель и бухнется. Под подушкой не святых угодников хранит — фотокарточки кривляк, актеров, прости господи. И что у нее на уме — не поймешь. Иной раз пнем на дороге застынет — не видит, не слышит, что хочешь с ней делай. А уж охотники найдутся...

Молли Джонсон, пышная южанка, зыркнула на младшую дочь из-под повязанной до бровей темной косынки. Смазливая, ничего не скажешь, лицом в Питера. Он, хоть и одноглазый с детства, а когда в женихах ходил, статью отличался и лицом хорош был. Это уж потом, как вареный картофель под солнцем, скукожился, покраснел, и глаз вроде цвет потерял, заслезился. И не скажешь, что Люси его дочь. Ладненькая, тонюсенькая, как прутик, так и гнется. Это ничего, пройдет: троих родит — раздобреет. И лицо правильно оформится, в толщину разойдется. Только бы мужей девкам подыскать положительных. Не из нынешних шалопаев, что церковь за версту обходят. Господь щедр, он даже такое низкое животное, как мужик, облагородить может. Воздержанием, постом и молитвой.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Молли Джонсон не выносила мужчин. Хоть и вышла замуж удачно, да семь раз рожала от мужа, но жизнь повидала, не слепая же. Все беды от этого бесовского племени: насильники, обманщики и мерзавцы. Никто и спорить не станет. Хорошо, женщина мудрая все сама поймет, а для девок — один соблазн. Им в воспитании твердая рука нужна. Отец Паркенсен — приходской священник — вот человек был! Придет и весь вечер сидит, разговоры благостные заводит, детей наставляет. Но вот же потеря — схоронили его второй год как. И прислали кого? Оболтуса, едва из семинарии. Сам тощенький, голосок козлиный — чего от такого ждать? Такой и сам на соблазн падок — на службе глазами в молодых девок стреляет...

— Мам, картошка сварилась, салат я сделала. Ты фасоль дочистишь? Мне к Коре надо сбежать, по занятиям спросить. Задание по счету очень сложное задали! — Люси как ветром сдуло.

— Платком хоть накройся! — вслед дочери крикнула Молли, и плохие предчувствия в который раз омрачили ее сердце.

Люси убегала словно в другой мир. Во времена Великой депрессии в Америке экран и шоу-бизнес служили лишь одной цели — развлечениям. Как раз в то время Голливуд и окрестили «фабрикой грез». На экране поселились сны, сказки, заслонявшие тяжкую реальность. В это зазеркалье и рвалась Люси.

Время шло, а Молли так и сидела за потемневшим столом, перебирая овощи заскорузлыми пальцами. Готовить было уже некому — она осталась одна.

Через два года после того, как грянул кризис, жизнь вроде стала полегче. Рузвельт страну вытаскил, дай ему бог здоровья. Табачная фабрика поднялась — сырье только подавай. Баппи хорошо вышла замуж, за серьезного человека, в Нью-Йорк. Можно было б еще спокойно пожить. Да вот беда: муж, царствие ему небесное, ни с того ни с сего сел на пороге, побагровел, ойкнул и повалился, словно тюфяк...

Люси, как семнадцатый день рождения справила, объявила, что намерена специальность получить. Вместе с Корой отправилась в городок Вильсон на курсы секретарш. Там, поди, мужиков полно и каждый норовит под юбку залезть, но разве она мать послушает?

«Пресвятая Дева Мария, укрепи неразумную в праведности. Помоги сохранить чистоту тела и духа»... — Молли стояла на коленях в своей комнатке перед горящими свечами. То плакала, то молилась. Хотела было подняться — колени не послушались. До полуночи пролежала на половичке, потом, цепляясь за кровать, все же поднялась. Праведная жизнь прожита, а награда где?

**«Сытный ужин, теплый дом,
жизнь как миг мы проживем...»**

Дощатый низкий дом грелся под июльским полуденным солнцем. Совсем не ко времени разорался обалдевший петух, восседавший на оглобле бесколесой телеги и встряхивающий радужно-медным оперением. В маленькой комнате было рас-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

пахнуто окно. Вокруг лампы на потолке кружили бестолковые мухи. За окном — пыльные кусты и широкая улица, усеянная коровьими лепешками. Вильсон — та еще дыра, не лучше Смитфилда. Ну центр был более-менее — магазин стеклянный, мэрия и киношка. А вокруг застойное болото. Не часто услышишь на улице велосипедный звонок, а уж проезжающая машина — событие. Утром и вечером мычало и позвякивало колокольчиками стадо коров. У хозяйки, сдавшей комнату девушкам, имелось куриное хозяйство, и иногда им даже перепали битые яйца, но от запаха куриного помета деться было некуда. Зато комната почти ничего не стоила, если не лениться и в курятнике часок граблями помахать.

На курсах секретарш учились восемнадцать клуш, собравшихся из окрестных городков. Деревенщина, ржали по любому поводу да жопами вертели. Чесноком от них так и перло, а разговоры были только о танцуйках: «Дансинг! дансинг!» Но имелось кино. И свобода! И никто не орал вслед: «Куда тебя понесло, лахудра!»

Две девушки лежали поперек железной кровати, задрав ноги на стену. Одна пара ног — с большими мосластыми ступнями, смуглыми и жилистыми, как у футболиста — принадлежала Коре. Дочь голландца и метиски с индейской кровью, она взяла от своих родителей самое плохое: мощный орлиный нос, плоское долговязое тело, вылупленные коровьи глаза и желтый цвет кожи... Обладательницей других ножек — загорелых и изящно слепленных — бы-

ла Люси. Здесь совсем иные «лекала», иной подход к делу — художественный. Груды под легкой майкой походили на бокалы, тяжелые волосы падали с кровати чуть не на пол, кожа была цвета клубники со сливками и высшего качества выделки. Под боком у Люси стояла коробка разноцветных леденцов. Подруги грызли их словно семечки.

— Я тебе скажу: в этой дыре нам женихов не найти, — подвела итог бесконечной беседе Кора. Ей удавалось лежа накручивать на тряпочки прямые и жесткие, как у индейцев, волосы.

— Сдались они мне, женихи эти! Тьфу, даже смотреть противно. В субботу в клубе подвалил ко мне этот здешний красавчик с бензоколонки. Артур он, видите ли. Танцуем, а он рукой по заду мне шарит. Умный нашелся! Ну я сняла туфлю, да как врежу ему по уху! Больше не полезет.

— И зря! Зря разбрасываешься. Ты б его нежностью приручила. У него авто потрясное, красное и фары светят — жуть прямо. Папаня бензоколонку держит, значит, перспективы есть.

— В этом авто он разных девок катает, набьет, как огурцов в бочку, и потом всех перетрашает. — Люси хрустнула леденцом. — Не по мне конь.

— Понятно. Тебе из графьев подавай. Твоя мамаша божественными запретами все мозги тебе запудрила. Новых платьев тебе лет пять не покупала — все в обносках Баппи ходила. Ты хоть помнишь, каким мылом мылась? Самым дешевым, больничным. Бр-р! Воньца, как от шофера грузовика. О косметике даже думать не могла. Такая, прям, твоя Молли праведница. Ха! И чем это, ин-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

тересно, Деве Марии средства гигиены помешали?

— Нужна она мне, твоя косметика! — Люси зевнула, опустила на глаза черную бахрому ресниц и задумалась. — А духов хороших хочется. Набегаясь, пропотеешь и вдруг... вдруг он явится! Ты — пшик-пшик! И словно роза.

— Ага, жди, явится. Прямо из Голливуда на белом «роллсе». Им там своих мочалок не хватает. Нужны такие, что от пота духами поливаются. — Кора читала журналы для женщин, следила за новостями парфюмерии и знала о разных способах совершенствования фигуры. — От пота есть специальные протирки. Лежать ногами вверх надо не меньше двух часов в день — щиколотки станут тоньше, да и волосы на икрах поредеют, а может, и совсем вылезут.

— Ладно, мои ноги уже совершенство! — Люси вскочила, открыла тумбочку. На пол посыпались мелочи, упала и закатилась под кровать склянка с кремом.

— Тратишь деньги на всякое дерьмо. Баночки, скляночки ...

Достав коробку с иглами и нитками, Люси задумалась над продырявленным чулком: штопать или выкинуть?

— Все жалуешься! А что у тебя дома-то было? Из книг — одна Библия. Из удовольствий — радиоприемник. А матушка не переставая зудела: «Это нельзя, то нельзя, на мужчин не смотреть, в кино не ходить, волосы не распускать!» Ей бы лучше такую красотулю, как я, иметь. Никто б не покусился. — Кора села, зашмыгала носом, звучно высморкалась

в простыню. — Думаешь, я не вижу... все только на тебя и пялятся!

— Ну и бери их себе! Мне такого барахла не надо.

— Как же, принца жди, как в кино. Всю цветами забросает и увезет в свой замок для вечной прекрасной любви! — Кора отрезала кусок хлеба и, густо намазав джемом, жадно впиалась в него крупными лошадиными зубами. — Меня тогда не забудь. Будем у бассейна сидеть и опахалами обмахиваться.

— В кино правду показывают! Только она не для всех, — упрямо твердила свою версию жизни Люси. Отбросив чулок, она сняла со стены плечики с новым платьем — с расклешенной юбкой, усеянной маками. К нему полагались широкий лаковый пояс и соломенная шляпка с искусственным цветком. Все куплено на распродаже — костюм провисел на витрине прошлое лето, может, выгорел, да кто это заметит? Теперь на стене без дела красуется, только глазам радость. Приложив платье к груди, Люси закружилась по комнате. — И не зря я все это купила. Знаешь, что сделаю? Наряжусь и поеду в Нью-Йорк, навещать сестру Баппи!

— Не забудь прихватить у нашей хозяйки пару курочек! Там уж наверняка голодуха. — Душа зависть, Кора щедро красила ногти вишневым лаком. — А спорим, тебе слабо поехать?

«Твой ангел щедр. Не упusti свой шанс, девочка-босоножка!..»

Баппи с мужем, фотографом Лари, жила в большом доме на узкой, не слишком-то шикарной

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

улочке. Но совсем рядом, за крышами соседнего переулка, сверкал и шумел Бродвей. Лари, с фотоаппаратом на плече, вывел сестер прогуляться. Ему и досталась миссия гида:

— Бродвей — самая длинная улица Нью-Йорка, более двадцати пяти километров. Она идет через весь Манхэттен. Здесь расположены знаменитые театры, в нынешнем сезоне в них покажут более тридцати постановок. Потому-то я в сих чудных местах и пристроил свое фотоателье. Смекаешь? Публика гуляет не нищая, вот с такими кошельками. — Он показал на огромный пакет попкорна в руках Баппи, воздушные зерна из которого таскали обе сестры. — Эй, девочки, вы разве не хотите пойти со мной в китайский ресторан?

— Китайцы тараканов едят! Понос от них один, — отрезала Люси, едва успевавшая вертеть головой. — Я ж привезла совершенно безвредные яйца. Куры мисс Амелии прославилась на всю Северную Каролину!

— Дикая совсем у меня сестрица! — засмеялась Баппи. — Разъезжает по Америке с корзинкой яиц, будто в Нью-Йорке голод. Я три года назад такая же была. Ничего, привыкла. И китайскую кухню люблю. Нет у них там никаких тараканов. Да ты где, Лю? — Оглядевшись, она схватила за локоть отставшую сестру. — Потеряться захотела?

— Господи, мамочки мои! — Провинциалка шарахалась от машин и натыкавшихся на нее людей. С открытым ртом она проводила взглядом гигантский сверкающий «роллс». — Ни фиги себе тачка! Вот бы Кора уписалась!

— Ну ты даешь, деревня! Рот разинула. — Баппи с видом собственного превосходства тянула сестру мимо витрин Пятой авеню.

— Я же... я ж такое только в кино видала, и то чуточку. — Люси замерла как вкопанная перед мерцающей афишей над аркой кинотеатра — симпатяга Микки Руни головой отбивал яркий мяч. Это получалось у него чрезвычайно комично. — Ой, он весь лампами светится! А мяч снова летит... И снова по башке — бах! Ну, класс... И как это все устроено?..

— Посмотрим, что ты через час скажешь! — подмигнул свояченице Лари. — Рекламы засияют в полную силу.

От буйства огней, красок, звуков, запахов, калейдоскопа людских лиц у Люси закружилась голова. Она взмолилась:

— Давайте сегодня дома поедим. Очень прошу! У меня живот от волнения раздуло. Так и бурлит.

Лари щелкнул проходившую мимо пару — маленького негра и высоченную блондинку, шествующих в обнимку с огромными гамбургерами в руках. Высокий, немного сутулый, но с элегантной бородакой и длинными, до плеч, светлыми волосами, Лари выглядел весьма художественно, отлично вписываясь в пеструю толпу.

— О'кей, едим дома. Я ж на вас, дурехи, сэкономлю. — Лари простер руки: — О, Нью-Йорк, Нью-Йорк! Неплохо живем, а? Рузвельт пообещал, что американцы станут самой процветающей нацией на земле. Так оно и вышло. Поглядите, все при деньгах!

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Ужинали они дома. Люси варила спагетти в полной рассеянности — пенная вода сбежала на плиту. Перед глазами крутился, разливался огнями, высился домами богатый, как пещера Алладина, город. Жить здесь, конечно, страшно. Если бедной. А если богатой... Ой, представить невозможно...

Сливая воду, она обожгла руку и даже не ойкнула, затерявшись в своих мыслях... Шуба, мягкая и легкая, как снег, соскальзывает с плеч, а под ней только комбинация, нежная, как лепесток розы... Такая, как на витрине висела, на манекене. А на шубе — бумажка золотая и цена написана. Ой, мамочка моя! Полгода на такие деньги жить можно. И ведь покупают же счастливицам! Такие птицы, как этот Микки Руни, — звезды!

— Актеры жутко богатые. Я в журнале видела. Харлоу такая роскошная! А Хамфри Богарт — это вообще! Я его обожаю! Если бы у меня было столько денег, я бы... — Она замерла, не решив, что выбрать в первую очередь.

— Есть-то скоро дадите, красотки? Заработался ваш кормилец. — Явившись из темной лаборатории, Лари шурился. Рабочий халат на нем пестрел пятнами от химикатов. — Проявил снимки вчерашней свадьбы и напечатал. Вроде вышло неплохо. Если бы еще физиономии получше были. Да, это не манекенщиц снимать. — Он присел у окна, закурил. Пальцы у Лари были тоже прожженные химикатами — желтые в черных подпалинах. — Только вот скажите, милые дамы, отчего мне в объектив лезут сплошные уродины? Вкальываешь, вкальываешь, проявишь — и глазам больно!

— Сам говорил: нет некрасивых женщин, есть плохие фотографии, — напомнила Баппи, расставляя тарелки. — Снимать надо уметь.

На столе появились кастрюля с горячими макаронами и миска, полная раздувшихся розовых сосисок. Люси бурно смешивала салат с соусом из масла и горчицы, пробовала, облизывая ложку.

— А ну застынь, дитя природы! — Лари вытянул руки, сложив пальцы решеткой. Нацелил этот «объектив» на кулинарку и присмотрелся. — А знаешь, малышка, я тебя сниму. Витрину надо обновить, и есть идея — ни одной отвратной физиономии. Все красотки! Не захочешь, а остановишься рассмотреть. А уж если остановился — бац — и ты мой клиент!

— Это я красотка? — Люси приподняла густые смоляные брови. Никто из представителей художественного мира (ни киномеханик в киношке «Оризон», ни билетерша) ей этого не говорил. А мать ее такой «комплимент» сочла бы за оскорбление. Платье с маками осталось в чемоданчике. Люси не решилась надеть столь яркий туалет в городе, прямо таки кишашем мужчинами. Серое ситцевое платьице в синий горошек и синяя жакетка — вполне пристойно. Нет, мисс Джонсон не какая-нибудь...

— Красотка, да еще какая! — взвыл Лари с набитым ртом. — Только одета как чучело. Ты уж будь добра, приоденься понарядней, не старуха ж из богадельни. — Лари шлепнул свояченицу, собирающую со стола посуду, по крутому бедру...

Потом в мастерской, увидав Люси в платье с маками, он заставил ее распустить тяжелые со смоля-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

ным блеском волосы, присесть на высокий стульчик и вертеться то так, то эдак. Даже шляпка пригодилась. Баппи, стоявшая в глубине комнаты, затянутой черным сатином, хлопала в ладоши:

— Моя сестра будет лучше всех! А снимки мы пошлем маме.

— Эти карточки никто не должен видеть, — решила Люси, рассматривая еще сырые фотографии. Вот он — соблазн чистой воды, от которого предостерегала мать! Прямо кукла с витрины. Грудь торчком, талия осиная и ножки, которые Лари заставил обнажить аж выше колена — якобы в порыве ветра, как на рекламе чулок. — Этот разврат совершенно нельзя выставлять! Неприлично это.

— Глупышка, что же тут неприличного? — Баппи любовалась снимками. — Молоденькая девушка в расцвете красоты. Прелесть. Правда, Лари?

— На самом видном месте выставлю. И нечего дрожать — никто из милейшего Смитфилда сюда не заявится.

«Звонок! Спектакль твоей судьбы готов начаться»

Клиф Оуэн, двадцатипятилетний сотрудник студии MGM, чувствовал себя великолепно. Он окончил экономический институт и совсем недавно получил отличное место. Ему назначили приличную зарплату, намекнули на перспективы и, главное, выдали пропуск на студию — темно-синюю книжечку с фирменной эмблемой: прилегший в арке

золотой лев. Пока должность скромная — «служащий отдела по подбору и учету кадров». Но если постараться, до агента по связям с общественностью недалеко, а там и до продюсера рукой подать. Клиф прибыл в Нью-Йорк с заданием посмотреть в мюзикле на Бродвее молоденькую актрису, данные которой хранились в картотеке студии. Режиссер заметил ее в качестве претендентки на роль второго плана. Отправляя Клифа, имевшего всегда безупречный вид, подмигнул:

— Ты уж там держи ухо востро! И не очень-то размахивай своим... пропуском. При виде этой штуковины любая за тобой побежит.

Прогуливаясь до начала спектакля, Клиф опытным кинематографическим взглядом окидывал девушек. Теперь он знал, что ищут экранные боссы — то же, что любой прыщавый сопляк мечтает увидеть в своей постели. Специалист по кадрам засмотрелся на бедра вышедшей из фотомастерской женщины. Та остановилась у киоска с прессой и сделала вид, что рассматривает журналы. Клиф отвернулся к витрине, увешанной фотографиями. В стекле отражалась заинтересовавшая его куколка, блондинка с голубыми глазами. Лет двадцать — двадцать пять, вздернутый носик, очаровательная, аппетитно обтянутая крепом попа. Блондинка? О, нет... Он тряхнул головой и вновь уставился на фотографию в центре витрины, словно проявившуюся за отражением блондинки.

Черненькая! Вот это красотка! Невероятно! Так не бывает, чтобы все — тютелька в тютельку! Как по мерке скроено. Наверняка умелый фотомонтаж!

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Вскоре он получил от фотографа Лари Тери полную, весьма лестную характеристику скромной провинциалки. А еще через две недели в Вильсон, в дом мисс Милред, где снимали комнаты Кора и Люси, пришло письмо с вензелем киностудии, который, впрочем, ни о чем им не говорил. Текст письма вызывал лишь недоумение: мисс Люси Джонсон приглашалась на кастинг в MGM, в случае согласия сам директор мистер Майер желал бы подписать с мисс Джонсон контракт... Дорога от Нью-Йорка будет оплачена работником киностудии Клиффордом Оуэном.

В Нью-Йорке письмо вызвало переполох. Явившаяся туда с ним, с маленьким чемоданчиком и корзинкой яиц Люси и вправду надумала ехать в Лос-Анджелес! Неблизкий путь — через всю страну! Билет стоит чертову прорву денег, да и самолета она никогда не видела. Что еще за приглашение? Кто такой этот Клиффорд Оуэн? Баппи пробежала глазами текст письма и с недоумением посмотрела на стоящую в полном дорожном снаряжении сестру.

— Кора, моя подруга, сказала, что я буду самой последней идиоткой, если упущу этот шанс, — выпалила с порога Люси, забрав листок у огорошенной Баппи.

— Ты и есть идиотка, если веришь всяким глупостям. — Баппи поджала губы и стала сразу похожа на мать. Охватившие ее чувства были противоречивы и свидетельствовали лишь об одном: она завидовала. Чушь! Полная чушь. Не может же случиться, в самом деле, что перед этой дурехой Люси откроется волшебная дверца? А если может, то почему не

перед ней, Баппи? — Они, наверное, всем дурочкам такие письма присылают на всякий случай — вдруг кто клюнет и припрется.

— Можешь не сомневаться, я уж точно припрусь. — Люси даже не стала расстегивать чемодан.

— На волшебной палочке или на метле? Ты хоть представляешь, сколько стоит билет? — Баппи набирала в фартук луковицы из стоящего за дверью мешка. И так вдруг ей стало тошно от этой кухни и ежедневного стояния у плиты. А ведь десять минут назад, затевая жаркое из хорошего куска баранины на ребрышках, она была совершенно счастлива.

— Билет мне оплачивают! — Люси подошла к телефону, набрала номер. — Мистер Оуэн? Это Люси Джонсон. Я в Нью-Йорке... Да... Вы заедете за мной? Вот это здорово! — Она аж подпрыгнула. — Знаете адрес? Потрясно!..

— Пф-ф-ф... — Баппи села у стола, из фартука выкатились и разбежались по комнате луковицы. — А знаешь, чем дело кончится? Этот авантюрист заведет тебя в какой-нибудь темный притон, напоит и изнасилует!

— Ой, не могу! — демонстративно расхохоталась Люси. — Здесь телку не нашел — из Вильсона вызвал! Ты просто завидуешь, старая карга. — Она обняла сестру за шею. — Да, я поеду с ним! И знаешь, что сделаю в первую очередь? Выйду замуж за самого знаменитого актера Голливуда. За самую звездоющую звезду. Вот!

Оуэн ждал мисс Джонсон у входа в известную ему фотомастерскую. Он вышел из машины и встал

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

у журнального киоска — если что, не поздно и сбежать. Волнения преследовали открывателя красот — а вдруг фото все же сильно отретушировано? Как объясняться тогда с Майером, загоревшимся заполучить новый бриллиант? За такие просчеты можно и со студии вылететь. Сейчас выползет из ателье оштукатуренная каракатица с кривыми ногами... Оуэн мысленно обратился к Богу, что делал крайне редко.

Она вышла из двери задом, оберегая чемоданчик и большую, затянутую пестрым ситцем корзину. Платье модели «праздник в богадельне» зацепилось за притолоку, издало треск. Мисс крепко выругалась и шлепнула чью-то руку, попытавшуюся ей помочь из глубины ателье. Расправила подол, выпрямилась и огляделась, ища глазами Оуэна. Набрав воздух в легкие, он слышал, как забилося его сердце. В какой чертовой глуши появляются такие лица! Мимолетного взгляда довольно, чтобы распознать королевскую кровь. Немыслимо! Изумрудные, разлетающиеся к вискам глаза в смоляных ресницах, изящнейший нос, достойный чеканки на золотой монете... А губы... горделивый и чувственный абрис. Да, ее нельзя назвать смазливой мордашкой. Перед этой клушей из Северной Каролины хотелось встать навытяжку, титул Ваше Высочество так и крутился на языке. Ряженая принцесса. Дикая Королева.

— Мисс Джонсон, я здесь! — помахал он ей журналом «Голливудский бульвар», как и было условлено в телефонном разговоре.

— Оуэн, помощник главного директора. — Ну, даете! Я думала, вы старый. — Она вытерла руку о юбку и протянула ему ладонь, сложенную «лодочкой»: — Люси Джонсон... а это вам. Совершенно необычайной величины яйца прямо с куриной фермы. Моя хозяйка, как только узнала, что я стану играть в кино, так разоралась, ужас! Вот, просила передать. Она очень любит ваши фильмы. Плачет до утра, даже через стенку слышно. Честное слово!

— Благодарю вас, мисс! — Он мысленно выругался, взяв корзину, но прикинул, как будет рассказывать эту историю завтра в ресторане «Донван», и улыбнулся. — Прелестный подарок. Надеюсь, они удачно пересекут воздушное пространство страны. Прошу, такси ждет. Вы не боитесь самолета? — Он помог ей сесть на заднее сиденье и захлопнул дверцу.

Она аккуратно расправила юбку:

— Не думаю, чтобы меня мог испугать какой-то железный ящик, умеющий подниматься в воздух. И запомните накрепко, предупреждаю: если что-нибудь эдакое надумаете — полицию позову. Ору знаете как? Уши лопнут. Со мной шутки плохи...

О, нет! Она не боялась, она радовалась, как дитя, каждому мгновению долгого перелета и даже легко уснула, откинув голову на подголовник, прикрытый кружевной салфеткой. Оуэн смотрел на нежное, словно мраморная камея, лицо и думал: вот поймал охотник в лесу дикую зверюшку, тащит, чтобы посадить в золоченую клетку. И ждет на-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

грады. Как же изменит эта дикая леди судьбу его, Оуэна? Как-то изменит, уж это наверняка.

...Лос-анджелесский вечер благоухал и сиял. В океане стайками мерцали огни яхт и причалов, сквозь буйную зелень пальм и кипарисов сверкали разноцветными гирляндами отели и рестораны. Звуки оркестров, запахи кулинарных чудес кружили голову... Оуэну показалось, что его Дикая Королева покачивалась не столько от долгого перелета, сколько от впечатлений.

— Сейчас я устрою вас в гостиницу. Завтра утром мы встретимся с самым главным боссом кино. Запомните его имя — Луис Майер!

«Она прелестна и свежа — девчонка с захолустной фермы»

Номер в непрезентабельном отеле привел Люси в восторг. Бедняжка и не представляла, что бывают апартаменты пошкарней скромной комнаты с душем. Она, конечно, была голодна, и Оуэн повел девушку в кафетерий. Предлагать яичницу при наличии горы яиц было смешно, но она мгновенно смела порцию омлета с двойной ветчиной. Бармен с внешностью мачо выразительно косился на ужинавшую провинциалку. Клиф понял это как знак. Здешние бармены, работающие в перенасыщенной красотками атмосфере, утратили нюх на женские прелести. А этот сделал стойку — считай, случилось невероятное.

Расправляясь с омлетом, Люси спрашивала, кто из кинозвезд еще живет в этом отеле и где снимает

комнату сам Клиф. Доев, она зазевала, положила щеку на ладонь и смежила веки:

— Щас, допью чай, не выливать же.

Оуэн отвечал ей машинально, а сам прикидывал, какое впечатление его Дикая Королева произведет на Майера.

— У вас есть другое платье для визита на студию? — Он печально оглядел глухо закрытый темный балахон. — Здесь, видите ли, жарковато.

— Есть, само собой. Но оно хуже. Слишком яркое и вызывающее. Я же не какая-нибудь...

— Дорогая Люси! Кто же посмеет плохо думать о вас? Но это приморский город, город киночудес. И сейчас лето! Поверьте мне, лучше все же одеться полегче. Я буду ждать вас в фойе — ну, там, где лифты, ровно в девять часов. Не проспите?

— С чего это? Я быстро засыпаю и сплю, совершенно как бревно. Хоть из пушек пали. А в шесть прямо вскакиваю.

Клиф слегка улыбнулся, протягивая ей ключ от номера:

— Спокойной ночи!

— Эй! — окликнула она уже удалявшегося опекуна. — А комнаты тут хорошо запираются? Тот жирный, что за стойкой, не вздумает полезть? Скажи ему, что я не из тех. Нос так расквашу, что доктор не залечит.

— Спи спокойно. Никто тебя не побеспокоит, детка.

Утром она вышла из лифта свежая, как политая клумба. На лазурном фоне летнего платья цвели

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

маки. Туалет дополняли широкий лаковый пояс и шляпка. Клиф перевел дух. Подумать только — осиная талия, упругий контур бедра, холмы высокой груди — все а-ля натурель, без всяких женских ухищрений! Во рту пересохло, он с трудом произнес:

— Удачное платье. Доброе утро, мисс Джонсон. Прощу в мой автомобиль.

По дороге на студию он стал ей объяснять, что для юной, никому не известной девицы аудиенция с Майером — редчайший случай. Вначале нужны пробы, студийные фото, а уж если заинтересует — личный визит. Сейчас же Луису хватило фотографий, сделанных Лари, и история с приглашением и доставкой сокровища закрутилась.

— Голливуд называют «фабрикой грез» — здесь сосредоточены лучшие киностудии. Все самые лучшие режиссеры и знаменитые актеры работают здесь. Здесь за каждым кустом звезда. Считай, детка, что ты попала в рай!

Она развернулась к нему и смерила грозным взглядом:

— Если ты думаешь, что в этом вашем раю я соглашусь на все что угодно, то здорово ошибаешься!

На территории студии кипела работа. Оставив автомобиль на площадке, Клиф повел свою протезу к центральному особняку, где располагался офис дирекции. По аллеям расхаживали статисты в самых невообразимых нарядах. Вцепившись в его рукав, Люси озиралась, как девчушка, впервые попавшая в зоопарк. Оуэн с удовлетворением заметил, что мужчины провожали его спутницу ошале-

лыми взглядами. И дело не в смешном платье и не в манерах — здесь марсианина встретишь и не вздрогнешь. Это была высшая оценка ее красоты.

«О, что за взгляды мчат за нею вслед!»

Луису Майеру — одному из основателей Голливуда, исполнилось пятьдесят шесть лет. Пятнадцать лет назад инициативный Лазарь Меир приехал в Америку из Белоруссии и быстро смекнул, на чем можно сделать большие деньги. Вначале Голливуд напомнил Майеру цирк с тремя аренами, где одновременно толкались безумные, одержимые, плохо управляемые персонажи. Вскоре он понял, что хоровод идиотов пляшет, по существу, на минном поле, и танец имеет свои правила. Возможность подорваться в любую минуту лишь подстегивает азарт плясунов, а риск больше всего иного вдохновлял Майера.

Основав свою кинокомпанию — Metro-Goldwyn-Mayer, Луис начал снимать кассовые фильмы и открывать звезд. Грета Гарбо и Кларк Гейбл были его лучшими находками.

Имя Луиса Майера быстро приобрело вес, он стал одним из основателей кинопремии «Оскар», а на его студии были сняты такие мировые шедевры, как «Унесенные ветром», «Анна Каренина», «Большой вальс», «Волшебник страны Оз» и многие другие.

Великолепие кабинета ошеломило Люси. К резному карнизу были подвешены картины, наверняка дорогущие, а перед камином, облицованным ры-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

жим искристым мрамором, стояли изящный чайный столик, диван и несколько старинных стульев.

— Добро пожаловать! — Носатый пузан с блестящей лысиной и гвоздикой в петлице элегантного пиджака привстал из-за письменного стола и сделал жест, приглашающий вошедших за чайный столик. Девушка в маках заняла место с краю и, поколебавшись, сняла шляпку. Тяжелый пучок смоляных волос, собранный на затылке, казалось, оттягивал голову, придавая взгляду раскосых глаз некую надменность. На подбородке явственно обозначилась ямочка.

Майер оценил доставленное сокровище еще с порога. У него, как у заядлого кладоискателя, лязгнувшего лопатой о край зарытого сундука, сердце екнуло в предвкушении.

— Что будете пить, мисс Джонсон?

— Чай, — гордо ответила Люси, обмирая от шикарности обстановки.

Она не знала, что чай у Майера особого сорта, импортный, и что заваривается он на специальной воде. Она вовсе не хотела скромничать и просить то, что дешевле, но с кофе много путаницы, запросто можно оконфузиться. А тут ведь все очень серьезно — вон как рассматривает ее этот невысокий, щегольски одетый человек, сидящий напротив.

Светловолосая элегантная секретарша с точеной фигурой принесла поднос. Люси взяла чашку с блюдцем, ощущая, как дрожит рука, выбивая на блюдечке мелкую фарфоровую дробь.

— Детка, ты можешь не волноваться, чашка у меня не последняя! — Майер отечески улыбнулся.

— У нас дома тоже пьют чай, но чаще — кофе с цикорием. Цикорий убивает заразу, а в нашем колдце ее полно. Соседи навозу накидали. Не верите? Очень даже просто! От зависти.

Клиф окаменел, а Майер весело рассмеялся. Отсмеявшись, сказал:

— Детка, ты попала в самую точку! У нас тут тоже — зазеваешься, и соседи навозу накидают. От зависти. Милая, окажи мне услугу, принеси вон те журналы. — Майер указал на полку в другом конце комнаты и внимательно последил, как прошествовала к ней девушка. Она сняла под столом туфли и ступала на носочках по ковру. Чулки отсутствовали.

— В этих журналах рассказывается о нашей ступидии. Непременно прочти внимательно.

— Я киношки очень люблю. Столько из-за них настрадалась! Приходилось все время бегать от матери. Она ни за что не пускала! Кора, подружка моя, у ворот свистнет, я и выскочу в окно прямо в чем была, босиком, нечесаная. Вернусь поздно и бух в кровать. А во сне — все кружится, кружится, как в сказке...

— Мне жаль вашу матушку, она произвела на свет бриллиант и не оценила этого, — вставил Клиф.

— Еще за волосы меня тягала. Если поймает — так отлущует...

— Как я тебя понимаю! — Майер вздохнул. — Но об этом мы побеседуем как-нибудь потом. А сейчас подпишем контракт, Люси Джонсон.

— Настоящий контракт на работу? А кем работать?

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Когда подучишься, станешь актрисой, а пока...

— Ага, меня предупреждали! Никаких «пока»! Давайте сразу договоримся, мистер Майер: мне восемнадцать лет и я многое не понимаю в ваших делах, но твердо знаю одно — я останусь честной девушкой!

— Вот и славно! Нам нужны только честные девушки.

Появились солидные бумаги с вензелями и штампами. Люси Джонсон и Майер заключили контракт на пять лет с жалованьем пятьдесят долларов в неделю.

— С этого дня ты служащая MGM. Поздравляю! — Майер пожал руку новой сотруднице. А теперь мы немного побеседуем с мистером Оуэном, а ты, милая, подожди в холле. Мою секретаршу зовут мисс Ольга. Она оформит пропуск на студию и объяснит наши порядки.

Когда девушка вышла, Майер подвел итог:

— Говорить не умеет, двигаться не умеет, играть, конечно, тоже. Но она совершенно великолепна!

— Пять лет — большой срок. Провинциалки быстро обтесываются...

— Не будем ждать, когда крошка постареет. У тебя две задачи, Клиф: познакомь эту коровницу с какой-нибудь бойкой девушкой типа Ланы Тернер. Устрой ее проживание и понаблюдай за ней, чтобы она сдуру не выскочила замуж. Нам замужние звезды не нужны.

— Сделаю, шеф. А как со шлифовкой? — Оуэн улыбнулся уголком рта.

— Год она проучится в нашей актерской школе, а там посмотрим. Ким Колден перепишет биографию крошки: строгое католическое воспитание, школа моделей, некие дальние аристократические родственники в Испании, что-нибудь еще... И подумай о псевдониме.

— Я уже думал. Игривый ей не подойдет. Необходимо нечто гордое, благородное, загадочное. Ава, например. А-ва — имя капризницы из хорошей конюшни. И совсем близко к «Ave» — нечто молитвенное, благоговейное... А фамилия... непременно с геральдическим блеском.

— Сделаем ее созвучной нашей суперзвезде Грете Гарбо. Пусть у зрителя срабатывают ассоциации. Допустим... — Майер пошевелил короткими толстыми пальцами, словно ловя что-то в воздухе. Перстень на одном из них откликнулся искристой игрой. — Гр... Гардон. Нет — Гарднер! С раскатистым «р».

— Хорошо... Гарднер... Слышится звон шпага и поступь истории. Шелест кованой листвы самых крупных генеалогических древ.

— А ты не пишешь сценарии, мой друг?

— О... пробовал... — Оуэн уже собрался рассказать шефу о замысле гениального сюжета, но тот взялся за один из телефонных аппаратов и махнул ему рукой — мол, разговор окончен.

**«Зря слезы льешь, возмись за дело,
детка!»**

В актерской школе «Витрина» Люси взяла в оборот преподавательница по актерскому мастерству

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Клер Роуз — бывшая актриса лондонского репертуарного театра. Выглядела она как престарелая герцогиня, а голос ее журчал словно арфа, драгоценно переливаясь полутонами:

— Вы понимаете, детка, что с таким вульгарным лексиконом нельзя рассчитывать даже на место секретарши у захудалого агента. У вас прекрасная фактура — с этим нельзя не согласиться. Хотя красотки в Голливуде далеко не редкость. Зачастую они становятся старухами, так и не дождавшись выхода на экран. Несчастливая судьба? Плохие ножки? Нет! Причина в другом. Ученые выяснили — чем выше интеллект и воспитание человека, тем богаче интонирована его речь! Не говоря уже о лексиконе...

— Ага, — кивнула Люси, боясь ляпнуть лишнее и уж тем более спросить о значении мудреного слова «лексикон».

— Вспомните «Пигмалион» Бернарда Шоу — именно правильная, аристократическая речь сделала из нищенки леди.

— Если честно, я не знаю эту историю, — потупилась девушка. В последнее время ей постоянно приходилось сталкиваться с совершенно неизвестными фамилиями и названиями, притязавшими на известность. Какой-то Шекспир, Байрон... Иностранные фамилии, которые вообще невозможно было запомнить: Эйзенштейн, например! — У нас дома не больно увлекались книгами.

Со смирением мученицы Клер Роуз объяснила:

— В известнейшей пьесе знаменитого драматурга и насмешника Бернарда Шоу состоятельный профессор подобрал на улице нищенку, заключив

спор с другом. Договор состоял в том, что путем долгих и кропотливых занятий над речью девушки он сумеет превратить ее в настоящую светскую даму. Речь у девицы была вроде вашей — сплошные нецензурные выражения. Лексикон отбросов из городских трущоб.

— И она исправилась? — оживилась Люси. — Научилась говорить культурно?

— Блестяще научилась! Добившись необходимо-го результата, профессор вывез девушку на бал во дворец, где все принимали ее за особу высокого происхождения. А потом женился!

— Правда? — ученице понравился этот... как его... Шоу. — О, я тоже мечтаю о хорошем муже!

— Думается, что вы не совсем правильно понимаете определение «хороший муж». Но мы будем усиленно работать и над вашим лексиконом, и над манерами. Это то малое, с чего придется начать.

Пара месяцев занятий в школе несколько преобразили Люси. Она уже не шарахалась от людей, не глазела на прохожих, сдерживала острые словечки, которые так и крутились на языке. Особенно трудно было держаться, когда приходилось отшивать цеплявшихся к ней мужчин. Если она что и говорила такому приставале, то совсем тихо, как и положено светской леди.

Клиф решил, что Дикую Королеву можно вывести в свет.

Скромный прием по поводу выхода нового фильма MGM проходил на вилле Хамфри Богарта. Без особой помпезности и прессы, эта вечеринка

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

была для своих и носила вполне дружеский характер. Подходящий момент, чтобы показать девочку обществу, пусть пока и мельком.

Клиф, имевший приглашение от симпатяги Богарта, серьезно подготовился к мероприятию. За час до назначенного срока он привез в гостиничный номер Люси коробки с нарядом, взятым напрокат. Она хмуро рассмотрела узкое шелковое платье цвета запыленной листвы.

— Без рукавов?! А это что за дыра? Здесь впереди выдран целый кусок!

— Это декольте на спине. Вполне скромное, до лопаток.

— И ты хочешь, чтобы я в этом появилась при всех? Там ведь будут еще люди?

— Там будут красивейшие мужчины и женщины Голливуда. В вечерних туалетах, в сравнении с которыми это платье — домашний халатик Золушки. Я старался пощадить твою скромность.

— Спасибочки, конечно. Но у тебя отвратительный вкус. — Она кинула в него скомканное платье. — Можно было бы выбрать что-то капроновое с оборками. Как у Дины Дурбин в киношке про дворецкого. И без дырки. А рукава — непременно фонариками!

Клиф терпеливо расправил ткань и положил на кровать.

— Вот что, леди из Каролины, давайте условимся — вы подписали контракт на работу в студии. Не на заводе, не на птицеферме, а в лучшей киностудии мира, девиз которой — роскошь и еще раз роскошь. На этой неделе вы получите пятьдесят долларов

только за то, что покажете товарищам по профессии свои руки и верхний отдел позвоночника. Через полчаса жду вас внизу. Не забудьте надеть туфли. — Он пошел к двери, остановился, порылся в карманах, извлек, наконец, крошечный пакетик: — Здесь духи, пробная пробирка. Но это очень хорошие и очень дорогие духи. И не заикайся, что они пахнут подгоревшей пиццей!

**«Нас ловко провела судьба,
отсрочив счастья миг»**

У виллы Богарта стояла вереница автомобилей, и каждую минуту подъезжали новые. Открываемые швейцаром, одетым в камзол кавалера двора Людовика Прекрасного, дверцы выпускали в ароматный воздух синего вечера элегантнейших мужчин и женщин. Клифу Оуэну пришлось расстаться, чтобы его протеже зарекомендовала себя с лучшей стороны, по крайней мере, не села в лужу. К счастью, она притихла, поглощенная созерцанием. И, что интересно, вовсе не выглядела при этом смущенной провинциалкой, не хихикала, не закатывала глаз. Осанка королевы, мраморное лицо, не тронутое косметикой, загадочный взгляд изумрудных глаз. На вопросы любопытных Оуэн отвечал лаконично: «новая находка Льва», и старался Люси, вернее, теперь уже Аву, ни с кем не знакомить — этот церемониал еще следовало освоить. А то вытрет ладошку о юбку и протянет ее «лодочкой» с грацией горничной, да еще не дай бог в книксене присядет...

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Подружку Аве Клиф наметил, руководствуясь эстетическими и моральными соображениями. Брюнетке — блондинку, тоненькой — пухленькую, пуританке — вопиющую секси, провинциалке — опытнейшую куртизанку Голливуда. Не только экранные роли Ланы Тернер отличались рискованными любовными интригами. Ее и в жизни нельзя было назвать пайнкой, вот уж кто подбрасывал прессе самые горячие темы! Сейчас все следили за ее страстным романом с Фрэнком Синатрой — звездой эстрады, лучшим певцом года, кинодебютантом, устремленным к серьезным ролям.

Оркестр в золотых костюмах и цилиндрах, расположившийся на возвышении у подсвеченного бассейна, заиграл вступление к песне. Посыпались аплодисменты и крики: «Фрэнки! Фрэнки!» В свет прожекторов вышел невысокий гибкий джентльмен. Темный костюм, широкополая мягкая шляпа, интимный блеск голубых глаз. Он взялся за микрофон, одарил всех сверкающей улыбкой и, слегка прищелкивая пальцами в ритм, запел. Да так, что каждой из находящихся здесь дам казалось, будто бархатный баритон звучит только для нее.

Пышная блондинка, обтянутая сверкающей чешуей серебряного платья, небрежно куталась в меховой палантин. Приблизившись к эстраде, она присела на край бассейна. Ноги, изгиб бедра, округлости высоко поднятой груди, щедро представленной глубоким декольте, — все сплошной соблазн и наслаждение. Слегка закинув голову, она смотрела на Фрэнка. Кончик языка облизывал блестящие алые губы.

— Это же сам Фрэнк Синатра! Ни хрена себе! Мы с Корой часто слушали его по радио. А в дансинге танцевали под его песни! — Ава уставилась на певца во все глаза.

— Я же предупреждал: следи за лексиконом! — Клиф наступил на кончик туфельки Золушки.

Но она и не заметила:

— Обалдеть можно! Никто не поверит, когда расскажу — совсем живой Синатра!

— И даже удивительно, что еще живой, — съязвил Клиф. — При такой нагрузке. Этот парень теперь нарасхват. Бесконечные съемки в музыкальных фильмах и романы с самыми отборными красотками. Он не щадит жену, сидящую с малютками, — журналисты в подробностях описывают победы любимца публики. На наших глазах, как ты поняла, разворачивается бурный роман Фрэнки с очаровательной Ланой Тернер.

— Еще бы! Она невероятная красавица. Как из сказки, — вздохнула Ава, обрывая лепестки у цветка азалии и не отрывая глаз от влюбленных. — Офигенная пара. Я всегда хотела быть блондинкой.

— Э, нет! Никаких перемен внешности без одобрения Льва. В контракте цвет волос и вес зафиксированы. Эти волосы, — Клиф дотронулся до блестящих волнистых прядей Авы, — и это тело... — он ограничился обволакивающим взглядом, — принадлежат студии. Когда-нибудь все сладкоголосые соловьи в этих лесах будут петь для тебя, крошка. — Клиф прогнал мечтательное выражение со своего строгого лица. — А сейчас, думаю, тебе стоит познакомиться с Ланой.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Когда песня закончилась и Синатру увлекли в дом, Клиф успел перехватить красотку:

— Счастье мое! У меня к тебе дело на миллион долларов. Лев лепит звезду. — Он кивнул на Аву. — Знакомьтесь, девочки. Надеюсь, вы подружитесь — считай, Лана, это его личная просьба.

— В таком случае я пригрела бы на груди даже жабу.

— На такой груди... — Клиф закатил глаза. — Жаба превратилась бы в бутылку виски. Это славная, но совсем еще не обтесанная девочка. Она всегда мечтала стать похожей на тебя.

— Вот это уж совсем не обязательно. Мне конкурентки не нужны! — Лана шутливо шлепнула Клифа веером и улыбнулась новой знакомой: — Это с тобой мистер Майер с лету подписал пятилетний контракт? — Она придирчиво оглядела соперницу. — Как тебя там — Молли, Долли? Кесси Смит, угадала?

— Ава Гарднер, — поправил Оуэн.

— Это они с Майером придумали мне дурацкое имя.

— Тс-с-с, детка! Великого мистера Майера здесь не ругают, а его решения не обсуждают — они бывают только гениальными. Если он сказал Ава, то именно Ава и никак иначе. Поняла? — строго выговорила Лана, тут же весело улыбнулась, взяла новенькую под руку и шепнула ей на ухо: — Завтра мы совершим экскурсию по здешним достопримечательностям, посидим в ресторанчике и... — Она перевела взгляд на Клифа. — Через месяц вы не узнаете свою крошку. Проведу блиц-курс голливудской грамотности...

К ним подошел хозяин дома Хамфри Богарт. Море мужского шарма, пронизательный взгляд, заслуженная слава киногероя. Он даже, вопреки обыкновению, не был особенно пьян.

— Кого ты тут от меня прячешь, Клиф? О, скромный цветок. Шампанское? — Он подозвал официанта с подносом, заставленным искрящимися бокалами.

— Не пью спиртного, — отрезала Ава и гордо вздернула подбородок.

— И, наверное, не ошибусь, если добавлю: не носишь туфель на каблуках и не спишь с кем попало. Я почти волшебник, детка. — Богарт посмотрел на красотку сквозь бокал, подмигнул. — За тебя, невинная крошка!

— Вы не ошиблись, мистер Богарт. Да, невинная! Меня хорошо воспитывали. Хотя я и не прочь побегать босиком. А мужчину я выберу себе самого лучшего!

Клиф усмехнулся про себя, ему-то было ясно, с кем проведет эту ночь его подопечная. В колледже он занимался борьбой и мог гордиться своей фигурой. Если бы не вдавленный, мелковатый для крупного лица подбородок, Оуэн мог бы блеснуть на кастинге претендентов на роль какого-нибудь античного героя. В списке побед Клифа были известные женские имена. Когда оркестр в золотых смокингах и цилиндрах заиграл блюз и пары томно закачались в полутьме у бассейна, Клиф пригласил на танец Дикую Королеву. Куст розового олеандра скрывал их в ароматной полутени, саксофон страстно стонал, взывая к нежным чувствам. Клиф обнял ди-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

карку, ее голова склонилась к нему на плечо. Сейчас он прижмет ее еще сильнее, и она почувствует его желание. Чуть спустив руку ниже талии девушки, он прижал ее бедра к своим. О, как опьяняюще благоухала ночь, как знойно, как оглушающе стонал саксофон... Но звук пощечины оказался еще более громким. Клиф застыл, но быстро среагировал и бурно захохотал:

— Отлично, отлично! Вот так и действуй на пробе. Со всего размаха. Умница. Поняла, детка?

— Похвально! — захолопал в ладоши явившийся из-за куста Богарт. — Оказывается, Оуэн у нас записался в режиссеры и работает с актрисой даже на вечеринке. Надеюсь, по системе Станиславского?

— Отвяжись, Боги! — огрызнулся Клиф и, потирая щеку, повел Аву по аллее к выходу. Сажая ее в автомобиль, он нежно улыбнулся: — Тебе пора баниньки. Хватит на первый раз. А то туфли исчезнут и принцесса останется босиком, в пропахших куриным дерьмом тряпках.

Он уже решил, что обязательно отомстит этой провинциальной дряни.

«Ведь для кого-то океан взбивает пену?»

— Знаешь, я тоже не из графских покоев. — Лана вела машину по шоссе вдоль океана. — Джулия Джина Милдред Фрэнсис — ничего себе имечко? Мой папаша — чумазый шахтер из Айдахо, тайно приторговывал спиртным. Опасное занятие в годы сухого закона. Пришили бедолагу. Мне тогда не было и десяти. Такая масенькая, такая пухленькая,

беленькая! Маме стало не до меня, она пустилась во все тяжкие, и скоро сердобольная родня сдала ненужного дитяю в приют.

— Дева Мария! Ни хрена себе родня... — Ава во все глаза смотрела на очаровательный профиль новой знакомой: чуть вздернутый носик, пухлые губки. Верх потрясающего автомобиля был откинут, и ветер трепал яркий шарф, покрывавший кудри Ланы. Она вообще вся была классной — от сумочки из крокодиловой кожи до золотой зажигалки и солнечных очков в черепаховой оправе. А туфельки, а белый костюм, обтягивающий аппетитные формы! Ну просто картинка с обложки журнала!

— Я думала, что ты родилась тут — в самом шикарном доме. — Ава кивнула на белые виллы, прячущиеся в зелени.

— Э, милая, чтобы попасть туда, надо неслабо потрудиться. Мозгами и телом. С твоими мозгами придется поработать. Знаешь, я тоже обожаю горячие выражения, еще как могу послать всех по мамушке. Но! Надо понимать, где прикусить язык. Иногда стоит побыть леди — вдруг английскую королеву пригласят играть?

— Про лексикон я знаю, — вздохнула Ава. — Думаю, если попаду во дворец, не проговорюсь. Только вот манеры у меня простые.

— Ты говори правильно, мозги тренируй, а тело послушается. Ты хорошо двигаешься, но мы отрабатываем с тобой нужную походку. Не шлюхи, нет — соблазнительной леди. — Лана остановила машину и вышла. Прошла метров десять, села на парапет — нога на ногу, закурила, элегантно отводя руку.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Усекла? — она вернулась на место, захлопнула дверцу.

— Шикарно! У меня так никогда не выйдет.

— Думаешь, это врожденное? Ха! Школа была отменная. Я сбежала из приюта и стала танцевать в ночном клубе Лос-Анджелеса. Местечко называлось «Барракуда»! О, эта вонючая дыра! Надеюсь, она сгорела или провалилась сквозь землю.

— Ты танцевала в ночном клубе? — удлиненные глаза Авы почти округлились. — Там самый жуткий разврат!

Лана расхохоталась:

— Хочешь спросить, спала ли я с мужчинами? Разумеется. И, надо признаться, это бывает весьма даже приятно. Согласна? Ведь у тебя есть дружок?

— Ну... Понимаешь, у меня кошмарно набожная мать... — чуть слышно пролепетала девушка.

— Знаю этих ханжей, не лучше моей шлюхи! Бедняжка, но у тебя все еще впереди! Золотой Лев взялся за тебя — это не хилый лотерейный билетик! Мне было шестнадцать, когда он увидел меня в «Барракуде» и предложил роль в фильме. Ничего особо путного — но здесь сотни красоток ждут такого шанса до глубокой старости, моют посуду в барах или стирают белье... Увядают, стареют и ждут. Только шепни им: «Луис Майер» — и каждая ляжет! Мне жутко повезло. А когда он обнимал меня, то неизменно твердил, что открыл в моих пухлых телесах новый образ женской красоты! Представляешь?

— Ты спала с Майером?! — Брови Авы, словно выписанные тонкой кистью, взлетели.

— С ним-то как раз стоило. Что пялишься? Не красавчик? Не молод? Да, детка, тебя многому придется научить. Главное — отличать нужных мужчин от ненужных. И знать себе цену.

— Клиф нужный?

— По ситуации. Пока, думаю, тебе без него можно обойтись. Только уж, пожалуйста, слушай меня внимательно. Сейчас мы пойдем в ресторан, где собираются одни знаменитости. Я повешу на них ценники. А ты запомни, кто чего стоит, легче будет ориентироваться.

Девушки подружились — ведь Лане только исполнилось двадцать, а у нее уже был огромный опыт выживания и даже процветания в Голливуде. Именно ее журналисты в течение многих лет включали в шестерку любимец фортуны. Своеобразный образ жизни голливудской звезды пришелся этой энергичной красотке как раз впору. Веселая, ненасытная в удовольствиях, Лана была далека от проблем, мучивших иных актрис, — творческой неудовлетворенности, безответной любви, мук зависти или ревности. Она срывала цветы наслаждений, пользовалась привилегиями богатства и славы, ни в чем себя не ограничивая. И ни о чем не сожалела, с жадностью бросалась в новые приключения.

— Как тебе эта верандочка? — Лана остановила авто у деревянного «охотничьего домика» в алых бегониях. Вышла, оглянулась на застрявшую у перехода улицы Аву: — Не зевай! Здесь отлично готовят пикантные штучки. Привет, Мойси! — помахала она рукой худенькому пареньку в длинном

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

фартуке. — Сегодня я с подругой. Сделай нам что-нибудь сексуальное! Ну, эти штуки на вертеле. Ты понял?

— Будет исполнено! Ваш столик, мисс Тернер! — парень встряхнул безукоризненную скатерть, помог дамам рассесться, достал блокнот. — Пищу: штуки на вертеле, соус брусничный — как всегда. Хлеб с тмином, виски, содовая?

— Это что такое на вертеле? — шепнула Ава.

— Члены быков — объеденье! — Лана сладострастно облизнулась. — Но сначала принеси нам, милый, виски со льдом. Девушке больше содовой...

Лана пила из принесенного бокала и продолжала рассказывать о себе:

— Меня сразу же прозвали «девушкой в свитере». На моем юном теле все торчало весьма соблазнительно, и тесные свитерочки были лучшим нарядом. А потом появилось новое прозвище — «девушка с подрисованными бровями». Для съемок в одном из первых фильмов мне пришлось выщипать брови, и, представляешь, они так и не отросли.

— Ни за что не стану вырывать брови! — Ава коснулась лба кончиками пальцев.

— Ах, дорогая, если б дело было в бровях или другой части тела... — Лана изящно закурила. — Сидела бы я со всеми этим прелестями... — она приподняла руками груди, — в глубокой жопе. Это просто удача! Моя соперница, заслонявшая мне выход на большой экран, поступила очень благородно — взяла и померла двадцати шести лет от роду!

— Ужас какой! Я и не знала.

— Не знала про Джин Харлоу — знаменитую Платиновую Блондинку?! Вся такая из себя секси, ну прямо таяла! На самом деле ее звали Харлин. И она была лет на десять старше меня. Но начала бурно. Эту юную милашку снял Говард Хьюз в своем знаменитом фильме «Ангелы Ада».

— Что-то про самолеты и войну... Я была еще соплей.

— О! Три года работ, миллионные затраты и бешеный успех. Наш миллионер от счастья сбрендил и возвел Харлоу в ранг звезды. Мне и сунуться было некуда — ее изо всех сил раскручивали. Специально для нее писали сценарии. Помнишь все эти душераздирающие мелодрамы — «Платиновая блондинка», «Красная пыль», «Бомба», «Жена против секретарши»? Да, еще «Оклеветанная» — в тридцать шестом, и последний ее фильм «Саратога». С красавчиком Кларком Гейблом она снималась шесть раз! А это уже, считай, лом...

— Видела! Я видела ее! Кларк увозил ее на лошади под черным плащом, а в них с башен стреляла целая армия! Мать Божья, такая красавица, и умерла! Наверняка ее отравили из зависти!

— Да она сама, кого хочешь, отравила бы. Трижды успела побывать под венцом. Так второй муж, Пол Берн, прожив с ней два месяца, застрелился. Не выдержал. Ну, пресса шумела! Такие подняли волны, меня и не видать. И тут... Летом тридцать седьмого Джин свалилась прямо на съемочной площадке. Крошку срочно отвезли в госпиталь, в моче — сплошная кровь. Протянула еще несколько дней и скончалась. Ее любовник, актер Уильям Па-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

уэлл, установил на могиле мраморное надгробие с надписью «Малышке».

— Печально... Обидно умирать, когда все так здорово складывается.

— Тут зато вспомнили и обо мне. Ну и завертелось. — Лана посторонилась, позволяя расставить на столе жаровню, над которой прямо на вертелах красовались румяные тушки.

— Это ж цыплята! — воспряла Ава.

— Рябчики, дурында! Деликатес.

— Их можно грызть просто так?

— Дичь едят руками, это меня и привлекает! — Лана показательно разломила румяную тушку и вонзилась крепкими мелкими зубами в мясо.

— Вкусно! — одобрила Ава. — Хотя кусок свинины, с чесноком запеченный в духовке, вообще-то не хуже... А этот, который пел вчера у Богарта, — он ужасно знаменитый! Вся Америка слушает его песни.

— Фрэнки тридцати нет, и он в самом расцвете славы. Потрясающий жеребчик кроме всего прочего. Никому проходу не дает — трахает все, что движется. А бедняжка Нэнси, его итальяночка с бэби, сидит дома и все прощает. Еще бы, не хочет упустить денежный мешок. К тому же они итальянские католики, там с разводом круто. Фрэнки не может пойти на это.

— Но ведь у вас настоящая любовь! Это же видно всем! Такая шикарная пара!

— Настоящая любовь? — Лана рассмеялась: — Дорогая моя, в Голливуде только дерьмо настоящее. И то не всегда. Запомни накрепко: есть только

крошечные мгновения, которые очень похожи на настоящие. Вот уведут на войну твоего любимого, и ты стоишь перед камерой и рыдаешь. Или сейчас мы сидим, любуемся океаном и жуем. И думаем, что молоды, прекрасны, что нас ждет удивительное, самое сказочное будущее...

— А это не так? Нас ждет что-то плохое?

— Дурочка! Вовсе не обязательно. Это знает только гадалка. Но и то — соврет. Ведь все такое летучее, неопределенное! Ну, например... В объятиях Фрэнка — мы расстались лишь утром — я была счастлива. А сейчас... — Лана пожала плечами и вытерла губы салфеткой. — Не знаю...

— Поссорились?!

— Пф-ф! Вовсе нет! — Глядя в зеркальце, Лана ловко подкрасила губы и подмигнула себе. — Новый день — новые песни. Он в погоне за новой добычей, и у меня иные планы.

— Прямо сегодня? — ужаснулась Ава.

— С тобой будет нелегко, милочка. Нельзя складывать все яйца в одно лукошко, поняла? — Лана строго взглянула на обескураженную ученицу. — Не въезжаешь... Объясняю: нормальной считается игра на нескольких фронтах. Приличная девушка обязана иметь много поклонников. Иначе из чего же выбирать?

— И у тебя Синатра не один?

— Пока мы здесь сидим, мне обрывает телефон Папашка — так я зову моего доброго дружка из Нью-Йорка. Крупный воротила на Манхэттене — миллионер. Мечтает жениться на мне. Притом, что женат. Но это пустяки.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Ты разрушишь семью? Лана, у тебя всю жизнь будет грех на душе.

— У меня уже столько грехов. Многие семьи только и ждут, чтобы их разрушили. Мойси! — позвала она официанта и быстро объяснила Аве: — Он немец, я зову его Мойси — мышонок. Сообразительный мальчонка. — Мойси, объясни этой девушке, Лана Тернер — мисс или миссис?

— Вы же не спрашивали про рябчика, семейный он или еще девственник. Главное — хрустящая корочка, соблазнительный запах и отличный соус, — отчеканил парень с серьезным видом.

— Спасибо, дорогой. Теперь мороженое. Слышала, Ава? Про соус и соблазн ты поняла. Объясню детали: я как раз только что развелась — и совершенно свободная женщина. А знаешь, была до чертиков влюблена. Догадайся, кого я бросила? Самого красивого, самого утонченного мужчину на свете! У него такой инструмент... О! Когда он звучал, я испытывала фантастический, ни с чем не сравнимый оргазм.

— Что звучало? — ошеломленно посмотрела на приятельницу Ава. Этот новый мир хранил для нее еще много тайн, о которых даже неловко было спрашивать.

— Ты совершенно не врубаешься! Вначале я думала, он волшебник. Когда я слушала его кларнет, тут же кончала... Арти — самый известный в мире кларнетист и руководитель оркестра. Ты что, вообще не в курсе? Арти Шоу. Естественно, псевдоним.

— Я... Я, кажется, видела афиши. Такой красавец с дудкой.

— С кларнетом... — Лана вздохнула. — Вдохновенный, знаменитый! Арти Шоу — фигура национального масштаба, и это все поначалу меня здорово возбуждало. Блюзы там разные, соул, джейм-сейшен... А что оказалось? Язвительный, занудный мозгляк. Он, видите ли, умнее всех! Засек нас с Папашкой в клубе — мы, вот ужас! — обжимались! А сидеть с его занудными дружками всю ночь и перетирать, кто в каком составе и какую ноту взял — это весело? Это эротично? То Рузвельта критикуют, то историю литературы анализируют, стихами затрахали...

— Ты жалеешь?

— Еще чего! Перевернули страницу. Да здравствует новая жизнь!

— Я балдею... — Ава нахмурилась. — Совершенно не знаю, куда мне-то стремиться? Никто мне не поет и не играет на дудке. Каждый норовит ущипнуть за задницу и делает гнусные предложения. В нашей актерской школе я всем козлам разъяснила, что к чему. Скажи, Лана, в кого мне влюбиться? Здесь есть хоть кто-то настоящий? Ну, хоть чуть-чуть?

— Настоящий сказочный принц? Надо поискать. Я непременно дам тебе знать, если попадется кто-то из этой экзотической породы.

«Не все красотки рвутся в жены...»

Занятия в голливудской школе шли на пользу — Ава быстро менялась. Прежде всего, она узнала себе цену, и даже новое имя — Ава — казалось ей уже

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

более настоящим, чем Люси. Пахнувшей навозом деревенщиной она себя больше не считала. На полочке у раковины полно флаконов, подаренных Ланой, — все лучших фирм. В шкафу — очаровательные тряпочки, тоже от Ланы. Их только приходилось немного ушивать. Но это «соус». А сам «рябчик» неутомимо работал над своей аппетитностью. Ава часами тренировалась ходить на каблуках, и не просто шагать, а плыть, как делала это Лана. Речь и манеры шлифовала неутомимая преподавательница Клер Роуз, поставившая задачу сделать из своей неотесанной воспитанницы леди. Она преуспела. Ава не забыла уличного лексикона, но и во дворце не растерялась бы — осанка и врожденная королевская фактура производили впечатление породы и аристократизма. Хотя, увы, не на режиссеров — они совершенно не интересовались ее персоной.

Когда Лана была свободна от съемок и свиданий, подружки до утра засиживались на террасе ее дома в Беверли-Хиллз — она занимала виллу, соответствующую звездному статусу: бассейн, цветники, садовники. Шикарные, большие, полные ковров и светильников комнаты были обставлены в мавританском стиле. С холма виден океан, огни порта и набережной, отражающиеся в темной воде. На террасе — как на палубе корабля — перебирал бахрому полосатого тента прохладный ветерок, громко стрекотали цикады и пахло так нежно, словно газоны и цветники опрыскали лучшими духами мира.

В комнате играла музыка. Песни Синатры сменяли пьесы оркестра Арти Шоу.

— А ты все-таки грустишь о нем.

— О ком? Натаскали пластинок — не выкидывать же.

— В музыке я не очень-то разбираюсь, но Синатра — класс! Сердце кровью обливается, когда он поет. Послушай! — Ава закрыла глаза, подпевая доносящемуся из патефона голосу: — «Этот блюз для тебя. Но тебя нет со мной, я один в своем сне, я один под луной...»

— Успокойся, один он никогда не бывает! Вот уж за кого не стоит волноваться. Да и у меня нет времени скучать. Кларк Гейбл, хоть и с поганым характером, а как любовник великолепен. Я уже в третьем фильме с ним снимаюсь. Хочешь, выдам секрет актерского мастерства? Когда появляются флюиды и проскакивают искры с партнером, работа начинает жутко волновать!

— Еще бы! Гейбл... Вот настоящий мужчина. Женат?

— А то. И не в первый раз. Только меня с ним под венец не тянет. Мне знаешь, что нравится? — Лана наморщила носик. — Запах миллионов! У Папика здесь, в Беверли-Хиллз, вилла не хилая. И в Лас-Вегасе, и на Лазурном Берегу. Говорит: «Выбирай, любовь моя! Где захочешь, там и поселимся».

— А мне вот никто ничего подобного не предлагает... — сокрушалась Ава. — Одни пошлости...

— погоди! Знаешь, кто мне недавно признавался в любви к «волшебной Гарднер»? Ой, смех прямо. — Лана полюбовалась на игру бриллиантов в браслете. — Папик вчера подарил, я глаз не свожу. Что ни говори, у щедрого мужчины море обаяния.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

И все предлагает: руку и сердце, брюлики и меха, дома, офигенные всякие финтифлюшки с аукционов...

— А я так и сажу, никому не нужная.

— Вот зануда! Ты ж сама виновата, со своей деревенской строптивостью всех кавалеров разогнала. Если появляется красавчик с фингалом, можно не сомневаться — твоих рук дело.

— Лана! Эти кобели меня в постель не затанут. Мне особенный нужен. Вот и жду.

— Считаю дождалась! Держись крепче — тобой очарован Микки Руни! Самый желанный жених в Голливуде.

— Фу... Он конечно симпатяга и все такое... — Ава скривила кислую физиономию.

— Я понимаю, Микки не герой-любовник, но он лучший комик нашего времени. В двадцать лет он знаменит на всю Америку.

— Я видела его в роли Энди Харди — много всяких киношек про него было. Симпатичный пацан. Совсем сопляк.

— Сопляк! Да у него море поклонниц — от школьниц до почтенных дам. Его Энди Харди так всем понравился, что сняли подряд пятнадцать лент. И за эти фильмы Руни в тридцать восьмом получил специальную премию — «Оскар-младший»! Неплохое начало?

— Мне-то что до его премий?

— Подумай, кто он, а кто ты! Звезда огромного масштаба — и начинающая старлетка. Помнишь, я учила тебя обращать внимание на «ценник» товара. Цена Руни — миллион. И главное — никакой жены.

— Ты оценила его по первому сорту. Но знаешь, Лана, иногда это ничего не значит.

— А вот увидишь его завтра на съемочной площадке и запоешь по-другому.

**«Сплошные козыри ложатся в руку,
как угадать, на чем сорвешься ты?»**

Снимали глупенькую комедию «Крошки на Бродвее». Размалеванная девица с огромным бюстом, в нелепых босоножках на диких платформах пыталась завлечь знаменитого футболиста — прилизанного джентльмена в безупречном спортивном костюме.

— Как он тебе? — Лана ткнула сигаретой в спину оператора, присматривающегося к площадке.

— Этот с откляченной жопой или брюнет-футболист?

— Мы пришли смотреть на Руни. Может, ты забыла?

Когда выяснилось, что раскрашенная девица и есть переодетый Руни, Ава задохнулась от гнева:

— Ну, знаешь! Это... Это уж слишком! Гадость, разврат! — Резко повернувшись, она кинулась прочь.

Лане пришлось терпеливо объяснить скромнице разницу между трюковой комедией с переодеванием и реальным пристрастием мужчины к женским вещам.

— Микки актер. И прекрасный актер. Он бы мог выбрать любую, но высмотрел в толпе красоток тебя и совершенно сохнет от страсти. Это ж фантас-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

тика! — Лана слегка задумалась, так ли уж на самом деле пылает страстью Микки к недотроге Аве? Но Клиф Оуэн прожужжал ей все уши о любовных страданиях несчастного парня...

На следующее утро чернокожий посыльный доставил в номер Авы огромную белую коробку, скрывающую его вместе с черно-красной шапочкой.

— Здесь розы, ровно сто штук, мэм. Из лучшего магазина Беверли-Хиллз, тут и карточка есть.

«Смотреть на вас, Ава, праздник души. Только смотреть и быть рядом», — прочла Ава на атласной с золотым обрезом карточке.

— Несчастный Микки, — пробормотала она, опуская лицо в охапку длиннющих благоухающих цветов.

Букеты следовали один за другим, так что Аве даже пришлось выставлять их в коридор. В записках же повторялось из раза в раз лишь одно: «Я жду».

— Довольно помучила общенародного любимца? — Уложив торт на крутящееся хрустальное блюдо, Лана облизала пальцы и придирчиво оглядела зашедшую после актерской школы подругу. — Я пригласила на вечер гостей. Скромная вечеринка. Будет твой Микки!

— Нет! Я ухожу. Ты зря это затеяла.

— Да что «это»? Я вас в постель не укладываю. Ты что, не можешь просто посидеть в гостиной и послушать музыку? Поверь мне, насиловать тебя он не станет.

— Да я его щелчком зашибу, — усмехнулась Ава, взглянув на себя в зеркале. — До плеча мне этот оскароносец достанет?..

Когда явился Руни, Лана торжественно представила ему Аву. Влюбленный, оказавшийся не таким уж низкорослым, элегантно поцеловал дамам руки и тут же, склонив голову, пригласил Аву поужинать с ним в ресторане.

— Вы с ума сошли! Вдвоем в ресторан? — взвилась Ава. — Я честная девушка.

— Мне необходимо видеть вас. Только смотреть! — Глаза Микки излучали такое благоговение и восторг, что заподозрить его в развратных намерениях было трудно.

— Хорошо. Но не сегодня. И учтите — никаких поцелуев! Для меня это очень серьезно. Целоваться я буду только с законным мужем.

— Тогда проблема решена — станьте моей женой! — Он опустился на одно колено.

— Не глумите, Руни! — Ава царственно отвернулась и вышла на террасу.

Микки смотрел ей вслед с недоумением — до сих пор он не сталкивался с подобным женским поведением. Если бы не заверения Клифа Оуэна, у него и сомнений не возникло бы в полном к нему безразличии этой весьма странной девицы. Но Клиф, с которым Микки был знаком с детства, все уши прожужжал, как вздыхает по нему новая, многообещающая звезда. И добавил: «Эта девушка — штучное производство. Таких не соблазняют, на таких женятся».

Предложение руки и сердца прозвучало и во время ужина в ресторане. И еще неоднократно — каж-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

дый раз, как только Руни удавалось получить согласие Авы на встречу. Он вел планомерную осаду — цветы, подарки, приглашения в ресторан, а она лишь смеялась: «Да вы сошли с ума, Руни!» В конце концов, это стало невыносимо.

— Я уезжаю на три дня с Папиком в Лас-Вегас. Это ключи от дома. Поживи у меня, только не забывай кормить попугая и выключать газ. — Лана задумчиво рассматривала содержимое сумочки — все ли на месте. — Чао, куколка. Веди себя хорошо. Да! Можешь побеседовать у камина со своим героем. Камин располагает к интимности. — Лана заразительно рассмеялась: — Только не бей малыша! Майер не простит тебе потери лучшего комика.

Вечером лил дождь — редкое явление для этих широт. Ава сидела в кресле у камина. Микки, в скромном черном свитере с белым воротничком выпускника колледжа, пристроился на ковре у ее ног.

— ...Вот так я стал актером. Орал во все горло и наделал в пеленки. Пятнадцать месяцев от роду — это круто. Но знаешь, я жутко понравился зрителям. Маман потом часто брала меня на сцену. Просто невозможно не стать актером, если родители буквально живут в театре, а ты растешь за кулисами. В шесть лет я уже снимался в кино. Но настоящее чудо произошло, когда меня пригласил в свой фильм Макс Рейнгардт! Он снимал комедию Шекспира «Сон в летнюю ночь». Мне было четырнадцать, но я выглядел на восьмилетнего — такой всклокоченный звереныш.

— Тебе повезло... — нейтрально заметила Ава, которой ни название комедии, ни имя режиссера ни о чем не говорили.

— Еще как! Это было нечто волшебное! Так еще не снимали — заколдованный ночной лес, феи, эльфы и в центре мой герой — смешливый лесной дух Пэк! Мистеру Рейнгардту я очень понравился, он считал меня лучшей находкой. Поле этого меня рвали на части, приглашая в короткометражки. А потом пошли съемки известных пятнадцати серий про шалопаю Энди Харди — любителя машин и девочек!

— Знаю, тебе даже дали «Оскара». Это совершенно великолепно. — Она пригладила смешно торчащую на его затылке прядь русых волос. — Ты такой забавный.

— Ты правда так думаешь? — Он удержал ее руку и заглянул в глаза. Интересно, что скрывается за их холодностью? Наверняка вулкан страстей. — Я ощущаю себя Гамлетом у ног Офелии. И я влюблен, как никогда прежде. Ава! Будь моей женой!

Ава вздохнула и только открыла рот, чтоб ответить своим обычным отказом, как он закрыл его ладонью:

— Молчи! Да, я сошел с ума. Я болен. Я ничего так страстно не желаю, как назвать тебя моей женой.

Ава нахмурилась. Про Гамлета она слышала в актерской школе. Только вот с Офелией у них вроде что-то не склеилось. Сейчас и не вспомнить. Но этот милый паренек так сильно любит ее. И Лана права, пора выходить замуж. Ава помнила светя-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

щуюся рекламу на Бродвее, когда впервые попала в Нью-Йорк. Движущееся изображение Микки с мячом, величиной с полдома, поразило ее. Знаменитый муж — совсем не плохой вариант.

— Мы даже ни разу не целовались, — нейтрально, чтобы не попасть в глупое положение, заметила она.

— У нас еще столько времени! И ты же предупредила: только в законном браке. — Он изобразил счастливого мужа — умильная курносая рожица и серьезные голубые глаза! Обычно все его гримасы сопровождалось хохотом. Ава не дрогнула. — Ты такая серьезная. Какие-то проблемы? — удивился Микки. — Понимаю! Надо сначала познакомиться с твоими родителями.

— У меня только мать. Но к ней не сунешься. Она ненавидит актеров и на порог не пустит.

— Тогда едем к моей!

Майер метался по кабинету. В центре стоял, по-нуро опустив повинную голову, Клиф. Натыкаясь на него, Лев каждый раз останавливался и раздражался новой гневной тирадой:

— Не понимаю! Как ты мог допустить это? Мне не нужен женатый Микки Руни! Тем более женатый на старлетке! Представляю, какие живописные детали раскопают журналоги про эту принцессу из свинарника. Я же предупреждал — никаких браков!

— Я много раз серьезно говорил с ней, но она просто помешалась на Руни.

— Да и он явно не в своем уме. — Майер ткнул пальцем в цветы на ковре: — Стоял вот тут на коле-

нях и вымаливал разрешение жениться на этой коровнице!

— Вы дали согласие, шеф?! — ужаснулся Клиф. — Тогда их не остановить!

— Я призывал его одуматься... Остановить их должен ты.

— Боюсь, сэр, поздно. Они исчезли.

— Как это? Что за бред?!

— Руни взял отпуск на десять дней — у него как раз перерыв между съемками. Одно хорошо, мне удалось дезориентировать прессу, направив писак по ложному следу.

Майер встал напротив Клифа, впился магнетическим взглядом в его лицо и сказал — как ударил молотом по наковальне:

— Этой свадьбе не бывать!

— Я сделаю все возможное и невозможное. Доверьтесь мне, шеф, свадьбы не будет.

«Свой первый поцелуй не отдавай другому...»

Вдова Руни жила в старой квартире в Бронксе. Комнаты забиты рухлядью и пыльными безделушками, на вылинявших обоях пестрели старые фотографии и пожелтевшие афиши — весь итог долгой актерской жизни.

Миссис Руни чрезвычайно походила на Молли Джонсон, даром что актриса. Черное глухое платье, гранатовый крестик на почерневшей серебряной цепочке, поджатые губы и даже креповая накладка со стеклярусом в седеющих волосах.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Значит, невеста. — Она подозрительно взглянула на Аву. — А ты не промах, милая. Умно себя повела. Не дала залезть малышу в свои трусики, вот он и распался — жениться и все тут!

— Мама, Ава совершенно необыкновенная девушка. — Микки поцеловал руку матери. — Вы непременно подружитесь.

— Ну, как же! — пробасила та. — Разве я не вижу — совершенно необыкновенная. — Реплика прозвучала иронически, но жених и невеста предпочли этого не заметить.

В мэрии присутствовали пара постных тетушек Микки с внучками-хохотушками и Лари с Баппи. Микки, отнюдь не желая того, превратил церемонию в комедию. Он ронял кольца, ползал за ними под стульями, опрокинул вазу с цветами, заставив племянниц кататься от смеха...

Поцелуй новобрачных запечатлела лишь одна фотокамера — Лари. Сестра подарила новобрачной роскошный пеньюар. Журналисты пропустили это столь волнующее для Голливуда событие: Клиф послал их за добычей в другой конец страны. Но исполнить обещание, данное Льву, он, увы, не успел. Помешала элементарная злокозненность погоды — рейсы задержали. Поминая всех чертей, он напивался в буфете аэропорта, а потом, убедившись, что бесповоротно опоздал, отправился восвояси. В этот момент звезда Оуэна закатилась.

А ведь все шло как по маслу. Клиф, как и Микки Руни, родился в Бронксе. Его мать работала

портнихой в театре и частенько общалась с матерью Микки. Именно Микки помог Клифу устроиться в MGM. Материальное положение специалиста по кадрам на студии позволило Клифу поселить мать с больной сестрой в Лос-Анджелесе. Идея реализовать авантюрный замысел пришла к нему после пощечины Авы. Он сумел тогда выкрутиться, обратив все в шутку, но мало кто в это поверил. Насмешник Богард при встрече каждый раз подмигивал:

— Как щека, Клиф? Не горит?

— Да мне нечего было ловить, — сымпровизировал он однажды. — Девочка с пеленок влюблена в милашку Руни. Ей нужен симпатичный пупсик, с которым можно играть в куклы.

Богарт удивился:

— Идея неплохая! Девчушка серьезная. Хватит парню со шлюхами возиться.

Клифу пришлось подтвердить Микки эту версию, и тот воспринял ее весьма серьезно:

— Ха! Вот так номер. Никогда не подумал бы... А ведь она офигенная красотка. Я прямо пасть на нее распаиваю...

Затем Клиф сообщил Лане, что Микки не на шутку влюблен в Аву. Когда стало понятно, что дело пахнет свадьбой и Майер пришел в бешенство от этой новости, Клиф решил исполнить рискованный трюк: резко угодить боссу. Он узнал от матери Микки, где тайно венчается парочка, и поспешил в Нью-Йорк, дабы в последнюю минуту расстроить брак и тем самым оказать Золотому Лэву ценную услугу. Да и так он отомстил бы Ди-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

карке за пощечину — сорванную свадьбу можно было бы подать журналистам с убийственными для Авы комментариями... Увы, Клифу Оуэну элементарно не повезло.

Сразу после бракосочетания молодые выехали на взятом в прокат автомобиле в Бостон. Новобрачных ждал специальный люкс в отеле, живописно расположенном на берегу Атлантического океана. Заставленные белыми цветами апартаменты поразили Аву. В овальной комнате, сверкающей хрусталем, на золоченом столе в центре лежала огромная коробка, обтянутая серебристым шелком и перевязанная пышным бантом.

— Взгляни, это тебе, радость моя! — Микки, такой торжественный в черном смокинге, легонько подтолкнул к столу обомлевшую супругу. И засмотрелся. Белый капрон свадебного платья, тяжелые смоляные волосы, поднятые вверх и украшенные веночком из флердоранжа, — она была похожа на сновидение. Не могут же у реальной женщины так сиять изумрудами миндалевидные глаза, разве способна так светиться негой атласная кожа... А руки, грудь, талия... Богиня!

Смекнув, что не сумеет отнести новобрачную в спальню, Микки мгновенно сочинил мизансцену:

— Я буду ждать тебя в постели, а ты надень это и приходи ко мне во всей роскоши своей несравненной красоты... — с пафосом произнес он, пожалев, что никогда не играл романтических ролей. Что бы серьезное он ни сказал — всегда выходит водевиль и фарс.

Новоиспеченный муж удалился. Ава раскрыла коробку. Шуба из платиновой норки — нежнейшая, пышная — лежала в слоях шелестящей бумаги. Ава нырнула в ароматный мех, вмиг ощутив себя существом из другого мира — шикарной, уверенной в себе, манящей женщиной.

— О, это невероятно!

Этот возглас звучал в брачную ночь еще не один раз.

«Ошибки? Ты без них не проживешь»

Утром Микки тихо принял душ и шепнул дремлющей красавице:

— Поспи еще, детка. Меня ждут на переговорах с французской киностудией. И не забудь взглянуть на эту штучку. — Он положил на подушку рядом с разметанным шелком дивных волос бархатный футляр.

Ава открыла глаза, когда дверь за мужем закрылась. Пышные шторы на высоком окне, кружево простыней. Белая с золотом мебель, сноп белоснежных гладиолусов у изголовья необъятной кровати. Брошенная на кресло серебристая шубка, бархатная синяя коробочка на подушке.

— Это невероятно... — прошептала она, открыв оставленный Микки подарок. Изящное кольцо с солидным бриллиантом удобно обхватило палец. — И как я жила без эдакой прелести!

Она вспомнила брачную ночь и рассмеялась:

— Ну, Кора животик бы надорвала! Тыр-пыр, ах-ох — и все дела! Подумать только: такая ерун-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

да сводит с ума весь мир и пуще черта пугает бедняжку Молли! Стоило же хранить девичью честь, словно невиданную драгоценность, чтобы Микки воскликнул: «Что? Не понял... Ты — девица? Ну... — он уморительно вытаращил глаза. — Это невероятно!»

Ава накинула пеньюар, подаренный к бракосочетанию Баппи, и вышла в овальную гостиную. Хрустальная люстра нависала прямо над круглым царским столом. Девушка зажгла все светильники — а их оказалось немало, затем медленно и торжественно надела легкую шелковистую шубу и закужилась, отражаясь в десятках зеркал...

Тем временем молодой муж разыгрывал перед друзьями по гольфу репризу под названием «первая брачная ночь», которая станет его коронным номером на весь ближайший месяц. Микки, несомненно, был обаятельным парнем и замечательным комедийным актером — ребята корчились в траве от смеха:

— Вообразите, господа! Моя жена... оказалась девственницей! — завершал он рассказ о женитьбе кинозвезды на красавице старлетке.

Еще смешнее история звучала в Голливуде, куда молодые вскоре вернулись. Здесь Микки сутки напролет проводил на съемочной площадке либо в компании приятелей. Сценка уже претерпела некоторые изменения:

— Я принял душ и, трепеща от страсти, шагнул в темную спальню. «Не з-з-з-ажигай свет!» — лязгая зубами, взмолилась она. Глаза привыкли к полумраку, и я увидел нечто странное: моя суже-

ная лежала на самом краешке ложа, спрятавшись с головой под одеяло. Задыхаясь от предвкушения, я дрожащей рукой сорвал покров и... Тело красавицы, подобно мумии, было завернуто в серую, застегнутую до горла ночную рубаху — отраду престарелых вдов. И казалось ледяным. Признаюсь, мне стало не по себе. Сразу полезли в голову эти сказки про оборотней, мертвецов, пугавшие меня в детстве. Едва я дотронулся до серого мешка, мумия ожила и схватилась за воротник своего савана: «Ты... ты уверен, что это надо снимать?»...

«Не плачь — утешу. Я ведь жду тебя!»

— Поздравь, мы поженились на Богамских островах! — Лана, загоревшая, похудевшая, ворвалась в далеко не шикарное бунгало Микки, где теперь жила с мужем Ава.

— Папашка освоил кларнет, и это решило дело? — Ава резала овощи, на сковороде скворчало мясо.

Лана с удивлением уставилась на нее — никаких расспросов захлеб, холодное равнодушие.

— Ты что, на Аляске была? В ледышку превратилась? Умотал тебя малыш.

— Такова семейная жизнь. Не торопи. Все расскажу. Но сначала порадуй ты.

— О! У меня пожар! — Лана открыла холодильник, достала почти пустую бутылку виски, с раздражением вытрясла в тарелку остатки льда из формочек. — Хозяйство у тебя запущено...

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Ему просто на все наплевать. На все, кроме работы. Ты только взгляни на этот холодильник. Со свалки он его достал, что ли?

— Еще печальней то, что в нем. Ты вроде снималась?

— Крошечные рольки, даже не упоминающиеся в титрах. Девушка в машине в фильме «В этот раз и навсегда» у Чарлза Райснера, девушка на танцевальной площадке в фильме «Мы танцевали» Уилла Голдбека, официантка, гардеробщица и другие безымянные девушки, едва мелькающие на экране. У меня ничего не получается! — Отбросив нож, Ава сжала виски. — Сейчас распушу нюни, так себя жалко! Живо рассказывай, что у тебя. Может, оттянет.

— В двух словах — полный атас! Но это надо видеть. Такая шикарная жизнь... Горничная: «Мадам, вам к которому часу готовить ванну?» «Да как только закончим трахаться», — отвечаю. Да перестань терзать эту капусту!.. Приглашаю тебя к себе на суаре. Роскошный дом, полный антиквариата и всего самого дорогого. Хочу похвастаться. Поваров пригласила из ресторана, платье доставили из Лондона. Такое простенькое — из райских перышек и брюликов. И к нему чалма вот с таким сапфиром — обалдеешь!

— Ну, нет! Никаких суаре без Микки. Я верная жена и домохозяйка. — Ава упорно продолжила шинковать овощи. — А его вечерами не дождешься. Частенько сижу всю ночь над остывшим ужином. То покер, то мальчишник, то скачки, то репетиции... Виновато сунет мне какую-нибудь побрякушку, и снова ищи-свищи.

— Хорошо хоть малыш не экономит на подарках любимой женушке.

— Не издевайся. Он совершенно равнодушен ко мне.

— Интересно! Микки трезвонит на каждом углу, какой тайфун страсти открыл в замороженной девственности. А проведенный с тобой медовый месяц называет «сексуальной симфонией».

— Симфонией? — Ава покачала головой, но даже не улыбнулась. — Ты знаешь, я плохо разбираюсь в музыке. Но думала, когда кто-то делает тыр-пыр — это называется по-другому.

— А зачем ему трепаться?

— Хочешь, я скажу тебе: брак с Руни — это потрясающий секс в первую очередь!.. — Не удержавшись, Ава прыснула. — А также во вторую. И так до десяти. В сутки...

— Он импотент?

— Мне не с кем сравнивать, но секс — это вообще то еще удовольствие! Лишнее приключение на жопу. Только и дрожу, как бы не залететь. А знаешь, что он мне недавно сказал? «Давай заведем ребенка, любимая!» И физиономия такая идиотская. Меня аж в жар бросило: «Попробуй только! Если я забеременею, то сразу тебя убью!» — так прямо и сказала.

— В самом деле — какие дети? Тебе надо сниматься в серьезной роли.

— Где? Никаких предложений. Лев в злобе. Я серьезно разрушила его планы насчет Микки. Говорят, он озверел прямо, когда узнал о нашей свадьбе.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Еще бы. Ему-то ты показала фигу! Право первой ночи принадлежит хозяину. Не в курсе, что ли? — Нарисованные брови Ланы приподнялись. — Лев очень редко заключает контракт с крошками, которые ему самому не по вкусу. Уж поверь мне.

— Что же теперь делать?

— Встретиться с ним и хорошенько все обговорить.

Майер не безумствовал от страсти. Все произошло в ритме фокстрота — быстро и неутомительно. Отдышавшись, он встал, набросил бархатный халат, налил два бокала виски со льдом. Протянув один лежавшей в постели Аве, опустил в кресло рядом.

— Я не слишком утомил тебя, детка? — усмехнулся он, глянув на скромно нырнувшую под атласную простыню женщину.

— Все прекрасно, — Ава благосклонно улыбнулась.

Майер громко рассмеялся и резко умолк.

— Было вполне сносно, но только до этого момента. Теперь держись, моя милая. Сейчас Лев начнет давать советы. Это великий момент, детка, потому что Майер редко дает советы бесплатно. Но получившие помнят их всю жизнь. А те, кто сумел ими разумно воспользоваться, живут вовсе не плохо. Ты слушаешь?

— Да, мистер Майер.

— Скажу тебе все, как есть. Ты плохая актриса. Да, я смотрел тебя на сцене «Витрины» и в пробах.

И без всякого сожаления помахал бы тебе ручкой: «Чао, крошка!» Но все это... — Майер осторожно потянул за край простыни, как бы снимая покров со статуи. — Все это — великолепно. Это дорогого стоит. И мы здесь будем последними олухами, если не сумеем продать такой товар. Тебе нужны хорошие роли — роли специально для тебя. У Греты Гарбо трудный характер. Она великая актриса и, боюсь, сумасшедшая. Ее карьера завершена, студии нужна новая икона. Ты могла бы занять ее место, если бы... Если б захотела воспользоваться моими советами.

— Я была бы очень благодарна, мистер Майер...

— Совет первый: тебе не нужен муж, тем более — такой. Его дело — смешить женщин, но не покорять.

— Я почти каждый день прошу Микки о разводе... — Ава опустила ресницы, чтобы не видеть, как Лев смотрит на ее нагое тело.

— Он даст тебе свободу. И тогда... Совет второй: если ты ложишься в постель с мужчиной, кем бы он ни был, ты должна доставить ему радость. — Майер сделал паузу. — Запоминаешь? Тогда последнее: если мужчина, каким бы он ни был, смотрит на твое обнаженное тело с вожделением, ты не имеешь права оставаться холодной. — Он поднялся, отошел к столу, занялся лежавшими на нем бумагами. Проговорил рассеянно: — Вот когда это до тебя дойдет, попробуем большую роль. Через год я проверю лично. Если забуду — напомни... А сейчас все то же самое еще раз!

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Микки долго тянул с разводом, пытаясь удержать Аву. Но она была непреклонна. В 1943 году, прожив в браке семнадцать месяцев, Ава и Микки развелись. Теперь у Авы были деньги, перепавшие ей по суду после развода. Она поселилась в выделенном студией бунгало и начала сниматься. Первую заметную роль — Джин Браун — Гарднер получила в 1944 году в ленте Гоулдбека «Трое мужчин в белом». Ее заметили, но фурора не произошло. Шла Вторая мировая война, и Голливуд был не в лучшем состоянии.

А у Микки Руни впереди была долгая жизнь, семь браков, от которых родилось пятеро сыновей и четыре дочери. В 1954 году Микки открыл свое ТВ-шоу Mickey Rooney Show. В 1983 году шестидесятитрехлетний актер получил премию Lifetime Achievement Oscar — его заслуги перед киноискусством были признаны на высочайшем уровне.

«В дверях курьер: доставлены подарки»

Банкетный зал студии был при полном параде: море серебряного дождя и зеркального серпантина, гирлянды шаров и флажков стекали с галереи на первый этаж, где за круглыми столиками разместились сотни разодетых в пух и прах гостей. Букеты, корзины, атласные ленты с поздравлениями, речи, шампанское. В центре галереи расположились два оркестра — симфонический и джазовый, музыки в этот день будет достаточно на любой вкус. Событие знаменательное: сорокалетие студии MGM — праздник национального масштаба. От вспышек маг-

ния насыщенный ароматами и юбилейным трепетом воздух дрожал, и все происходящее казалось каким-то ирреальным. Уж в этот день журналистов здесь не меньше, чем гостей. В Академии киноискусства прошло торжественное заседание, были вручены почетные призы, награды, грамоты. Не забыли никого — лучших операторов, костюмеров, механиков, ведь MGM одна дружная счастливая семья! И концерт обещал быть блестящим... Увы, мешает война. Блистательная Марлен Дитрих с фронтовыми бригадами подбадривает идущих в бой американских парней, Фрэнк Синатра, которого прочили в ведущие программы, умчался на Итальянский фронт — вдохновлять воинов своим голосом.

Фонтан с шампанским журчал и пенился, говорили, что сфотографироваться возле него с полными бокалами — к счастью. Вокруг фонтана расположились столики для почетных гостей, руководителей студий и партнеров, за ними — публика рангом пониже, звезды первой величины. По периметру зала — длинные столы для прочих приглашенных. Всего здесь было около тысячи человек. Впрочем, праздник длился уже два часа, и все смешалось — гости, объятия, поцелуи, тосты, признания в любви и вечном почтении.

За столиком второго круга сидела Лана Тернер, скрывающая шестимесячный живот под накидкой из меха снежного барса. Будущая мама радовала глаз цветущей красотой, великолепным настроением, искрометной игрой бриллиантов — их на Лане, вышедшей замуж за миллионера Стефана

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Крейна, короля всех ресторанов на Гавайях, сегодня немало. Ава же блистала сапфирами. На ней было великолепное платье из ломкой тафты цвета синьки. Роскошные волосы зачесаны на правый бок, открывая белизну лба, прелесть уха и массивность подвески с голубыми камнями. Осанка королевы и загадочное, печальное лицо. Ее кавалер — известный исполнитель ролей гангстеров Джордж Рафт — со всей очевидностью не грел сердце «королевы». Он имел типаж породистого негодяя — гордое, тонкое, порочное лицо и подчеркнутая элегантность: фрак, белая бабочка, гвоздика в петлице.

Рафт и в самом деле оказался рядом почти случайно. Он не был в числе самых рьяных поклонников Гарднер. Бывшая пуританка, так потрясшая Микки своей невинностью, не преминула воспользоваться полученной после развода свободой и даже получила титул «похитительницы сердец». Романы бывшей жены Руни давали щедрый материал светской хронике, но оставляли ее сердце холодным. И хотя необычайная чувственность облика этой совершенной красавицы сражала буквально всех, секс для нее по-прежнему оставался лишь более-менее приемлемым условием в игре под названием «флирт»...

Втроем они обсуждали компанию, сидящую за столиком «первого круга», расположенного напротив и наполовину заслоненного фонтаном. Интересный брюнет лет сорока с молоденькой красоткой пили шампанское с руководством студии и оживленно беседовали. Возле них, положив руку

на плечо брюнету, стоял Папашка. Судя по доносящимся взрывам смеха, он рассказывал что-то очень смешное.

— Стеф — любитель выдавать анекдоты. — Лана помахала рукой мужу. — Пока всех знакомых не обойдет с какой-нибудь историей, мы его не дождемся. — Она огляделась, заметила неподалеку Кларка Гейбла, мило шепчущегося с Кэтрин Хепберн.

— Кларк! Иди сюда со своим бокалом! Мне нужен дублер мужа. — Она встала у фонтана и подставила пустой бокал под пенистую струю. Мгновенно брызгами обдало мех и платье. — Фу! — Лана отпрянула и предупредила уже целовавшего ее в щеку Гейбла: — Не лезь в фонтан — костюм пропадет. Я теперь вся буду липкая. Но щелкнуться на его фоне мы должны, мне необходимо благополучно разродиться! — объяснила она налетевшим репортерам.

— Но ребенок не от меня, господа! — поспешил добавить Гейбл.

— Вон от того типа, который не торопится к своей обожаемой женушке. — Лана указала бокалом в сторону Стефана. Момент был запечатлен.

Лана отпустила неотразимого Кларка, черные глаза и смеющиеся под тонкими усиками губы которого наповал ранили любое женское сердце.

— Ты несправедлива, детка, к своему мужу. От Говарда Хьюза трудно оторваться, — тонкие губы Рафта скривились в улыбке. Ее вполне можно было считать насмешливой или язвительной, но напрасно. Так уж получалось у этого добрейшего исполнителя

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

убийц: скажет «будьте здоровы!», а простак уже панихиду заказывает. — Такого типчика, как мистер Хьюз, в кино никогда не сыграть — слабо. Разве кто-то поверит? И вообще неясно, злодей он или блаженный?

— Он сумасшедший! — Голубые глаза Ланы в синих накладных мохнатых ресницах источали на обсуждаемого мужчину восторженное сияние. — Самый богатый человек в мире. Самый могущественный. Самый отважный авиаиспытатель. Самый рискованный бизнесмен, самый щедрый покоритель дам...

— Ему нет и сорока, а помри он сейчас, — тьфу-тьфу! — эпитафии хватило бы на десятерых выдающихся оригиналов, — заметил Рафт. — Я сыграл бы такого!

— И как хорош! — улыбнулась Лана. — Только не спорьте, не спорьте! Хорош! Мне известно про его романы с Кэтрин Хепберн, с Джинджер Робертс, с Терри Мур. Не говорю уже о бедняжке Харлоу. Надо признать — достойный список.

— Он с какой-то безумной расточительностью вкладывает деньги в кино. — Рафт цыкнул сквозь зубы — фирменный жест, привнесенный из ролей злодеев. — Другой бы унялся после первого провального фильма, а этот вцепился в следующий! Закупил авиафлотилию времен Первой мировой войны и три года снимал «Ангелов ада».

— Но фильм же стал бешено популярным! Наверное, потому, что его героиня Харлоу так скоропостижно скончалась. — Лана делала знаки, стараясь подозвать мужа. Наконец ей это удалось. Изви-

нившись, Папашка — лысоватый, но представительный и бодрый джентльмен — оставил столик Хьюза и вернулся на свое место.

— У меня крышу сносит от этого человека! Столько идей и бешеный напор. Но самое смешное: все, что задумывает, он выполняет. Это фантастика! Новые конструкции самолетов, новые компании, новые подходы ко всему: к бизнесу, к конструированию! Лучшие конструкторские бюро, лично разработанные, технические средства...

— Лучшие телки! — добавила Лана. — Знаем мы ваши «технические средства». Тебе понравилась эта молоденькая штучка, которую он подобрал неизвестно где и хочет сделать суперзвездой. Хорошенькая, а?

— Радость моя! Разве я могу сказать что-то о другой женщине, когда рядом ты? Если честно, кроме навешанных цацек в ней нет ничего особенного. О, смотрите! Супермиллионер идет к нам!

Человек, о котором столько говорили, двигался походкой начинающего клерка, всем своим видом показывающего: я маленькая сошка, я непривередлив и готов к выполнению поручений. Вытащив по пути из вазы у фонтана гиацинты, Хьюз протянул их Аве и Лане.

— Примите мои поздравления, дамы и господа. Очень жаль, но меня ждут на Аляске. — Коротко, чуть смущенно доложил эксцентричный богач и раскланялся.

— Станный тип. Я бы с опаской вел с ним дела. — Стефан надул толстые губы. — Что ты все время отмалчиваешься, Ава? Знаем мы твой язы-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

чок! Небось еле сдержалась, чтобы не послать этого сумасброда куда подальше. Подальше Аляски, верно?

Ава отрицательно покачала головой:

— Он принц. Настоящий принц. — Она мечтательно смотрела на лиловые, пронзительно пахнущие цветы. — Аляска? Это, кажется, далеко... Но я бы отправилась с ним даже к чертовой бабушке!

Ночью Аву разбудил звонок.

— Это Хьюз. Говард Хьюз. Сегодня на празднике в MGM... на вас было синее платье. Это неверно! Это не ваш цвет. — В трубке шипело и бубнили через эфир далекие голоса. — Здесь плохая связь. Извините, у вас, должно быть, ночь.

— Да, я спала. — Ава прислушалась, трубка замолчала, в ней фоном шли оживленные диалоги. Она подула и уже хотела нажать на рычаг, но голос Говарда вынырнул совсем рядом:

— Это опять я. Фу, извините! Пришлось звонить в Америку по второй линии и срочно узнавать ваше имя. Там все спят, сплошные идиоты!

— Но я его и так знаю!

— А теперь знаю и я. Спокойной ночи, Ава!

Конечно, она не уснула. Она даже вышла в садик, чтобы посмотреть на небо — не пролетел ли там Ангел. Мать уверяла, что он так и кружит над домами, выскивая самых достойных для подарка детей. Но Люси, всегда просыпавшая этот чудный миг, оставалась не одаренной.

Теперь подарок передал ей! Вернувшись в дом, Ава перерыла кучу журналов, выскивая статьи о

Хьюзе. И его бизнес, и его смелость, граничащая с безумием, и его щедрость, и маниакальная увлеченность делом, будь то самолетостроение, скупка компаний, земель, гостиниц, телестанций — впечатляли. А нескончаемый хоровод любовниц так походил на тщетные поиски единственной женщины, что у Авы от жалости защемило сердце. Конечно же он чудный... Она ласково провела кончиками пальцев по фото: высокий брюнет с приятным лицом прячет от камеры взгляд. Милый! Такой может все!

Сидя на кухне, Ава пила кофе и мечтала о том, как наконец-то придет давно обещанное Голливудом счастье — развернется карьера под щедрым и мудрым руководством собственного продюсера, режиссера... И главное, она получит то, что почему-то всегда доставалось другим: Ангел преподнесет ей самый щедрый, самый загадочный подарок — любовь! Сейчас он, вероятно, думает о ней и смотрит на циферблат, чтобы не разбудить слишком рано... Милый...

В девять утра телефон захлебнулся звонком. Ава схватила трубку и вспыхнула: Говард едва дождался утра!

— Ава! Что дышишь и молчишь? А! Размечталась, красавица! Хьюза ждешь. — Лана явно звонила из постели, давая указания горничной насчет кофе. — И не забудь ломтик дыни! Это я дурынду свою воспитываю: каждое утро талдычу одно и то же! Университет она закончила, чтобы пойти в горничные, а запомнить чепухи не может... Эй, принцесса, я заметила, как он на тебя вчера смотрел. Его

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

телка аж позеленела. А как не позеленеть? Миллиардер задумал купить новую игрушку. Мне сейчас позвонил Клейтон со студии, Хьюз всех ночью поднимал с постелей, выпрашивал про зеленоглазую брюнетку, сидевшую с Рафтом. Так что досье собрал. Не вздумай продешевить — ты не просто начинающая актриса, ты бывшая жена Руни! И учти: он всех покупает — чиновников, сенаторов, лучших спецов — всех и вся. Не мелочится. Если что понравилось — цепляется мертвой хваткой. Собственник. Не просчитайся.

— Ты же знаешь, я допускаю только законные отношения.

Лана рассмеялась:

— Эту теорию ты мне три года назад могла втюхать. Господин Хьюз уже знает имена всех кобелей, с которыми ты спала после Микки — без всякого удовольствия конечно же.

— Разве ему нужна девственница? Кажется, Хепберн вовсе не была девушкой. И Джинджер Роджерс тоже.

— Я и не говорю, что он предпочитает целок. Блин, опять эта фефела в кофе сахар бухнула! Меня и так разнесло. — Отчитав горничную, Лана взялась за трубку. — Эй, ты слушаешь? Имей в виду: по слухам он начинает общение с женщиной с того, что предлагает выйти за него замуж.

— И что?

— Вот и меня это интересует. Я бы проверила. Так, подруга, у меня омлет с помидорами стынет. Усекла линию поведения? Сразу не давай! Будь на связи.

**«Зеленоглазым крошкам подходят
только изумруды»**

Хьюз дал о себе знать только на третий день. Позвонил и коротко сообщил, что ждет ее в отеле. Послал к ней шофера с охранником. Это было похоже на приказ, но Ава не успела отреагировать. Подумав же, решила дать отпор слишком распоясавшемуся собственнику на месте — с глаза на глаз.

Люкс «Плазы» был закидан бумагами с чертежами, на шикарном письменном столе, отделанном тонкой резьбой, лежали какие-то замысловатые железки. Одну из них Говард задумчиво вертел в руке.

— Вот черт! Левый поворот на два витка короче! — сообщил он Аве вместо приветствия. — За всеми нужен контроль!

Ава застыла в распахнутых дверях. Серый костюм плотного шелка, белая шифоновая блузка с мужским воротником, темно-серые лайковые перчатки и туфли. Волосы, открывая лоб, крупными волнами падали на плечи. Духи первоклассные, взгляд дерзкий.

— Меня доставили ваши слуги. Я что — товар?

— Самый высокосортный. — Отбросив железку, он шагнул к ней и поклонился. — Прошу прощения, не смог заехать лично, у меня было совещание с главным инженером. Вот, любуйтесь, лучшие спецы Америки никак не могут сделать поршень! Три миллиона выброшены на ветер. — Он внезапно умолк, нахмурился, опустил гла-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

за. — Если вы не простите меня... я не знаю... Не знаю, что дальше делать... Я... я... я чрезмерно увлечен ерундой!

— Ужин в хорошем ресторане — и прощение будет получено. — Ава вспомнила, как трогательно описывали газеты детство Говарда с полубезумной матерью, смерть родителей, неудачную юношескую влюбленность в известную актрису. Он так и не научился находить нужный тон с женщинами. Деспотичный руководитель, требовательный хозяин, Говард становился робким и застенчивым, как гимназист, рядом с желанной женщиной. Вот и сейчас засуетился, что-то пробормотал, убежал в другую комнату и протянул ей сафьяновый футляр с золотым тиснением.

— Утром доставили из Перу. Я сделал заказ еще в ту ночь... Взгляните. — Он открыл коробку — на черном бархате зеленым огнем играли изумруды. Хьюз поднял одну подвеску с продолговатым камнем в виде падающей слезы и приложил к виску Авы. — Серьги для вас. Точно! Это цвет ваших глаз! Я же говорил — не надо вам носить синее!

Ава отстранила его руку.

— Вы меня покупаете? Не надо, Говард. Я же сказала — только ужин!

...В этот же вечер в ресторане Хьюз предложил ей руку и сердце. Она возликовала, но сочла нужным притормозить ситуацию.

На третьем свидании Ава оказалась в его спальне. Еще никогда она не ложилась в постель с такой серьезной целью — завоевать навсегда предназначенного ей мужчину, покорить, приворожить. Она

так старалась показать себя пылкой и искусной любовницей, что даже не обращала внимания на сексуальные достоинства партнера. Какое это, в принципе, имеет значение, если собираешься стать женой самого могущественного и богатого человека на земле? Даже если что-то не так — любовь, безумная любовь все поправит!

А он был безумно влюблен. Безумно занят своими бесчисленными проектами, безумно увлечен сотнями разных дел. Но при всем этом невероятно Говарду хватало времени, чтобы забрасывать Аву подарками, даже заказывать ей туалеты и драгоценности по собственным эскизам! Что бы Хьюз ни делал — придумывал новый фасон бюстгальтера для наиболее выигрышной демонстрации женской груди или проектировал фюзеляж нового самолета-гиганта, — во всем он был высочайшим профи.

Ава мечтала сказать ему «да». Но Ангел, круживший в небе над влюбленной парой, видимо, не находил подходящей минуты. Однажды, когда она, царственная в вечернем туалете, вышла к нему, распахнув двустворчатую золоченую дверь люкса, и Говард, в смокинге и белой бабочке, склонил перед ней голову, короткое слово было готово слететь с ее уст. Но тут зазвонил телефон...

Женщина в трубке хохотала! Она с гадливостью выплевывала имена нынешних любовниц Говарда и даже называла часы, которые он проводил с ними.

— Говард... — Совершенно растерянная Ава передала ему трубку. — Здесь какая-то сумасшедшая.

— Пусть она сама проверит! Пусть эта твоя дура проверит! — кричала истеричка в трубку.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Хьюз отключил телефон и поднял на Аву спокойные глаза:

— А чего странного в том, что у меня есть любовницы? У кого их нет? При чем здесь ты? Ты станешь моей женой. Ты станешь ею, Ава! — Он крепко встряхнул ее за плечи.

— погоди... дай мне опомниться... — Высвободившись из жестких рук, она бросила на него прощальный взгляд и ушла, волоча по паркету соболиное боа...

Они, конечно, помирились — нельзя не простить мужчину, умеющего делать такие подарки! На уик-энд Говард, ни слова не говоря, посадил Аву в самолет и увез ее в ночное небо. Самолет он вел сам, в прозрачном стекле иллюминатора плыли звезды — они летели, кружили снегопадом, оставив далеко внизу Землю с ее маленькими людишками, мелочными проблемами и пустячными заботами...

Сели в Мексике. Отель на берегу моря, среди пальм, усыпанных светлячками крошечных лампочек. А рядом — целый водопад воды и огня, обрушивающийся с высоты, сияющий мириадами брызг. С огромной круглой кровати через стеклянную стену видно небо. Словно опять летишь там, в высоте... Сказка... Вот только что-то мешает, какая-то глупая мелочь разрушает гармонию...

— Почему ты не вымылся после полета, радость моя? От тебя пахнет мазутом и потом. — Ава шутиво отвернулась от рухнувшего в ароматную постель авиатора. — Кажется, будто я собираюсь спать с рабочим.

— Я и есть рабочий! — Вместо того чтобы поспешить в ванную, он сгреб ее в охапку, не слушая возражений. Сорвал нежный шелк рубашки и еще потребовал такого секса, который она считала «грязным». Разговор о браке после всего этого отодвинулся на дальний план. Заливаясь слезами, Ава сказала: «Не торопи меня, я должна решиться».

Да, приходилось признаться себе в очевидном: несмотря на непомерное богатство, он не был особенно опрятен в одежде и не очень-то соблюдал правила гигиены, да к тому же оказался не слишком привлекателен как сексуальный партнер. Ава поняла: над всемогущим Говардом имеют власть детские фобии — он боится микробов и воды, ненавидит мыться в ваннах отеля, менять белье, не подпускает к себе незнакомую обслугу — парикмахера, маникюршу, предпочитая ходить неопрятным. А чрезмерное напряжение, в котором он находится постоянно, требует выхода в постели.

«Все это поправимо! — убеждала себя Ава. — Он щедр, он совершенно уникален, он любит меня!»

Днем они ездили на корриду, и зрелище так потрясло Аву, что она заболела. Тореро — этот смельчак, сражавшийся один на один с разъяренным быком, играющий со смертью на глазах амфитеатра, — вот эталон мужчины, ради которого можно умереть. Мучительный спектакль, приправленный кровью, болью и риском, всколыхнул в ней потаенные животные силы. Аву сразила болезнь, имени которой она пока не знала.

Она отказалась вечером пойти в ресторан, нехотя проглотила кое-что в номере. Говард громко го-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

ворил сразу по трем телефонам. Наконец бросил трубки и ворвался к Аве, свернувшейся на кровати:

— Вставай, мы летим! Немедля. Эти кретины запероли крыло!

— Милый, у меня нет сил... Такая слабость, — взмолилась Ава.

— Что? Температура? — Он даже сделал шаг назад. — Это может быть жутко опасно! Какой-нибудь мексиканский грипп. Я вызову врачей. Лежи и не двигайся. Как прилечу, тут же позвоню.

Вихрем пронеслись сборы, в номер вошел носильщик в красно-золотом костюме, взялся за чемоданы Хьюза. Говард даже не подошел, помахал Аве от двери шляпой. Ей стало так невыносимо тоскливо в это мгновение, так жаль того, что она, не получив, теряла сейчас окончательно... Слезы хлынули ручьем. Вскочив с постели, Ава кинулась с распахнутыми объятиями к Говарду. Она была готова сказать, что навсегда принадлежит ему. Но ее герой шархнул от нее как от черта, в испуге поспешил выскользнуть за дверь, едва не сбив с ног носильщика. Ава смотрела на парня полными слез глазами. Он только пожал плечами:

— Извините, мисс. — И вышел.

«Он креси, присмотрись к другому»

Похоже, у Авы был бред, ее знобило. И страшное, испуганное лицо Говарда, убегающего от нее, витало на потолке, стоило лишь приподнять веки. Потом там появилось другое лицо. Смуглое, узкое

лицо тореадора с орлиным носом, тонкими, гордо сжатыми губами.

— Синьора, извините... дверь не закрыта. Я волновался. — Тореадор в черных кудрях и ливрее отеля склонился над ней. — Вам плохо? — Говорил он с акцентом, но бойко: — Сейчас придет врач. Вам что-то надо?

— Пожалуйста, дайте мне виски! Там, в баре...

Парень достал бутылку, налил в стакан и разбавил содовой.

— Так или больше?

— Сойдет. Иди сюда. Сядь рядом. Ты боишься заразиться?

Он с изумлением смотрел на потрясающе красивую американку, от которой только что сбежал сумасшедше богатый клиент. Неужели чума?

Красавица приподнялась на локте, обнажив сказочную мраморную грудь. Никакой сыпи! Только взгляд странный — кошачий. Затаившейся, охотящейся кошки. И глазищи длинные и зеленые. Колдунья!

— Знаешь, чем я больна? Страстью. Страстью к тебе. — Колдунья протянула ему свой бокал, и он одним махом проглотил оставшееся. А потом трепетно и жадно прильнул к ее губам.

Такой ночи у Авы еще не было. Да она и предположить не могла... Дева Мария... Грех, такой огромный грех. Но и счастье — не может же быть грехом счастье! Смуглый мальчик... не боящийся смерти. Мальчик — бог. Бог Эрос... Жизнь так щедра...

Доктор, вызванный Хьюзом, не смог достучаться в номер. На следующее утро, по дороге к

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

дому в пригороде Акапулько, он видел прекрасную женщину с распущенными волосами. Босая, она танцевала у костра с черноволосым юношей, а простонародье, сидя вокруг, отбивало ритм кастаньетами.

— Это дама мистера Хьюза, — сообщил ему шофер.

Ну что ж, помощь врача ей явно не требовалась.

В Лос-Анджелесе Аву также ждал вызванный Говардом доктор. Едва посмотрев на «больную», он понял, в чем дело, и написал на большом бланке: «Всесторонне обследована. Микробов и инфекций не обнаружено».

— Знаете, мисс Гарднер, сильные мира сего вправе иметь некие странности. Когда твою жизнь оценивают в миллиарды, невольно появляется страх совершить оплошность — проглотить микроскопического убийцу, — объяснил он деликатно прихоть Говарда и покинул красавицу.

— Лана! Я была в Мексике, — орала Ава в телефон, стараясь перекричать истошные вопли малытки — месяц назад Тернер благополучно родила дочь Черил.

— Слушай, я здесь скоро обалдею! Три няньки, дитя, и все на мне висят. Хватит. Жди, я скоро буду — оттянемся, подруга.

Они снова сидели в гостиной, теперь уже в доме Авы, правда, довольно скромном — типовой проект для проживания служащего киностудии среднего ранга. Молодая мать похорошела, а в глазах ее металось раздражение. Она решила не ограничивать

себя в спиртном, переведя дочь на искусственное вскармливание.

— Не поверишь, обалдеваю! Месяц крохе, а я чувствую себя многодетной матерью. Знаешь, все это прелестно, но со стороны. Кончено, баста! Я начинаю сниматься и веселиться. Ой, хорошо пошел вискарь... Расскажи про Говарда. Он мне названивает.

— Тебе?!

— Что, собственно, тут удивительного?

— Он сто раз предлагал мне стать его женой. Но я отказалась.

— Знаю. Он предлагает это всем подряд.

— А плевать! Нет, честно, честно! Мне на него плевать! А знаешь почему? — Ава рассмеялась и закружилась по комнате. — Он мне не нужен. — Склоняясь к Лане, она четко и раздельно выговорила: — Не ну-жен!

Потом Лана выслушала отчет о попытках сватовства мистера Хьюза и открытии, сделанном Авой в Мексике. И подвела итог:

— Что ж, прими мои поздравления. Рано или поздно спящая красавица должна была проснуться. Вот парадокс нашего мира: над тобой трудились гениальный актер и гений-авиатор, я не говорю уже о прочих мачо, а победил мексиканский мальчишка, простак. О! Бедный Говард! Но ты его попридержи, девушка, защита нехилая. А сама не плошай. Посмотрим, куда вывезет.

Отныне журналисты причисляли Аву к голливудским львицам. Газеты перемывали косточки по-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

друге Хьюза, которую он придерживал в арсенале самых любимых женщин. Таковых было немало, и никто на него не обижался. То, что мог сделать Хьюз, было не под силу самому щедрому из кавалеров. И это подкупало.

— О, Говард Хьюз — хороший и понимающий друг. — Ава давала интервью женскому журналу. — И всеильный к тому же. Он нажимает кнопку — и к моим услугам самолет! Одно движение руки — и апартаменты в отеле любой страны уже ждут меня. Причем он совершенно себя не навязывает. Если мне хочется побыть одной, он мгновенно исчезает. Говард — счастливый билет для такой девушки, как я — ленивой южанки.

Ава научилась давать интервью. Теперь она сверкала в центре звездной жизни, и ей приятно было сознавать, что она великолепна, правдива, но... у нее есть маленькие тайны. Ава еще не раз побывала в Мексике одна и закрутила роман с самым настоящим тореро. Хосе Ривальдесу было тридцать пять, его тело — мощное и гибкое, как у циркового гимнаста, — приводило Аву в трепет, а бронзовое лицо все время хотелось целовать. Он был неутомим в любви и боготворил свою Королеву Люси. Имя Ава напоминало ему крик павлина.

— Зачем ты тратишь время на автомобиль? Скажи мне — и я дам тебе самолет. В Акапулько хорошее посадочное поле. — Говард после двухнедельного отсутствия осматривал свой дом в Лос-Анджелесе. Он просил Аву пожить здесь и проследить за регулярной тщательной уборкой.

Вытащив из пачки салфетки «Клинекс», он вытер ручку двери, прошел в кабинет.

— Там ничего не трогали, только вытерли пыль, — сообщила Ава.

— Знаю. Ты больше всего времени проводила в спальне. — Он смотрел мимо нее, стараясь высмотреть, очевидно, микробов на оконных шторах.

— Отдыхала, читала сценарии. — Ава запахнула изумительное черное кимоно, покрытое ручной вышивкой — зеленоглазые драконы с золотой чешуей клубились на груди и спине. В глубоком вырезе белела грудь, всегда приводившая Говарда в трепет.

Но сегодня он не замечал прелестей своей дамы. Он отстранил ее с дороги, продолжая осмотр вещей.

— И много говорила по телефону. С неким Ривальдесом из Акапулько — он неболтлив.

Ава обмерла, соображая, откуда получена информация. Дом оставался под охраной, но визиты Хосе им удавалось окружить секретностью. «Жучки!» — вспомнила она разговор Хьюза о наблюдении за подозрительным сотрудником. Вспыхнув негодованием, Ава подбоченилась:

— Ты следишь за мной? Ты нашпиговал дом жучками? Ты подслушивал мои разговоры? Мерзость!

— Только бегло просмотрел записи телефонных звонков. Скорее всего, твой любовник здоров. Но знаешь, бывают скрытые переносчики заразных инфекций. Особенно среди цветных. Что за пристрастие к ущербным расам?

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Ава закрыла глаза и глубоко вздохнула, пытаясь сдержать клокотавшую ярость. Не удалось — руки сами схватили и обрушили на его голову китайскую вазу. Какое нечеловеческое удовольствие! Хорошо, что Хьюз редко снимал шляпу.

Вскоре они сидели на террасе пентхауза отеля в Лас-Вегасе. Хьюз всегда снимал этот номер — он любил высоту и полагал, что чем выше от земли, тем меньше микробов. У ног его валялась кипа технических журналов:

— Я теперь знаю, что хочу! Эта новая резина — то, что нужно для шасси!..

— Счастливчик... — Ава надула губы. — А я не знаю. Не знаю, чего хочу.

— Давай, детка, придумывай поскорей. Только я не стану вызывать сюда твоих желтокожих жополизов. — Говард уже звонил на резиновый завод в Каролине.

— Бр-р-р! — Ава зябко поежилась, сдержав резкое словцо. Боясь ступить на опасную тропу сражения, она выпалила: — Я хочу апельсинового мороженого!

Говард, серьезный, словно речь шла о закупке завода, начал поиски мороженого. В ресторане отеля именно апельсинового не оказалось. Она была согласна на любое другое, но Говард даже не слушал. Повернувшись к даме спиной, отдавал распоряжения. Наконец он удовлетворенно рухнул в плетеное кресло и сообщил:

— Будет.

Через час у отеля остановился лимузин, через десять минут шофер в ливрее торжественно внес в номер целую бочку мороженого...

Сладкая жизнь продолжалась. Но никакие сладости, никакие выходки всевластного господина не могли укротить независимость Авы. Она хотела иметь свою жизнь. Говард не всегда мог смириться с этим.

Он редко предупреждал о своем появлении или исчезновении. Мог оставить даму в ресторане в разгар интимного ужина. Мог и нагрязнуть ни с того ни с сего и повести себя, мягко говоря, незелантно. Обнаружив у дома Авы мексиканского тореадора, Хьюз влепил ей пощечину и вывихнул челюсть. Она запустила в авиатора подсвечником. Журналисты резвились — таких живописных сцен им не подбрасывал никто.

Однажды, появившись в разгар вечеринки, которую Ава устраивала в его особняке, Говард не одобрил состав гостей и затеял драку с хозяйкой бала. На следующий день его слуга попросил мисс Гарднер немедленно собрать вещи и освободить помещение. Газеты бесновались: «Хьюз выгнал Гарднер на улицу!»

Вернувшись домой, Ава прокляла тот день, когда увидела Говарда за фонтаном с шампанским. И тут же вызвала Лану.

— Это конец! С меня довольно. Шпионит, настраивает слуг на моих друзей, подслушивает телефонные разговоры, а у самого куча девок! Да и не только.

— Минутку! Кажется, к тебе пришли! Я открою. — Услышав звонок, Лана поднялась, одернув на груди обтягивающий свитерок. — Вытри сопли. Сдается мне, это он.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Вскоре она, пятась, впустила в комнату двух посылных, внесших колоссальную корзину.

— Не меньше ванны! И полна цветов! — Лана достала карточку: — Так! Гений сообщает, что сегодня будет молить прощения у твоих ног. Я-то думала обнаружить шалуна среди орхидей. Вот, читай.

Ава отбросила карточку:

— Если его не вызовут на совет директоров или сантехников... Если не треснет шланг в каком-то самолете или... или он вообще не забудет... — Она запустила руки в гриву распущенных волос. — Кажется, с меня довольно.

— Тебя можно понять, дорогая. Но... — Лана наморщила носик. — Если ты не против, я покручусь возле Хьюза. Понимаешь... С Папашкой мы, вроде как, разводимся...

Связь Авы с Хьюзом тянулась десять лет. Она была едва ли не единственной из его дам, кто навещал измученного болезнью Хьюза перед его смертью. Он был единственным, кто прислал на ее пятидесятилетие букет алых роз. Но все это случится еще не скоро — через четверть века.

«Гуляй и зажигай! Мы созданы для страсти!»

Из домоседки Ава превратилась в завсегдатая ночных клубов. Ее туалеты подробно описывались в отчетах светской хроники, как и армия ее кавалеров, представлявшая смесь породистых знаменитостей с никому не известными «дворняжками». Ава купалась в преклонении и любви. Журналисты по-

вторяли ее девиз: «Никакой рутины, только шутки, юмор, веселый смех!»

Ей двадцать пять, она сказочно хороша, чем повергает в шок обычных смертных, не причастных к голливудским чудесам, — полицейских, водителей такси, домохозяек, продавщиц. Где бы ни появилась эта совершенная женщина, на нее взглядели с открытым ртом. Завистницы пытались найти изъяны. Но изъянов не было. Минимум косметики — и дивное лицо можно показывать самым крупным планом. Однако актрисой она оставалась средней — героиней класса «Б». И тут ей помог случай! Джорджу Рафту требовалась партнерша для фильма «Остановка по свистку», но ни одна кандидатура пока не устраивала создателей. Наконец нашелся повод встретиться с Золотым Львом.

Теперь Ава не сомневалась, что сдаст экзамен этому знатоку женственности.

— Детка, ну нельзя же так мучить старика... — Тяжело дыша, он освободился от лежавшего на нем великолепного тела. К финалу они пришли вместе и вместе вкусили первые минуты совершенно опустошающего покоя. Ава была бесподобна, ему удалось доставить ей удовольствие, и ради этого, может, и стоило забыть о больном сердце.

— А ты губительница. Скольким уже шею свернула? — Майер пустил в стакан струю из стоящего у кровати сифона и жадно выпил.

— Микки успешно женился. Хьюз, если и болеет, то не из-за меня, а мужчинам с корриды я приношу только пользу.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Тебя все же тянет к быкам. Ты не знаешь, но тогда с Клифом я прозвал тебя коровницей.

— Кстати, куда он делся?

— Погорел из-за твоей свадьбы. Оуэн ловко по-работал сводником, пользуясь очевидно сюжетом Шекспира. Но, увы, фокус не удался. Я с треском вышиб его.

— Жаль. И ничего нельзя поправить?

— Думай лучше о новой роли. Это не то, что я хотел бы для тебя, но для начала есть за что зацепиться...

На студии они со Львом разыграли безобидную сценку. На встрече с режиссером Майер заметил: «Вы слишком долго подбираете актрису. Посмотрите, вот эта красотка болтается тут целыми днями и ни черта не делает. Может, попытаемся?» Пробы оказались хорошими, и съемки начались. Ава получила настоящую роль...

Ее вагончик возле съемочной площадки был раскален солнцем. Никто в нем не засиживался — гримерша управлялась за несколько минут, а парикмахеру и вовсе делать было нечего. Об этих волосах щедро позаботилась природа.

Выйдя из вагончика, Ава отвернулась от солнца, стараясь не повредить грим испариной. И вдруг прямо в лицо ей ударила струя воды!

— Вы что, сбрендили? И как таких идиотов держат в дворниках! — накинулась она на мужчину со шлангом, промокая лицо подолом крепдешиновой юбки. — Идите вы... подальше со своими извинениями. — Она удержалась, чтобы не ввернуть слов-

цо покруче. С волос капало, а блузка, совершенно промокшая, прилипла к коже, обрисовывая все прелести.

— Я и не думаю извиняться! Извиняться за такую красоту? Я чертовски горд! Прямо как Гойя, завершивший портрет герцогини Альба! Вы стали еще лучше! — Он сделал шаг к ней, жадно всматриваясь в лицо. — Как режиссеры не могут понять этого... Вы совершенство, и у вашей красоты нет врагов. Солнце, ветер, дождь — это аккомпанемент... к божественному соло...

Мужчина был молод и очень красив. Рукава белой рубашки закатаны, воротник а-паш открывал смуглую шею. В волосах дрожали капли воды. У ног незнакомца шипел в траве шланг.

— Вы дворник? — Она сама удивилась нелепости вопроса.

— О нет, мисс. Скорее художник. Любой придворный художник, любого самого пышного и древнего двора, позавидовал бы тому, кто имеет такую модель. Даже, полагаю, сам Гойя.

— Изысканный комплимент. Вы участвуете в эпизоде?

— Я здесь человек случайный. Меня на время поселили вон в тот вагончик. А у меня от пыли инструмент шалит. Устроил полив — проявил инициативу. Все-таки примите мои извинения. — Он поклонился, траурно опустив длинные ресницы, поднял шланг и, улыбнувшись ей, зашагал прочь.

По поводу завершения съемок в павильоне, как водится, устроили банкет. Но Ава ничего не помни-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

ла с того момента, когда увидела прямо перед собой «художника», облившего ее из шланга...

— За успех нашего фильма! — Он вдруг появился перед ней со своей неотразимо привлекательной улыбкой и протянул бокал вина.

— Так вы в самом деле художник? — Она взяла бокал, не сводя с него зеленых глаз.

— Нет, я музыкант. Видите ли, фильм назван «Остановка по свистку». Свисток изображает мой кларнет. Но это ведь скучно — вот и пришлось немного посочинять.

— А... — В памяти Авы прояснилось. — Вы кларнетист Арти Шоу! Муж моей подруги.

— Могу уверить вас, прекрасная синьорина, ничьим мужем я в данный момент не являюсь. Если не считать мою пожизненную жену — музыку.

— Я тоже... Я тоже свободна...

«Ну почему твой голос меня мучит?»

— Слушай! Вот эта мелодия — она течет, переливается, обретает иное русло, слившись с потоком праны... — Он извлек из кларнета протяжный ручеек звуков. — Похоже на поток сознания Фолкнера. — Арти, в свободной белой рубашке и холщовых брюках, стоял на балконе своей квартиры в Лос-Анджелесе. Восходящее солнце светило из-за его спины, окружая фигуру слепящим ореолом. Ава потянулась и зажмурилась — уж слишком рано он затевает эти «потоки», ловит энергетику рассвета. Считает, что звук в лучах утреннего солнца распространяется особо. По доминанте или по дивергенте,

или... Ну дисперсия какая-то происходит. Такого умного мужчину Ава еще не встречала. Всемирно известный кларнетист, руководитель джаз-оркестра, экстравагантный чудак, за которым тянулась бесконечная череда неудачных браков, очаровал ее. Такой особенный, как инопланетянин. Но иногда уж лучше бы попроще. Без наворотов. Без «потока сознания» с утра пораньше.

— Ага, я согласна. Похоже... — Она зевнула. — На этого, которого ты назвал.

— На Фолкнера. А вот здесь, — он выдал сложную музыкальную фразу, — это уже Томас Манн — «Волшебная гора», чувствуешь?

Ава лишь промычала в ответ.

— Да просыпайся же, божество мое! — Арти вошел в комнату, прижался щекой к ее ногам. — Припадаю к стопам твоим, Диана...

— Кофе, булочки с джемом и капельку ликера. — Ава села, склонилась к его уху: — И пожалуйста, волшебник мой, большой кусок ветчины!

— А нежные фрукты?

— Нежности будут после завтрака.

Он приносил завтрак, и они снова занимались любовью. Не размыкая объятий, Арти говорил о музыке или даже брался за кларнет. Ибо уверял, что есть только один способ усилить наслаждение — соединить его с другим.

Но заминки возникали все чаще. Он вел беседу на высоком уровне тонкости и грациозности, как и подобает беседовать с принцессами крови. А ее тело, казалось бы, выведенное вековой селекцией аристократических родов, не воспринимало эти ча-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

стоты. В драгоценном сосуде скрывалась простая душа невежественной и довольно наглой девчонки. Ему хотелось рассуждать с ней о светомызыке, о необычной глубине русского симфонизма и прозрачности французских импрессионистов. А уж разговоры о джазе... Здесь Арти было не остановить! Он нашел слушательницу с лицом самого чуткого и понимающего существа... Он смотрел в глаза Музе...

— Милый! Ну мне же скучно! Почему я должна часами выслушивать какие-то совершенно непонятные мне лекции. Когда собираются твои друзья, я чувствую себя горничной. Вчера вцепились в какого-то Джойса!

— Ну так возьми книгу и почитай! Что ты вообще прочла за последний месяц?

Выяснилось, что за всю свою жизнь «богиня» прочла единственную книгу — «Унесенные ветром» Маргарет Митчелл.

Арти надеялся, что в душе Авы дремлет нераскрытая жажда познания, что там глубоко запрятана бездна вкуса. Надо лишь найти ключик... Он давал ей серьезные книги, записал на курсы английской литературы. И ждал.

— Не понимаю, чего он хочет от меня? Нашел бы себе интеллектуалку и пичкал ее пыльными томами из библиотеки. Я никогда не рвалась учиться в колледже! — жаловалась Ава Майеру.

— Этот ловелас и похититель сердец хочет многого. Не обращай внимания, детка, занимайся своим делом, — успокаивал ее Лев. — У тебя будут интересные роли. Жене совершенно не обязательно сидеть сутками под крылышком мужа.

— Но... Мне кажется, я недостаточно люблю его, чтобы стать женой. Мы такие разные...

— Что ты предлагаешь? — взвился вдруг Майер. — Роман? Никакого сожительства! Либо вы женитесь, либо разбегаетесь!

Они поженились, но брак превратился в кошмар. Уже не ожидая от супруги рвения к образованию, Арти упорно старался раскрыть ее дремлющие дарования. Он даже стал следить за ее посещениями литературных курсов и задавал уроки!

— Ты можешь понять, что это не мое? — Ава фурией носилась по дому, засовывая в шкаф разбросанные книги. — Да, я люблю красивую музыку, люблю потанцевать, смотреть кино... Но эти толстенные книжищи... — Она уронила на пол том какого-то русского, Толстого, раскрывшийся на портрете. — Эти бородатые старики! Избавь!

— Так... — Арти с хрустом заломил пальцы. — Мне кажется, здесь дело в ином. У тебя комплекс парвеню, и твоя психика противится новым знаниям. Вот! — Арти положил перед женой бумагу. — Я записал тебя на сеансы психоанализа. Конечно же надо было начинать именно с этого...

В общем, семейная жизнь Авы не клеилась. Скандалы частенько вспыхивали на людях и становились достоянием общественности.

— Норовистая тебе кобылка досталась... — заметил после очередной бури пианист Зигер Ланвер, наигрывая на фоне нечто успокаивающее.

Музыканты репетировали с Марлен Дитрих, которая готовила новый альбом записей. В брючном костюме, белой мужской рубашке, одна рука

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

в кармане, другая — с длинной сигаретой, она была душой компании. Неподражаемая, элегантная, эксцентричная, острая на язык, мгновенно подхватывающая идеи и подсказывающая неожиданные решения, она блистала и в рабочей обстановке, хрипловатым голосом напевая мелодии на трех языках. И явно кокетничала с красавцем Арти.

Арти, совершенно очарованный Марлен, брякнул:

— Ава, дорогуша, приготовь нам что-нибудь перекусить. Ты все равно ничего не понимаешь в музыке...

Она вспыхнула и в слезах умчалась на кухню. Арти вздохнул и вывел свою прекрасную гостью на балкон.

— Марлен, ты необыкновенная женщина, ты понимаешь все. Помоги...

— Семейные проблемы?

— Не совсем. Мы любим друг друга. Но... — Он пожал плечами. — Как сказал некогда Стендаль: «Я ставил сети слишком высоко, она летала значительно ниже».

— Все ясно: красивая, пустая куколка. О, это ловушка, мой дорогой!

— Но я уверен, она просто не может раскрыться, впустить в себя новый мир мыслей, эмоций... — горячился Арти, сверкая умными глазами.

Марлен положила на его узкую руку тонкие пальцы с искристыми перстнями и заглянула в лицо так, как умела только она — чуть насмешливо и печально.

— Я постараюсь тактично поговорить с ней. Зо-ви девочку, мы посидим здесь. И принеси мой палантин — довольно свежо.

Ава шмыгала распухшим от слез носом. Плетеное кресло противно поскрипывало. Напротив в качалке, закутанная в меха, полулежала Марлен. Прикрыв глаза, она покачивалась в кресле и тянула из бокала вино.

— Детка, я давно заметила вас. Вы очень хороши. Но знаете, здесь много мелькает красоток... — Она мастерски выдохнула дым, уплывший тающими кольцами к ветвям мимозы. — Мелькает и исчезает.

— Но я осталась! — Ава решила постоять за себя.

— И можете сделать еще многое... Я в курсе ваших раздоров с Арти. Знаете, он крупная личность, с такими надо быть начеку.

— Я стараюсь... У нас прекрасный секс. — Ава гордо подняла голову, выставив подбородок с трогательной ямочкой.

Дива нежно улыбнулась:

— Послушайте, девочка, вам двадцать пять, и чтобы стать *интересной*, недостаточно овладеть искусством любви. Вы должны впитывать знания, как губка. Иначе сильно опоздаете.

— Я вроде и так справляюсь с ролями...

— Ах... — Марлен вздохнула. — Справляться и блистать, блеснуть или остаться в веках — разные вещи. Ваше ампуа — фатальные, неотразимые, породистые женщины, превосходящие силой воли и умом мужчин. Женщины, обладающие сильными чертами противоположного пола и тем самым ли-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

шающие его превосходства. Впрочем, превосходства зачастую мнимого. — Она загасила сигарету в стоящей на парапете пепельнице. — Я знаю, о чем говорю. Это и мой путь.

— С Арти мне трудно держаться на высоте, — призналась Ава, — у меня было совсем простое детство. Арти упрекает меня в невежестве, а на меня наводят тоску заумные беседы его друзей.

— Конечно, приятней посидеть с подружкой, поспудачить о том, кто с кем спит, или обсудить свежие голливудские скандалы... Глянцевые журналы прельщают куда больше, чем Хемингуэй с Джайсом вместе взятые. А еще, я думаю, ты ненавидишь светские условности...

— Да! Я люблю бродить по дому босиком. И даже когда приходят гости. Не вижу в этом ничего зазорного. А он шипит: «Как можно быть такой деревенщиной! Ты думаешь, что все еще на табачном поле?» Разве не обидно?

— Вы разные люди, это очевидно. Но ты ищешь значительного спутника, а сама, прости меня, милая, не хочешь трудиться! Ты никогда не удержишь при себе стоящего мужчину, если не возьмешь на себя труд подняться до его уровня. Мне повезло, я получила хорошее образование и у меня отменная голова, голова, которая умеет учиться. С Хемингуэем я могу обсуждать сюжеты его романов, с Ремарком — особенности немецкой поэзии, с Оливье — читать Шекспира, а с Джоном Кеннеди — болтать о политике. При этом, милая моя, мои фильмы — всегда прежде всего. Я никогда не упускаю из-под контроля ни единую деталь своей ро-

ли, костюма. — Она улыбнулась: — От смыслового стержня до перышка на шляпе. Над этой пластинкой с оркестром Арти я буду работать до тех пор, пока она не станет лучшей не только для меня, но и для всех занятых в работе музыкантов.

— Вы уникальная женщина, мисс Дитрих. Вы представлялись мне недосягаемой. Вы так добры ко мне. В этом зоопарке в основном кусаются и подставляют ножку.

— Я всегда стараюсь помогать. Особенно молодым и подающим надежду.

— Вы были на войне... Это грандиозно. Вы героиня.

— Да, я получила дорогие для меня награды. Но тут нет героизма. Я просто хотела помочь парням, которые шли на смерть. Хоть чем-нибудь. — Лицо Дитрих озарилось.

— Марлен... Дружба с такой женщиной — огромное счастье для любого человека. — Ава была в курсе слухов, живописующих «помощь» Марлен молодым воинам. Актрису называли «секс-бригадой». Но Ава не позволила себе насмешливый тон в адрес влиятельной дивы, несмотря на свою невоздержанность в высказываниях.

— Увы, моя семья и работа занимают меня целиком. И я не дружку с женщинами. Никогда. Этот мир сплетен и полоскания грязного белья во все не по мне. Запомните: если хотите учиться, расширять свой интеллект, дружите только с мужчинами. — Марлен поднялась, потянулась всем телом. — И, если честно, Лана Тернер — не лучшая наставница для серьезной актрисы...

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Прощаясь с Арти, Дитрих шепнула:

— Дорогой мой, я поговорила с ней. Тяжелое впечатление. В смысле интеллекта бедняжка безнадежна. Увы, прекрасный сосуд, но в нем нет огня. Арти, ваш брак обречен.

«Трудись, трудись, артист! Твой «урожай» — аплодисменты»

Арти обожал тело жены и ненавидел ее душу и мозги. Ава скучала и все чаще тянулась к стаканчику виски... Уже к лету 1946 года молодожены перестали спать в одной постели. А 16 августа, спустя десять месяцев после свадьбы, Ава подала на развод. Причина была та же, что и в случае с Микки, — «жестокое отношение мужа».

— Жизнь с Арти — такая тоска, — жаловалась она Лане. — Все равно, что учиться в колледже. Уж лучше уйти самой, чем дожидаться, пока тебя отчислят. Впрочем, ты же все это знаешь...

— Главное — ударные роли! — заверила Лана, снявшаяся только что в прославившем ее фильме «Почтальон, который звонит дважды». — «Остановку по свистку» критики заметили, тебя хвалили — так что вперед, не вешай носа...

После развода с Арти Ава заметно повеселела и открыто пустилась в приключения. Ее романы были скоротечны и мало походили на поиски «принца». Вопреки советам Дитрих, Ава вовсе не старалась демонстрировать мужчинам свой интеллект. Напротив, она весело и быстро затевала поверх-

ностные интрижки и сбегала от очередного любовника прежде, чем он успевал сообразить, что же за экзотическая птица попала в его сети.

В 1947 году режиссер Роберт Сиодмак — классик черно-белого жанра — запустил фильм «Убийцы» по одноименному роману Хемингуэя. Главную роль — ослепительной женщины-вамп Китти Коллинз, стоящей в центре кровавых преступлений и предательств, — сыграла Ава Гарднер.

Красивая и порочная, связанная с преступным миром, она завлекала в свои сети героя, сбивала его с истинного пути, а затем предательски бросала, доводя до последней грани отчаяния.

Журнал «Лук» назвал ее «самой многообещающей дебютанткой года». Все заговорили о новой звезде и о ее ампула — роковые красавицы, приносящие несчастье. Режиссер Роберт Сиодмак был номинирован на «Оскар», заметили критики и молодого актера Берта Ланкастера, сыгравшего в «Убийцах» свою первую роль.

В этом же году Гарднер успешно снялась в фильме режиссера Джека Конвэя «Рекламисты». По сюжету ветеран Второй мировой войны Виктор Норман, которого играл сам Кларк Гейбл, понимает, что рекламный бизнес — это жесткие отношения и большие деньги. Он пускается на всяческие уловки, дабы заполучить средства на проведение рекламы мыла «Бьюти». Парню удастся добиться почти невозможного — согласия от вдовы генерала (Авы Гарднер) стать лицом мыльной рекламной компании. Приключения партнеров мыловарения способствуют расцвету бурного романа... В общем, все довольно мило и весело.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

**«Порой сжимает сердце грусть.
Влюбиться, что ли, время?»**

Освободившись от съемок, Ава нагрязнула в Нью-Йорк, решив навестить Баппи. Следовало по-видаться с сестрой и помянуть мать. Молли внезапно скончалась месяц назад, а занятая на съемках Ава поехать на похороны не смогла.

У Баппи подрастала девочка. Нагруженная коробками с подарками, Ава вышла из такси возле памятного фотоателье. На витрине, менее целомудренно и совсем не жеманясь, красовались девицы в обтянутых купальниках и открытых сарафанах. Многие карточки были цветными.

Баппи с двухлетней Вини на руках бросилась открывать дверь. Она знала о приезде сестры, и дом благоухал пирогом с копченой курицей и маринованными овощами.

— Ты совершенная красавица! — растерялся вышедший из провочной Лари. Держа на отлете испачканные химикатами руки, он расцеловал своюченицу в обе щеки.

— А платье — умереть можно! — Баппи отошла в сторону, чтобы лучше разглядеть все великолепие ансамбля — от закрученной раковины бархатной шляпки с вуалеткой до лаковых туфелек и плоской сумочки под мышкой.

— Париж. С ног до головы! Дома моды сражаются за меня. Я же лучшая реклама — везде бываю, всем показываюсь. И не схожу со страниц прессы. Гарднер то, Гарднер се...

— Но не забудь, дорогая, откуда все началось! — Лари ткнул пальцем в пол. — Отсюда, с моей витрины.

После шумного обмена новостями, плотного застолья, поминания Молли и чтения письма от Кори сестры уединились в спальне. Сменив костюм на банный халатик, Ава легла поперек кровати. Малышка уже спала, и можно было наговориться всласть. Вазочка с фисташками способствовала откровениям.

— А она у тебя прелесть! — Ава рассматривала брошенные на покрывало фото малышки — любящий отец щелкал дочку постоянно. — Не представляю: у Кори — двое! Двое парней! И она прямо балдеет — дом в этом вонючем Смитфилде, работающий, как она пишет, муж. Наверняка алкаш. — Ава икнула. — Переела. Ты всегда закормишь до полусмерти.

— Ну а ты? — Баппи выразительно посмотрела на плоский живот сестры.

— Не могу же я рожать от кого попало.

— Два мужа — и такие сволочи! — Баппи горестно вздохнула. — Там у вас, видать, нормального мужика не найти. Зверье настоящее.

— Да это я для развода писала про жестокое отношение. — Ава засмеялась. — Посмел бы кто из них меня тронуть! Но... — Она разгрызла орешек. — Стоящих мужиков в самом деле нет. Так — перепихнуться. Я на брак и не замахиваюсь. Ох, тяжела ноша! Хуже, чем в тюрьме!

— И как же теперь? — У Баппи от жалости навернулись слезы. — Так и останешься одна? Ты ж о доме мечтала, о детях...

— Будут, будут у меня дети, не плачь, старушка. Но не сейчас же! Только карьера пошла. Ой! — Она схватилась за щеку. — Язык прикусила...

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— А любовь? — выводывала Баппи.

— По мне вся эта любовь — сплошной геморрой. — Ава сплюнула в ладонь острую кожуру. — Орех вкусный, а вся эта хреновина вокруг на черта сдалась... Вот так и любовь.

Она снимала номер в отеле и задерживаться в Нью-Йорке не собиралась. Был вариант провести недельку на взморье с симпатичной компанией. Провырнуться по магазинам, съездить на отдых в Майями...

Когда зазвонил телефон, Ава стояла под душем и в сердцах выругала вечно не вовремя звонившую Баппи. Есть у некоторых людей такое свойство — звонить в самый неподходящий момент.

— Это мисс Гарднер? — Молодой мужской голос звучал радостно, словно собирался сообщить ей о крупном выигрыше.

— Какого черта! Что вам надо? — Она подобрала падающую простыню, в которую впопыхах завернулась.

— Мне необходимо сообщить вам очень важную и приятную вещь.

— Переходите к делу. Я стою голая у открытого балкона.

— Вы не могли бы подойти поближе? Я вижу только край занавески... И у меня плохонький бинокль.

Ава бросила трубку, но наглец тут же перезвонил:

— Шучу. Я далеко от вас, но могу нагряться. Если рискнете взглянуть на человека, находящегося в

крайней степени истощения от беспощадной лихорадки любви, через пять минут я буду у подъезда.

Голос незнакомца звучал так легко и весело, что Ава подумала: «А почему бы и нет?» Быстро оделась и спустилась вниз.

К отелю подъехала разбитая колымага, из которой вылез молодой парень в джинсах и потертой куртке. Ветер лохматил рыжевато-русые волосы, светлые глаза на загорелом лице смотрели насмешливо.

— Говард Дафф. Похудел после просмотра фильма «Убийцы» на пятнадцать килограмм. Продолжаю терять вес. Умоляю, занесите меня в список ваших жертв!..

Они отлично провели вечер, кочуя по барам и веселясь от души. Дафф знал кучу историй и уморительно их рассказывал. Кроме того, он так смотрел на Аву, что ей хотелось лишь одного — поскорее оказаться с ним в постели. Когда это случилось, оба набросились друг на друга как истосковавшиеся в разлуке любовники. Ава была в восторге — после симпатяги-комика, миллионера-собственника и зануды-интеллектуала ей нужен был именно такой парень — простой и веселый.

Дафф работал актером в бродвейских театрах. Он уехал с Авой в Голливуд и устроился на студии. Их роман длился два года и состоял из сплошных ссор, примирений и страстных баталий.

— А ты порядочная стерва, — частенько говорил Аве Говард, подводя итог отшумевшей буре и приступая к ритуалу примирения.

— А ты — безмозглый похотливый бычок!

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Если я бык, то лишь для одного тореро — для тебя, чудная!

Ава и не помышляла о браке: секса и дружбы недостаточно для того, чтобы надеть новое ярмо. И потом, он хоть и Говард, но далеко не Хьюз. Мелковат для мужа звезды. Кроме того, в пылу ссор частенько доходило до потасовок, а Аву не устраивали синяки, хотя взбучка ее прилично возбуждала. Словом, все тянулось и тянулось, превращая отношения в рутину...

И вдруг случилось то, что должно было в конце концов случиться: Ава поняла, что беременна. Частный доктор из Беверли-Хиллз подтвердил ее подозрения. Доктор Беркли принимал пациенток, желавших держать в секрете проблемы интимной жизни. Ава же совершенно не хотела, чтобы о ее беременности судачили в Голливуде и, главное, узнал Дафф. Он и так уже прожужжал ей все уши о семейной жизни с кучей детишек, пирогами к праздникам. Узнай Говард о ее положении, он грудью встал бы на защиту своего будущего чада.

Ава рискнула — настояла на аборте на раннем сроке и даже согласилась на условие делать его без анестезии: доктор Беркли опасался проводить операцию на таком маленьком сроке с обезболиванием. Это оказалось куда больнее и дольше, чем она предполагала. Целая бесконечность мучений, за которую она успела вспомнить всех своих мужчин и проклясть их за страшное зло, приносимое женщинам. Больше всего она ненавидела Даффа.

Когда операция завершилась и Ава лежала в пустой, белой, как смерть, палате, смущенный доктор

Беркли сообщил ей, что хотя все и прошло благополучно, но возможность забеременеть снова для мисс Гарднер теперь под вопросом.

— И слава богу! — прошелестела она бледными губами. — Не терзайте себя, доктор. Маловероятно, что меня когда-нибудь привлечет материнство.

Нахмурившись, доктор покачал головой: он распознал первые признаки нередкой в такой ситуации депрессии.

Ава безоговорочно, ничего не объясняя, рассталась с Даффом. Затем перерыла все вещи, выискивая следы прежних романов, и с наслаждением отправила их в мусорную корзину. Письма с признаниями в любви, сувениры, милые талисманы — засушенная роза от тореро, пластинки Арти, плюшевый зайка по имени Дафф, ленты, брелки, книжки... Выкинула даже фото племянницы и всяческие рождественские открытки с изображением малюток. Подаренные драгоценности остались, собранные в отдельную коробку. Ава решила раздарить все бедным, но энтузиазм очищения иссяк. Она рухнула в постель, не забыв выдернуть из розетки телефонный шнур и поставить поближе бутылку виски.

— Е-мое! Перестань кукситься из-за этого дерьма! — прибывшая к подруге Лана распахнула шторы на окнах. — Телефон отключила, в доме бардак. Прогнала кобеля — тоже мне конец света!

— Я не из-за Даффа. Я вообще... — Ава рассказала о неудачном аборте.

— Во-первых, ничего определенного доктор тебе не сказал. Ты баба здоровая, деревенская, захочешь — родишь. А во-вторых, на кой тебе это счас-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

тье? Думаешь, от моей Черил много радости? Грешно так говорить, но счастливей от бесконечных забот об этой соплячке я не стала.

Ава поднялась и молча пошла на кухню. Лана застала ее с бутылкой виски.

— Сейчас тебе спиртного нельзя. Будет кровотечение.

— Мне теперь все всегда можно. — Ава налила в стакан. — Ничего не умею, никого не хочу, ничего не жду... Это, что ли, называется свободой? Свободна! Я свободна! — Она расхохоталась, содрогаясь всем телом. По прелестному лицу потекли слезы, которыми она захлебывалась: — Уходи, уходи! Уйдите все! — Ава швыряла в стену все, что попадало под руку.

Лана окинула взглядом комнату и решила:

— Ничего особо ценного тут все равно нет. Резвись, детка. Вот, я ставлю рядом сервиз. Это мой подарок к свадьбе с Арти — дешевка. Наверное, я оракул! Я все знаю заранее.

— Одна! Навсегда одна! — рыдала Ава, уткнувшись в подушку. Чья-то машина призывно сигналлила за оградой.

— Меня зовут. — Лана взяла свою сумочку. — Я пришлю к тебе мою ученую фефелу. Пусть хорошенько здесь уберется и вымоет по всему дому полы. Поняла? Приду и проверю.

Часть третья
ФРЭНК И АВА

«Сердце мое, прими эту боль...»

Жизнь поставила на ней точку. Ава впервые почувствовала себя сломленной, дошедшей до края. Словно прокрутили всю пленку, и на белом экране мелькнул темный кадр с коротким словом «конец».

А было ли в этом фильме что-то хорошее? Росистая трава под босыми ступнями, томление во всем теле — предчувствие полета, рывка, ослепительной радости. И розовый свет, что окатывал все вокруг, стоило зажмуриться и увидеть там, по ту сторону настоящей жизни, клубничный «роллс-ройс» и выходящего к ней героя. Все обман, все. Микки, Говард, Арти... Только испанский парнишка в униформе гостиницы — он был честным...

Дафф ничего не обещал, просто был и ушел. Финита ля комедия... А второй серии не будет: уютного дома, запаха пирогов, маленькой девочки, так похожей на Аву. Она никогда не поведет ее в кино, не нарядит в самые красивые платья. И мужа больше не нужны. Все настоящие герои остались в кино. А испанских тореро для одиноких ночей ей хватит.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Ава с удивлением поняла, что не научилась привязываться, влюбляться. Не узнала, как это — обмирать от любви, сходить с ума, стреляться, травиться. От тоски — да. Сейчас было бы в самый раз, если бы не придумали виски. Но из-за мужиков? Черта с два! Пусть кидаются в ноги и молят ее... молят отдаться... Отдаться! Смешное слово. Что она может дать им, кроме... А им всем только это и надо. В принципе, совсем неплохо. Выбираешь и одариваешь от щедрот своих! Уж она-то завоевала право выбирать лучших...

— Куда под колеса лезешь, козел! — Ава резко затормозила. Задетый бампером мужчина отлетел на асфальт. Ничего, поднимается. Но уже побежали привлеченные визгом тормозов люди. Не хватает только влипнуть в полицейскую историю.

Она распахнула дверцу:

— Скорее! Садитесь! Да шевелитесь вы, а то сейчас налетят эти гребаные стражи порядка!

Мужчина сел рядом, и она рванула свой «форд-мустанг» к тенистым переулкам подальше от шумной набережной.

— Возьмите, — протянула пострадавшему паке-тик бумажных салфеток. Закавав разорванную брючину, тот рассматривал колено, на котором поверх размашистой ссадины начали выступать бисеринки крови.

— Ерундовая царапина, симулянт. И брюки дешевые. Сто баксов на новые хватит? Куда изволите подвезти, сэр?

— Куда хочешь. Я к тебе в машину не лез. Вот в жизнь твою я вмешался однажды, и, думаю, ты могла бы сказать спасибо.

— Клиф! Черт возьми, вот так штука! Слышу — знакомый голос... Ты! — Ава с удивлением разглядывала спутника. Похудел, как-то помельчал, одет паршиво, парфюм дешевый. Она вдруг вспомнила о том, как все произошло, и захохотала:

— Идиотство тогда получилось! Ну, прямо со смеху сдохнешь с этим Микки! Как бедолага надрывался, как старался завоевать меня... И я — дурища! Ты здорово подстроил нашу «безумную любовь»!

— А ты здорово заложила меня Майеру.

— Да уж... — Ава скисла. — Хреново вышло. И с браком, и с тобой.

— Куда уж хреновей. Вместо карьеры в MGM составляю картотеку на безработных в конторе Гислинга. Сестра умерла, мать почти слепая.

— И какого черта, ты мне скажи?! Нет, кому это все было надо, кому? — Ава ударила по тормозам. Автомобиль остановился, словно споткнувшись о край тротуара. — Какая-то чертовщина все наворачивается, наворачивается... — Она задумалась и печально объявила: — Мне недавно сказали, что я и залететь теперь не смогу. Неудачный аборт. Шанс есть, но совсем ерундовый...

— Извини, не стану тебя жалеть. Я не противник абортотворения, но уж очень все это просто выходит: потрахалась — «почистилась». Слово дерьмо выкинула. И по новой пошла.

— О'кей! Я поняла, мы оба дряни. — Ава перевела рычаг сцепления и крутанула руль, въезжая в поток машин. — И не говори, что я великая актриса и у меня все будет расчудесно. Пиши свой теле-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

фон. — Она бросила ему на колени сумочку, где в перламутровой записной книжке с золотым карандашиком вкривь и вкось были начертаны имена и цифры.

Говард Хьюз даже не стал ничего расспрашивать и требовать свидания. Записал телефон Клифа Оуэна и хмыкнул:

— Пристрою парня. За тобой должок, Ава.

«Бывает, что финал становится началом. И новый день в лучах зари встает»

Ава сидела за столиком в саду виллы Мэрилин Монро в Санта Монике — киномомонд отмечал премьеру фильма «Джентльмены предпочитают блондинок». Среди цветников, смеясь и громко общаясь, толпились гости, сновали официанты, разносящие напитки, светились в сумерках белые скатерти на столиках, расставленных на лужайке у бассейна. Перед Авой стояли бокал виски с кусочками льда, начатая бутылка. В руке, отягощенной золотым браслетом восточной работы, дымилась сигарета. Она изредка взмахивала головой, отбрасывая на спину тяжелую массу смоляных волос, и подвески затейливых, как Тадж-Махал, золотых сережек начинали раскачиваться и нежно звенеть.

Мэрилин, уже подвыпившая, громко хохотала и судорожно всхлипывала, переходя, видимо, к истерике. Джо Ди Маджио — звезда бейсбола, с которым Мэрилин крутила роман, пытался увести ее в дом. Ухватился за плечо, бретелька платья не вы-

держала и оборвалась — испытанный прием, Мэрилин всегда легко находила причину оказаться внезапно раздетой... Полуобнаженная блондинка вырвалась на свободу. Гости завизжали от восторга. Красавец Ди Маджио, отличавшийся неудержимой ревностью, начал багроветь.

— Отнеси ты ее в кровать, Джо! — посоветовал кто-то из друзей.

— Не хочу спать! Буду купаться. Как нимфа — в одних бриллиантах! — Она замурлыкала песенку из фильма о том, что бриллианты — лучшие друзья девушек, и рванулась к бассейну, сбрасывая на ходу лодочки и пытаясь окончательно освободиться от платья. Бейсболист сгреб любимую в охапку и, визжащую, дрыгающую ногами, унес в глубь дома. Оркестр занудил нечто лирическое.

Кто-то подходил к Аве, что-то нашептывал, целовал руки, шею. Мужчины пытались подсесть к ней, но она коротко обрывала: «Я занята!», пила, смотрела на догорающий за цветущими кустами закат и злилась. Эта несчастная бесшабашная блондиночка наглотается сейчас таблеток и провалится в сон, чтобы не думать. У нее тоже не будет детей. Все знают, чем кончился последний аборт Мэрилин. Мужики кружат, как мухи... Мухи над падалью... И неотвязная мысль, досаждавшая ей последнее время, ехидно подала голос: «Чего же ты ждешь? Уходи! Или жить все-таки хочется? Хочется еще ухватить свое, Люси?»

Ава вдруг почувствовала, что сейчас выкинет нечто дикое: разобьет о край стола бутылку, искромсает острым стеклом эти «божественные» руки,

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

чтобы брызнула кровь — много крови, и расфранченные манекены взвыли от страха. Она посмотрела на голубую жилку, чуть трепетавшую под молочно-белой кожей. Нет, дудки! Лучше заорать во все горло, скинуть туфли и станцевать на столе огненное фламенко, звеня длинными серьгами и монистом, которые надела сегодня к изумрудному платью из восточного набивного шелка. А потом будет все как всегда — общие пляски, похмелье, и кто-то непременно затянет ее в постель.

Хорошо бы сбежать, пока к гостям не вернулся, уложив Мэрилин, хозяин сегодняшнего банкета или не привязался кто-нибудь из «мотыльков». Сегодня вся голливудская братия была для нее на одно лицо — похотливое, лживое и равнодушное.

— Позвольте нарушить ваше одиночество? — раздался у плеча тихий мужской голос.

Ава не шелохнулась. Подождала пару секунд, усмиряя гнев и те выражения, которые уже рвались с языка. Потом медленно повернула голову, подняла полные презрения глаза и столкнулась с его взглядом. Знаменитым взглядом, источающим понимание и ласку, неизбывную любовь и желание. У него всегда был такой взгляд, когда он пел. И тогда, на первой вечеринке Авы у Хамфри Богарта, ее поразили его теплые голубые глаза.

— Пожалуй, позволю... Нарушайте! — Ава протянула руку. — Мы с вами, кажется, не знакомы.

— Это безумие — говорить такое здесь, на голливудском приеме, где все одна большая семья. — Он улыбался насмешливо, давая понять, что полно-

стью солидарен с ней в отношении представленного «зверинца».

— Да, вернее было бы сказать: мы еще не трахались.

— Причем и это для нашей среды большая редкость.

— Вы будете петь?

— Сегодня отдыхаю. Вы позволите? — Взяв бокал с виски у официанта, он сел напротив Авы.

— Жаль. Вам не хочется спеть для меня? — Она была умопомрачительно хороша, оглушительно притягательна. Ему вдруг захотелось выйти на эстраду, взять микрофон и запеть. Это именно тот случай, когда голос без всякой помощи технических средств будет звучать мощно и выразительно. Но он лишь улыбнулся:

— Когда я был помоложе, частенько прибегал к этому приему, чтобы завоевать понравившуюся мне девушку. В результате получалось нечто отвратительно фальшивое. Девица, трепеща и обмирая, впивалась в меня затуманенным взором, словно разыгрывая сцену обольщения перед воображаемой камерой. Меня начинало трясти от смеха, и я с трудом доводил до конца свое пылкое соло.

— А как вы поступаете теперь?

— Теперь я откладываю пение на потом.

— Песня на «десерт». Должно быть, и сама трапеза не менее эффектна? Это интригует. — Холодно произнесла Ава, с удивлением ощущая, как разливается по ее телу жидкий огонь. Ого! Она-то предполагала провести остаток жизни в неизбывной печали и воздержании!

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— У вас грустные глаза. Ради вашей улыбки я готов пожертвовать чем угодно.

— Чертовски красиво звучит! Только все красивые слова уже сказаны в кино.

— Сделаем вид, что никогда не видели киноэкрана. — В нем было что-то мальчишеское. — Итак: я готов выкупить вашу улыбку.

— И какова цена?

Он раскинул руки, как бы отдавая всего себя:

— Все что угодно: жизнь, песни, кошелек, свобода.

— Ну, свободы у вас, положим, нет. Кошелек меня не интересует. Единственно стоящее — песни. Что ж, беру песни. Ну, как? Мне улыбаться?

— По рукам!

— Сделка заслуживает внимания. Я подумаю. — Она заглянула в его глаза, отвечая несомненным «да», и протянула руку.

«Нет, — решил Фрэнк, припав губами к ароматной коже. — Нет!»

В последнее время в нем разбушевался дух противоречия: если что-то казалось особо заманчивым, надо было немедля делать ноги. Такова тактика новоиспеченного лузера. Избаловав своего любимца, судьба вдруг насмешливо оскалилась и загнала его в угол. Он разгадал ее прием: поманить, завлечь — и показать фигу.

Все начало трещать по швам вскоре после рождения Кристины. Подумать только — он был спокоен и так уверен в своем будущем! Он даже не позаботился о том, чтобы копить деньги. Тратить так

приятно! Столько всего хотелось приобрести! Дом для родителей и Нэнси и еще один, свой, «холостяцкий» — для работы и «деловых контактов». Автомобили, обстановка, дорогие вещи... Прислуга, постоянное желание баловать детей, ни в чем им не отказывая, делать дорогие подарки не только жене, но и каждой новой девочке. А сколько потрачено на тех женщин, кто после любовной связи остался в кругу близких друзей, с которыми хотелось поддерживать отношения. Фрэнк покупал им жилье, устраивал на работу их самих, мужей, сестер, даже пел на свадьбах подружек, чего вообще-то очень не любил.

И вдруг:

— Фрэнки, дружище, не пора ли тебе записать новые песни в современном стиле? — Директор студии звукозаписи любезно улыбался. Фрэнк сдержал тираду отборных ругательств.

— Что?! В каком это таком стиле? Мой стиль, стиль Фрэнка Синатры, приносящего огромные доходы твоей студии, устарел? Ты полный кретин, Сэмми, если решил ориентироваться на модные веяния. И вот что я думаю: а не пойти ли тебе куда подальше? — Фрэнк демонстративно разорвал контракт. И Columbia Records отказала ему в студийном времени.

Синатра и сам замечал, что в песенном жанре появились новые веяния. Томная романтика, в которой он так преуспел, начала уступать место грубоватому, насмешливому кантри. С первого места в хит-параде Мистер Голос слетел на пятое. Но амбициозности у него не убавилось. На-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

против — он дрался изо всех сил, не желая отступать и соглашаться с очевидным. Враги и недоброжелатели, накопившиеся за годы триумфального взлета Синатры, получили возможность отвести душу. Этот наглец, грубиян, соблазнитель, вымогатель гонораров, этот неблагодарный тип, не умеющий ценить доброе отношение, получил свое. В 1949 году, после крупного скандала, он ушел с радио, а через полгода, когда начал качать права по условиям проведения концертов в Нью-Йорке, ему дали понять, что время капризов для Синатры прошло. Хлопнув дверью, Фрэнк отказался от столь важных для него выступлений. Потом возникли серьезные трения с MGM, не предложившей Синатре желанную роль, а другие студии, так рвавшиеся заполучить его прежде, вдруг затаились. Здесь четко держали нос по ветру: успех приманивал успех, а за неудачей следовали неудачи. Вокруг Синатры вдруг образовался вакуум. Никто не обрывал телефоны, не рвался заключать договора. В тридцать четыре года Фрэнк стал человеком прошлого, о нем говорили в прошедшем времени, на нем поставили большую точку.

Неужели все закончилось?.. Доза виски увеличилась, количество девочек тоже. Но силы и желания были уже не те. Вот сейчас эта ведьма с колдовскими глазами зажгла его кровь, поманила. Опасная штучка. Измочалит и выбросит. Ох, не нужны ему эти рискованные игры. И он сказал себе «нет».

— Когда надумаете — свистните! — Фрэнк поднялся и откланялся.

Ава от удивления приоткрыла рот, но так и не нашла, что ответить. Только смотрела, как быстро уходил по аллее невысокий, гибкий мужчина, умеющий воспламенять чувства у прощающихся с жизнью дур. Завести и сбежать! Идиотская манера! Сбежать от самой Авы Гарднер — немислимо!..

Фрэнк сбежал от искушения. До сего дня он поступал ровно наоборот: ощутив знакомый зов плоти, умело вел игру и шел до победы. Эта чертовка несла в себе опасность. Скорее добраться домой и «выплакаться» на теплом плече Нэнси. Она давно не манила его как женщина, все перегорело. Но иногда хотелось простого человеческого общения. А они, что ни говори, были старыми друзьями.

Фрэнк уже готов был нажать на газ, когда на дверцу его форда-кабриолета легла женская рука в массивном золотом браслете. Подвески покачивались, вызванивая ворожащую мелодию.

— Подвезете? — Голос губительной сирены, которому невозможно противостоять, сразил железобетонного Фрэнки. Что-то, видимо, творилось в эту ночь — какое-то странное безумие витало в воздухе, насыщало его. В губительном коктейле сочетались последнее отчаяние обреченного и страстная жажда жизни. Жизни новой, едва приоткрывшей дверь и поманившей: «Сюда, сюда, счастливчик!»

— К вашим услугам, миссис! — Он распахнул дверцу. — Куда изволите?

— К черту лысому! — Ава откинулась на мягком сиденье и закрыла глаза. — Мне, видите ли, все равно.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Фрэнк направился к своей вилле. Ехал молча, пытаюсь понять, что происходит. Привычные условия игры тут не срабатывали. Они казались ему до отвращения фальшивыми, ненужными. С таким мощным притяжением, которое исходило от Авы, сталкиваться этому искушенному женолюбу еще не приходилось.

— Мой дом. — Фрэнк притормозил у ворот. — Холостяцкая резиденция. Можешь думать все что угодно, но ничего подобного никогда ни с одной женщиной у меня не было. Я одержим тобой. Мозги набекрень, в глазах темно.

— Разумеется, эти слова ты говорил каждой. Но представляешь, какая глупость — я верю! Я верю тебе, и это тоже со мной впервые. Потому что... потому что я сама только сейчас...

Они бросились друг к другу, как первая женщина и первый мужчина, едва открывшие тайну слияния и гармонию единства...

Когда они смогли разомкнуть объятия, Ава сказала:

— Я уйду. Секса с первого взгляда у нас не выйдет. Слишком дешево и просто.

— Слишком просто... — повторил он, соглашаясь. — О, разумеется! С тобой ничего не может быть так просто. На пути к богине должны вырастать непреодолимые препятствия: огнедышащие драконы, полчища лучников, эскадрильи «мессеров», клубки ядовитых змей... Просто подняться в спальню, одним в южной ночи... Это дешево.

«Страсть жжет. Костер пылает снова...»

Следующий день — другое дело. Это уже огромная выдержка и проверка чувств. Через двадцать часов после знакомства они лежали в объятиях, размышляя о том, что с ними случилось нечто совершенно необыкновенное.

— Признайся: ты мне подсыпала какое-то зелье. Я совершенно потерял голову. Сбрендил, как последний нищий, которого короновали на царство. — Лежа на спине, Фрэнк курил черную, длинную, как карандаш, кубинскую сигару. Сухощавый и тонкий в кости, он нес в себе стойкий заряд эротической энергии, столь часто свойственный южным мужчинам субтильного телосложения.

— Нет, голову потеряла я. Я! — Она провела пальцем от его губ к пупку и далее к тому месту, где победоносно возвышался неутомимый трудяга. — А ты в самом деле рекордсмен.

— Жизнь заставила! Не смейся, она всегда заставляла меня вырываться в лидеры, быть лучше других. Так прижмет — не отвертись! — Он выпустил ароматный дым и повернулся к Аве: — А знаешь, когда ты вчера сказала, что секса с первого взгляда у нас не будет, я даже испытал тайное облегчение. Порадовался, что избавился от необходимости в очередной раз утверждаться в качестве непревзойденного любовника, соответствовать образу, в котором блистал на экране или на сцене. Что не придется пыжиться и видеть, как моя дама тоже изо всех сил пыжится, восхищаясь моей крутизной... А оказалось, что с тобой все по-другому.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Да, у нас все не так. — Ава подозрительно прищурилась: — А ведь врешь! Врешь, Мистер Голос! Говорила мне мама: мужчинам доверять нельзя!

— Мне можно! Если будешь сомневаться — задушу поцелуями. — Почти осуществив угрозу, Фрэнк оторвался от ее губ и строго произнес: — У нас с тобой все совершенно иное... иное, восхитительное и настоящее... Обрати внимание — я ни разу не выругался! Сущий лорд.

— Лорд секса. У тебя были сотни женщин. И говорят, ты предпочитал девственниц. Пф-ф! Идиотизм! Это же скучно — столько на нее время угрожаешь, такая морока, а потом еще выясняется, что ей грош цена.

— Надо мной смеялись друзья, называли это староитальянским пережитком. Но знаешь, тут все решает подход. Надо так подойти к нетронутой девочке, чтобы этот первый раз был ей в радость. И тогда — кто может сравниться с нею! Ты что? Эй, почему хмурятся эти брови? — Он осторожно провел пальцем по изогнутой бархатистой дуге.

— Жалею, что не дождалась тебя девушкой. А ведь терпела до двадцати лет! Пуританское воспитание. Умри, но не дай поцелуя без любви. Вернее — без законного брака. Но не только это меня удерживало. Я ждала единственного.

— Знаю, знаю, им оказался Микки Руни. Помню, как все покатывались со смеху над его рассказом про новобрачную в серой рубашке, застегнутой до подбородка. Конечно, он все сочинил, подлец!

— Не все. Но радости тогда мне от него было не много. Да и ему тоже. Представляешь, какое идиотство: парень совершенно не рассчитывал, что нарвется на девицу! И обалдел, конечно, — такой «подарочек»! — Ава села. — Почему жизнь все перепутала? Я же знала, я видела... В мечтах видела, что за мной приедешь ты... Даже не целовалась ни с кем.

— Любовь моя, давай все поставим на место. Просто прокрутим пленку с начала. Ты — моя прекрасная, нетронутая невеста. Я тот, кто первый раз целует эти губы. — Фрэнк склонился над ней. — Ты не представляешь, до чего хороша и желанна. Верится, что к твоему сотворению приложил руку сам Создатель. Совершенство...

— И ведь это совсем не шутка. Я родилась в Сочельник, в Рождественскую ночь двадцать второго года... Мои старики уже настрогали кучу детей и не ждали еще одного ребенка. И тут я! Все говорили матери, что это Божий подарок. Потому, наверно, бедняга так тряслась над моей честью!

— Родилась в Рождество?! Да, да — именно так! — Глаза Фрэнка, устремленные в прошлое, прищурились: «Пошлют нам радость небеса, восславим Деву и Христа...» Помню! Мне было семь, я стоял на табурете и пытался спеть для гостей Рождественский гимн. Но напел глупостей, мама заперла меня в темной кухне и велела молиться. Я смотрел в окно, на звездное небо над булочной напротив, и ждал Звезду.

— А что ты просил?

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Что просят мальчишки?.. Какую-нибудь лошадь из папье-маше или мяч для бейсбола... Шучу, детка! Я же шучу! — Повалив Аву на спину, он сел рядом и молитвенно сложил ладони: — Я просил послать мне тебя.

«Тебя искал, плутая в лабиринте соблазнов и страстей...»

Через двадцать восемь лет после той памятной рождественской ночи небеса послали Фрэнку Аву. На радость или горе? Как это всегда бывает с очень крупными подарками, однозначно ответить трудно. Но кое-что можно сказать с уверенностью: Фрэнки заполучил уникальной красоты женщину. И огромную головную боль.

Многие считали Аву Гарднер самой красивой звездой, которая когда-либо сияла на голливудском небосклоне. Другие пошли еще дальше — в пятидесятые годы один журнал назвал ее «самым прекрасным животным на Земле». В ее честь переименовали остров в архипелаге Фиджи, а правнук Чарльза Дарвина величал Аву Гарднер «самым совершенным экземпляром человеческой породы». И он не преувеличивал. В длинной веренице красавиц — Ава самая красивая, а среди кинодив — самая искусительная и опасная.

Казалось бы, когда встречаются две столь исключительных особи, свершается некая высшая справедливость: лучшему — лучшее. Но ошибка заключается в том, что понятие «самая красивая женщина» не означает «самая подходящая». А масштабы личнос-

ти выдающегося мужчины не гарантируют того, что он окажется «тем самым, единственным». Но разве поймешь это сразу, когда радость обладания захлестывает все доводы разума. Да и к чему разум опьяненному любовью?

Мечта наконец сбылась — Ава встретила мужчину своей мечты.

«Не будь дурой, он разобьет тебе сердце», — хором увещевали ее те, кто неплохо знал Синатру. Фрэнк считался первостатейным голливудским сердцеедом, и никто не верил, что он добровольно откажется от этого титула. — «В жизни я хочу испытать все, пока еще молод и крепок, — сказал он, когда перешел от меня к дальнейшему исследованию голливудской «конюшни». — Чтобы потом не пришлось жалеть — мол, того не успел, этого не попробовал...» Стервец! — Узнав о новом романе Авы, Лана Тернер припомнила все грехи бывшего любовника.

— А у нас с тобой, скажешь, другой подход? Мы не торопимся ухватить самое лучшее? Не морочь голову, подруга.

— Кроме всего прочего, этот сукин сын просто не умеет любить! Хам и скотина, — не унималась Лана, глядя на преобразившуюся Аву.

А та... пела!

— «Тебя обнять — и умереть... О миг один, как сладкий сон...» — мурлыкала она песенку Фрэнка. — Тебя он любить не умел, а меня очень даже умеет! Хамства же и у меня хватает — не из графьев, чай.

— Три дня этот паршивец, несомненно, продержится. Знаешь его знаменитый прием? Проводит

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

ночь с молоденькой свеженькой девочкой, обедает с нею пару раз в ресторане, дарит дорогой подарок и быстренько, самым дружеским образом, чтобы не обидеть, расстается!

— Чудо как элегантно! А ты говоришь: «сукин сын»! Совершенно джентльменское поведение. Как я тебе? — Ава приняла эффектную позу, демонстрируя новый костюм — обтягивающие брючки из тонкой рыжей замши и роскошную белую капроновую блузку с воротником «апаш» и широкими воздушными рукавами. — Мы едем веселиться!

Брюки, натянутые как перчатки, подчеркивали все тайные изгибы совершенной фигуры, а сквозь полупрозрачную ткань блузки светило горячее тело. Гвоздем туалета были сапожки — длинные и узкие, на металлических каблучках.

— Прихвати пистолет, чтобы отстреливаться от возбужденных жеребцов, — фыркнула Лана.

— Отстреливаться будет мой герой.

**«Мы оба сорвались с цепи.
Нет — съехали с катушек!»**

— Ты совершенно сумасшедший! Мамочки! А-а-а! — На резком повороте взвизгнули тормоза. Хохоча, Ава навалилась на его плечо. — Мы задавим этих гусынь с фруктами!

Он поддал газу, распугав шарahnувшихся в стороны лоточников у набережной. Посыпались апельсины из опрокинутых корзин, краснолицые тетки с визгом бросились врассыпную.

— Сумасшедшая ты! Зачем я тебе? Я женат. У меня плохая репутация. На моей карьере поставили крест! — кричал он, вписываясь в крутые повороты на серпантине идущего вдоль побережья шоссе. — Я никому не нужен!

— Врешь! Все врешь! «Ты парень из Нью-Йорка...» — завопила она припев его шлягера.

— «Лихой ковбой из бара «Какаду!» — присоединил он фразу из другой песни. — А это? «Танцуй и пой...» Помнишь?

— «Танцуй, и сердце разорвется... Пусть я умру, но только не сейчас...»

— «А пуля дура настигнет нас...» — Отдав руль Аве, Фрэнк приподнялся на ходу. Необъятные холщовые белые брюки на широченных коричневых подтяжках, револьвер в руке — он был похож на лихого бандюгу.

— Ты мой Клайд, а я твоя Бони! Пали в копов! — хохотала Ава, вспоминая знаменитую историю влюбленных грабителей.

— «Мое сердце разбито! Слезы льются рекой... Я зарежу любого, лишь шепни мне: ты мой...» — Он разрядил револьвер в проносящиеся мимо агавы — сочные и наглые.

Они вопили как ненормальные, мешая обрывки песен, срывая поцелуи с огненных от виски губ. Ава умудрялась прильнуть к горлышку и, отхлебнув глоток, поделиться им с Фрэнком — изо рта в рот. Благо, напиток был смешан с содовой.

— Дай мне стрельнуть! — Зажмурившись, Ава пальнула в воздух. Грохнуло, со звоном посыпалось стекло. — Жуть, кажется, я попала в витрину.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Хуже... — Фрэнк резко затормозил у тротуара. Лежавший на асфальте человек корчился и визжал, что его убили. Он оказался изрядно пьян и испуган. Витрину же пошивочного ателье разбил камень, отлетевший рикошетом из-под колеса.

— Ничего с этим бугаем не будет. Дай ему денег, и пусть заткнется. — Ава подтянула голенища сапожек. — Ты, конечно, настоящий раздолбай. Но главное — с тобой весело!..

Подробности их прогулки немедленно облетели все газеты. Были даже фото, а комментарии сражались наповал. «Безумная парочка Синатра и Гарднер устроила ковбойские игры в окрестностях Палм-Спрингса. Они носились в кабриолете певца, распевая песни и паля из револьвера!» «Синатра разбил витрину, ранил прохожего и оказался за решеткой». «Синатру, заплатившего штраф, выпустили. Травма пострадавшего оказалась незначительной». «Развратница Гарднер демонстративно шокирует общественную мораль, разрушая семью Синатры!»

Они валялись на ковре в гостиной холостяцкого дома Фрэнка, перебирая газеты, и хохотали. Рядом на подносе стояли блюда, доставленные из итальянского ресторана: лазанья, сыр, фаршированные помидоры, шампанское в ведерке со льдом, виски. Несколько бутылок с вином выстроились на шкафу. Они жевали, целовались, запивали еду и поцелуи вином и набрасывались друг на друга, как оголодавшие после долгой разлуки любовники. Подпевали во всю мощь Элле Фицджеральд, испускавшей немислимые рулады с

любимой пластинки Фрэнка, снова пили и целовались как одержимые. Называлась такая трапеза, совмещенная с любовными утехами, «пикничком».

— Идиоты! — Ава облизала алые от кетчупа пальцы и отшвырнула газету. — Здесь никто не умеет веселиться по-настоящему. Только делают вид. Здесь все боятся показаться смешными или недостаточно аристократичными. А знаешь, что я отвечала, когда умник Арти Шоу спрашивал меня о каких-то там методах Джойса? — Крепкие зубы Авы впились в ломоть сыра с темным итальянским хлебом, присыпанным зернами укропа и кориандра. — Ха! Я просто посылала его в задницу!

— Не могу вообразить... Нет, каким надо быть мудаком, чтобы позволить себе роскошь упустить тебя! — Фрэнк поставил на живот горшочек с лазаньей. — Почти остыла. Лучше бы заказали пиццу.

— Именно! Полные мудаки. Говард Хьюз вообще сумасшедший. Гениальный сумасшедший. Он даже боялся мыться. Не то что ты — по четыре раза в душ бегаешь. И торчишь там по часу.

— Это все Долли! Я был жуткий грязнуля, а матушка упорно следила за гигиеной. Медработник! — Пытаясь дотянуться ложкой до рта, он опрокинул еду на грудь. — Теперь уж точно — в душ!

— Погоди, я ухвачу аппетитный кусочек... — Ава с упоением лакомилась лазаньей с груди Фрэнка. Оба вымазались в жирном помидорном соусе и, не разжимая объятий, побрели в душ.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Освеженные и утомленные любовью под струями, они снова слушали Эллу Фицджеральд. Ава подпева-ла: «В мыслях о тебе я забываю, что надо дышать...» Фрэнк подтягивал: «Я забываю, как стучит мое сердце... Только ты!..» Они горланили во всю мощь. И как чудесно, как мощно, гибко и одухотворенно звучал голос Фрэнка! Не стесняясь садовника, обре-завшего кусты у бассейна, Ава вышла на террасу, раскинула руки, словно желая обнять весь мир: буй-ную зелень парка, песчаные дюны, синюю гладь оке-ана и раскричавшихся над ней чаек. Нагая? Разве статую богини можно обвинить в бесстыдстве?

А их обвиняли наперебой. Еще бы — так попи-рать условности на глазах у всего Голливуда персо-ны их масштаба еще не осмеливались. А эта чертов-ка — распутница, разрушительница семьи даже не стеснялась появляться с многодетным отцом в люд-ных местах: в ресторанах, на концертах. Причем вела себя так, словно являлась единственной и за-конной женой Фрэнка.

За парой всегда следовала стая журналистов, охотящихся за очередной сенсацией: вот Аву освис-тали в концертном зале, вот Фрэнк съездил по фи-зиономии особо шустрому репортеру. Скандал! Грандиозный скандал!

— Фрэнки, пора нам пожениться и заткнуть им глотки! — Ава едва не плакала над злющей стать-ей. — Так больше невозможно. Они набросились, как стая гиен! — Слезы закапали на бумагу.

— Да, радость моя, да... — Он сник. — Мне только страшно жалко Нэнси и ребят. Знаешь, она славная женщина, верный друг.

— Так пусть посторонится. Это все равно лишь иллюзия брака. Ты же не спишь с ней. Пусть дает развод, если в самом деле желает тебе добра. Хочешь, я сама поговорю с ней?

— О нет, милая... Здесь много нюансов. Мы итальянские католики, развод — сложная процедура.

— Не сложнее жизни. И скажи мне спасибо, что я не выскочила замуж за какого-нибудь иранского шейха или очередного здешнего идиота. А ведь Хьюз и этот болван Дафф чуть не каждый день тянули меня под венец. На этот раз я сама тяну тебя. — Повиснув на шее Фрэнка, Ава соскользнула вместе с ним на пол, застеленный поверх ковра шкурой ламы. В жару здесь гулял сквознячок, остужая разгоряченные любовью тела. А звериный мех напоминал о дикости нравов и первозданных страстях.

**«Любовь умеет стариться.
Любовь умеет становиться раной»**

— Пожалуйста, родная, не плачь! — Фрэнк положил руку на плечо Нэнси и содрогнулся от того, что, возможно, делает это в последний раз.

— Не называй меня так! Ты хочешь разрушить семью. Тебе плевать на детей. На то, что мы и в самом деле стали родными... Ты все хочешь погубить ради этой... Ради шлюхи, шлюхи! Почитай, что про нее пишут! Не пропускает ни одного смазливого парня. А уж к тореро имеет особую страсть. Потаскуха!

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Перестань, ты говоришь глупости! И не надо так кричать, мы разбудим детей.

— Ну и пусть! Я сейчас приведу их сюда и скажу, что отец бросает их. Что они станут сиротами...

— Нэнси, умоляю тебя... — Он ужасно страдал. И мысль, что происходит нечто нелепое, что он затевает несказанную глупость, брезжила в глубине сознания. Нет, это было не сожаление, скорее жалость и стыд. А еще... Черт побери, он же любит их — жену и детей! Ну почему нельзя иметь двоих жен? Почему надо разрушить данную Нэнси перед Богом клятву?

Закрыв лицо руками, он рухнул в кресло:

— Вы ни в чем не будете нуждаться. Я позабочусь о вас. Я... Поверь, мне очень жаль...

— Я не отпускаю тебя, так и знай. Никакого развода! — твердо сказала Нэнси. — Не ради себя — ты больше не будешь мне мужем. Ради детей. И ради тебя самого — эта чертовка погубит тебя. Я же вижу! Я вижу ее насквозь, Фрэнк! Хочешь, я поговорю с ней? Если тебе так уж надо — живите вместе. Но развода ты не получишь!

«Час пробил — и судьбы свершился приговор»

Они были во многом похожи — открытые, веселые, бурлящие энергией. Дебоширы, сквернословы, легко вспыхивающие, легко переходящие от бурного скандала к не менее бурным объятиям. Яркие, заметные, знаменитые, пренебрегающие условностями. Какой подарок для желтой прессы!

Словно подбрасывая поленья в пожар скандала, любовники отправились отдыхать в Мексику. Об этом трезвонили все газеты. Можно было не сомневаться, что уже в аэропорту возвращавшуюся из путешествия парочку поджидали репортеры.

В самолете, летевшем в Лос-Анджелес, они старались не привлекать внимания. На Аве были черные очки и шелковый шарф, скрывающий волосы, Фрэнк натянул каскетку и скромную куртку коммивояжера. Уткнувшись в журналы, они переговаривались сквозь зубы.

— А я рад, что мы возвращаемся. К чертям эту Мексику. — Фрэнк не мог забыть, как неистовствовала Ава на корриде. Совершенная девчонка, способная целиком отдаться зрелищу. Вскикивала на сиденье, размахивала в воздухе пиджаком Фрэнка и чуть не бросила его на арену, под ноги победившему тореро.

— Мне кажется, в другой жизни я была тореро... Это сильнее, чем сниматься в кино. И даже круче, чем трахаться. — Она задумалась. — Нет, с тобой лучше, чем с быком. Я имею в виду — чем сражаться с быком. И... потом, когда ты поешь... коррида не идет ни в какое сравнение.

— Слава богу! У меня есть шанс задержаться при твоей персоне. Нужно только все время петь и заниматься любовью. Лучше одновременно.

— И еще — молотить журналюг! Думаешь, они не пронюхали, что мы возвращаемся раньше?

— Откуда им знать? Мы ж это решили в последний момент, из отеля смотались втихаря... — Фрэнк поднял воротник куртки и поглубже натянул

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

касбетку. — Разве это Мистер Голос? Это какой-то прощельяга, подцепивший мексиканочку.

В аэропорту Лос-Анджелеса одиозную пару уже поджидали газетчики. Вспышки блицев ослепили, камеры лезли прямо в лицо, вопросы звучали оскорбительно.

— Сними очки, красотка! Интересно, ты способна краснеть? — крикнул самый наглый и даже протянул руку к Аве, видимо, намереваясь исполнить свое пожелание.

Ударом в челюсть Фрэнк свалил газетчика.

— В следующий раз я убью тебя, сукин сын! — пригрозил он, усмиряя охватившую его гневную дрожь. Молотить и молотить подлеца, как он всегда поступал с такими. Кулаки чешутся. Увы, надо сохранять благоразумие. Обняв Аву, Фрэнк быстро пошел к машине.

Происшествие конечно же было всесторонне освещено газетами уже на следующее утро. А днем виновников скандала вызвал к себе на ковер Луис Майер.

— Я могу сегодня же выгнать вас обоих за нарушение контракта! Вы затеваете скандалы, унижающие достоинство работников студии! — Лев бушевал.

Но Фрэнка напугать было непросто. Он небрежно закурил, медленно сквозь дым ответил:

— Мистер Майер, я, конечно, могу расторгнуть с вами контракт. Я, а не вы. Понимаете? Потому что именно я являюсь источником ваших доходов. Если хотите, я доставлю вам это удовольствие и перейду

к конкурентам. «Парамаунт» давно ждет моего согласия.

— Знаю, знаю, знаю! — Лев вскочил и заметался по кабинету. Его выразительная еврейская жестикация не уступала итальянской. — Да, мы ценим наше сотрудничество с величайшим певцом современности. Да, мы уважаем вашу индивидуальность, вашу экспрессивность... Но... Но я не собираюсь терпеть оскорбления от кого бы то ни было. Даже от дамы, которая, между прочим, многим мне обязана.

— А я молчу, господин Майер. Но и вы должны понять — у нас не заурядный флирт. — Ава смело смотрела на Льва. — Не грязная история, которую надо прятать от посторонних глаз. У нас семья!

— Но мистер Синатра, как мне известно, женат! И скандалы, сопровождающие ваш роман или как его там назвать, не идут на пользу студии. Мисс Гарднер предстоит сняться по контракту в прекрасных фильмах. Наконец-то ее карьера как актрисы достигла высоты. Вы, мистер Синатра, хотите разрушить мечты и чаяния любимой женщины?

— Ава должна сниматься. — Фрэнк опустил голову. Последний аргумент Майера сразил его. Он не выносил угроз и намеков на расторжения контрактов — киностудий в Америке полно, а Синатра один. Но Лев прав: сейчас не время меряться амбициями.

— Если вы это понимаете, Фрэнк, — Майер явно смягчился, — то должны понять и то, что у вас не большой выбор: или вы прекращаете демонстрировать свои аморальные отношения с мисс Гарднер...

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

или превращаете их в моральные. Посредством законного брака, естественно.

— Я уже говорил с женой. Она упорно отказывается дать развод. Думаю, это дело времени.

— Поговорите еще раз. Скажите, что в противном случае потеряете работу.

— Но это же смешно! Синатра — безработный!

— Вот и посмейтесь вместе. А пока мисс Гарднер стоит посетить, скажем, Испанию. В связи со съемками нового фильма. Вам хватит двух недель, Фрэнк, чтобы уладить семейные дела? Думаю, это в ваших интересах.

— Брак с Авой — мое главное желание.

— Тогда раскрою карты, — Майер облегченно вздохнул. — Мы имеем прекрасный сценарий, написанный специально для мисс Гарднер. Съемки должны проходить на натуре. Я предлагаю мисс Гарднер выехать на осмотр природы с нашим лучшим художником Рэем Готсбери. Думаю, даме лучше путешествовать с мужчиной, тем более мужчиной столь безупречной репутации.

«Как ветрены красотки! Но только не моя»

Пятидесятилетний англичанин Рэй Готсбери имел блестящую профессиональную характеристику: один «Оскар», несколько номинаций, работа в команде Хьюза над «Ангелами ада». Тогда он был изящным молодым человеком, и поговаривали, что Говард, отличавшийся бисексуальностью, сумел найти отклик в сердце застенчивого англичанина.

Во всяком случае, репутации Авы, путешествующей в компании Готсбери, ничто не грозило. Кроме того, Рэй был приятным человеком и интересным собеседником.

Они прокатились по Испании на арендованном студией джипе, выбирая живописные места.

Мадрид, Севилья, Малага — благословенный край! Все хотелось снимать, хотелось жить в белом домике под плоской крышей, гонять на базар ослика, нагруженного корзинами с красным перцем и косицами лилового лука. Аву не оставляла мысль, что вот она — ее настоящая жизнь. А голливудский зоопарк, в который ее занесло какой-то причудой судьбы, ошибка.

Они остановились в Марбелье. Защищенное горами от холодных ветров, с мягким субтропическим климатом, это место постепенно становилось самым шикарным аристократическим районом Средиземноморского побережья. Хижины рыбаков превращались в модные рестораны, бары и антикварные салоны. У причалов стояли роскошные яхты. Вскоре Марбелье облюбуют для отдыха арабские шейхи, мировые звезды, члены королевских семей. А в пятидесятом году все еще только начиналось, и эта местность сохраняла первобытную прелесть.

Мисс Гарднер и ее спутник заняли бунгало с двумя выходами на пляж.

Ава расцветала от близости к земле, крестьянскому быту. Рэй любовался ею, осознавая, что ему выпало редкое эстетическое наслаждение — созерцать это совершенное человеческое существо

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

на фоне восхитительных пейзажей. Сбросив туфли, Ава бегала по теплой дорожной пыли или мягкой траве у ручья, как жеребенок, вырвавшийся на волю.

Рэй все больше и больше хмурился:

— Детка, вас преступно мало снимают. И вы преступно мало занимаетесь профессией. Я читал сценарий фильма, из-за которого мы здесь. Ваша героиня — испанка и танцовщица варьете! У вас есть шанс научиться танцевать фламенко! Это будет незабываемое зрелище.

— Настоящему фламенко надо учиться с детства. — Ава рухнула в шезлонг рядом с Реем и подставила лицо солнцу.

— Но можно отрепетировать несколько эффектных па и смонтировать с танцем дублерши.

— Зачем? Я и так буду выглядеть неплохо. — Она потрянула головой, освобождая скрученные волосы, и они рассыпались роскошной гривой.

— Да... Эта беда совершенства. Нет надобности стремиться к лучшему. А знаете, мне довелось работать с Дитрих — вот это потрясающий трудоголик и перфекционист! Она добивалась, чтобы каждый кадр с ее участием был шедевром. Ведь молодость и красота проходят, а наши целлулоидные «памятники» останутся навечно.

— Марлен — скучная особа. Обожает наставления, похожа на училку. Все старалась внушить мне, что стоящего мужчину надо держать богатством своей природы. — Ава рассмеялась под восхищенным взглядом художника и кокетливо продолжила: — Скажите, Рэй, мне непременно необходимо читать

Джойса и Толстого, чтобы быть интересной для мужчин?

— У вас иная сила, дорогая. Сила природной фонтанирующей энергии, готовой растратить себя на все что угодно, даже на пустыки. Как у моря, цветка, водопада...

— И не забудьте главное: я склонна к безумствам... — В глазах Авы заплясали чертики. С этим гомиком можно не бояться быть соблазнительной.

— О, это самая сложная материя. Для безумств — ярких, талантливых безумств — надо иметь дар. Хулиганство, эпатаж и умение наслаждаться жизнью с полной телесной самоотдачей, наслаждаться красиво, самозабвенно — разные вещи.

— Вот я и собираюсь наслаждаться телесно. Вы, Рэй, как раз посмотрите, что такое — настоящее безумство! Дело в том, что мы завтра идем на корриду! Она бывает только по воскресеньям.

— Бой быков... — Рэй нахмурился. — Действо кровавое и одновременно завораживающее своим трагизмом. Здесь в каждом городке есть специальная арена — кровожадный народ. Да, без этого зрелища трудно себе представить Испанию.

— Уже объявлено, что коррида будет сопровождаться конной фиестой! Это когда на праздник съезжаются множество всадников, красное вино льется рекой и все танцуют фламенко! Вот и побуйствуем. Я купила настоящий испанский костюм — широченная юбка, бархатный корсаж и обалденная блузка... А в волосах — гребень и

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

алая роза... Как вы думаете, я могу сойти за испанку?

— По темпераменту и внешности — несомненно. — Рэй опустил веки и мысленно попросил небесные силы присмирить эту так и рвущуюся к приключениям чертовку.

В новом наряде, с коралловой нитью на стройной шее и алой розой в распущенных волосах, Ава сидела в первом ряду рядом с Рэем. Амфитеатр, заставленный деревянными скамьями, был полон. Где-то совсем близко слышался рев быков и лошадиное ржанье. На американцев заглядывались. В Испании красивые женщины не редкость, они как вспышки выделялись из общей массы смуглых, низкорослых синьор и синьорит. Но в этой женщине был некий особый магнетизм — вихрь раскованности, свободы, уверенности в себе.

Недаром знаменитый тореро Марио Кабре высмотрел в вопящей толпе Аву и жестом показал, что именно ей посвящает быка — удар пришелся точно в шейную артерию. Кровь брызнула струей, Рэй закрыл лицо руками и прошептал:

— Пойдемте, пойдемте отсюда! На это невозможно смотреть!

Но Ава и не думала уходить — по правилам корриды она достала из волос розу и бросила ее Марио. Поймав цветок, он грациозно изогнулся в поклоне.

Фиеста обрушилась лавиной веселья, похмельной удали, громом музыки и горячими плясками. На центральной площади играл оркестр, за столами, вынесенными из ресторанчиков, пировали лю-

ди, нарядная толпа лихо танцевала на древней бру-счатке. Вспрыгнув на табурет, Ава пританцовывала, вздымая юбки. Внезапно из переулка выскочили всадники. Толпа расступилась и, узнав героев корриды, завизжала от восторга. Главный всадник — в сапожках со шпорами и костюме гаучо, резко остановился прямо перед Авой, поднял лошадь на дыбы. Она вскрикнула и тут же узнала Марио — того самого тореро. Жестом почтенным, старинным и торжественным, он приложил ладонь к розе, приколотой к его белой рубашке на уровне сердца.

— Синьорита позволит показать ей праздник? — спросил тореро на хорошем английском.

— С величайшей радостью!

Рэй даже не заметил, как это произошло: подхватив Аву, Марио посадил ее впереди себя.

— Идите домой, Рэй! Я скоро вернусь! — крикнула она растерявшемуся художнику уже на скаку, растворяясь в музыке, дивных запахах жареного мяса и лошадиного пота.

«И с алой розой в волосах она шагнула в ночь...»

И что ему было делать? Ава вернулась под утро, Рэй, прождавший всю ночь, вздохнул с облегчением и погасил лампу в своей комнате.

Она рухнула на кровать, переполненная радостью, терпким вином, восторгом праздника — простого и страстного, как все на этой согретой солнцем земле.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

За поздним завтраком Рэй, едва сдерживая раздражение, поинтересовался, глянув из-за листа газеты:

— Было интересно?

— Я танцевала фламенко на столе, и все были в восторге! Местные не очень-то знают английский, но Марио жил в Америке — он никакой не дикарь... — Продолжая тараторить и жадно поедать салат с сыром, она вытащила из кармана и бросила на расписное блюдо четки. — Его подарок, настоящие гранаты.

— Здесь пишут, что MGM запускает новый фильм с Гарднер...

— Глупости! — Ава набросилась на тонкие ломтики копченой грудинки. — Марио — чудо! Он знает все! Про историю Испании, про камни, про художников! Он знаком с Сальвадором Дали и Пикассо. Ничуть не глупее Арти и, между прочим, без ума от меня!

«Плохая из меня дуэнья», — подумал Рэй и взмолился, чтобы их вояж поскорее завершился.

От назначенного Майером срока «командировки» оставалась еще неделя. Не было никакой надежды увезти Аву в другой город. Она словно попала в иное измерение, близкое ее натуре. Ночами Марио Кабре пел серенады под окнами бунгало, а голливудская дива сидела на подоконнике и подпевала, быстро освоив испанские слова. Потом в ход пошли стихи, которые интеллектуальный тореро сочинял специально для нее. Похваставшись новым посланием, Ава прятала листок за корсаж. Но хуже всего было то, что она стала пропадать вечерами и

возвращалась засветло. Наконец Рэй прочел в газете, что у знаменитой голливудской звезды роман с известным тореро, посвящающим ей серенады и сраженных быков.

— Это что еще за бредни? — Фрэнк смотрел на подчеркнутую Майером статью: «Ава Гарднер покорена Испанией! И испанцем!»

— Это означает, что ты должен немедленно забрать ее оттуда и жениться. Вот уж морока с этими горячими девчонками — что Лана, что Ава! Я частенько чувствую себя хозяином пансиона для трудных девиц. Или, скорее, исправительной колонии...

Фрэнк ни на минуту не подумал о возможной измене любимой женщины. А то, что в нее влюбляются без памяти, — так этого тореро можно понять.

Он приобрел шикарное кольцо, изящно составленное из изумрудов и бриллиантов, и вылетел в Испанию. Издали увидав Фрэнка, выходящего из машины, Ава с визгом бросилась ему на шею.

Ночью они слушали прибор в раскрытую дверь бунгало и наслаждались одиночеством — Рэй, вздохнув с облегчением, поспешил вернуться в Америку. В черных зарослях порхали светлячки, пахло водорослями и сладкими ночными цветами, белевшими у веранды. На обнаженном теле Авы сверкало подаренное Фрэнком кольцо.

— Милый, ты всегда так щедр с женщинами? Мне говорили, что ни одну ты не оставил без подарка.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Главное, я каждую из них оставил с иллюзией, что она едва не свела с ума знаменитого Фрэнка Синатру.

— Какой же ты кобелина, радость моя! Учти, со шлюхами покончено!

— Фи, детка, какие шлюхи? Я выбирал в основном славных девушек. Только по молодости или уж по сильной пьянке мог оказаться в постели с совершенно незнакомой особой.

— Вот я и говорю — со шлюхами!

— Шлюха — это работа. Среди них много хороших девчонок. Вот кого я не выносил, так это тертых, расчетливых «леди», проделывающих в постели разученные трюки и ждущих той минуты, когда смогут раззвонить по всем знакомым: я дала знаменитому Синатре. — Фрэнк поднялся и закурил. — И не забудут добавить, что видали любовников и получше.

— Бедненький мой! И не представляла, как вам, знаменитым мужикам, трудно приходится. — Пальцами на ногах Ава погладила его спину. Фрэнк замурылкал от удовольствия.

— Не останавливайся, потрясающий кайф... О...

— Нет, после! — Ава села. — Ты обещал рассказать смешное.

— Смешное? — Фрэнк задумался. — Знаешь, что меня больше всего ошеломляло? Ну, просто валило с ног! Покладистые мужья. Да, да! Они чуть ли в глаза мне не говорили, что прощают своих неверных жен, поскольку даже самая святая женщина не устоит перед таким великим человеком, как Фрэнк Синатра! Тут я уж совершенно балдел!

— И чего тут смешного? Учти, со всем этим покончено навсегда! Навсегда — понял? — Она приоблизила к нему лицо, сверкая в темноте колдовскими глазами. — Ты только мой!

«Околдован тобой, завоеван тобой. Окольцован тобой, моя дерзкая леди»

Нэнси дала согласие на развод. Но формальности требовали времени. Фрэнк и Ава решили, что церемония бракосочетания будет самой скромной. Пышные действия голливудских свадеб еще не вошли в моду, да им и следовало вести себя в сложившейся ситуации как можно тише.

— Я давно потеряла родителей, а единственная сестра, с которой мы дружили, поверила всякой газетной грязи и разорвала со мной отношения. — Признание Авы звучало с королевским достоинством. — Ты берешь в жены сироту.

Фрэнк опустил голову:

— Я был бы рад сказать, что моя семья станет твоею и мои родители назовут тебя дочерью. Но... — он покачал головой. — Мои старики никогда не примут женщину, ради которой я бросил детей и Нэнси.

— Вот беда-то! Нам же спокойнее будет! Знаю я этих везде лезущих мамаш знаменитостей. Советами задолбают, будто во всем, что случилось с их детьми, исключительно их заслуга!

— Если честно, у меня отличные старики.

— А у меня будет обалденное платье! Чтобы раздеть меня, тебе придется нанимать помощников.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Милая, уж тут-то я не спасую, даже если платье придется распускать по ниточке.

7 ноября 1951 года в Филадельфии, через семьдесят два часа после получения развода, в присутствии близких друзей состоялась гражданская церемония бракосочетания Синатры и Гарднер, а затем — венчание в католическом соборе. Родственников ни с той, ни с другой стороны не было.

Фрэнк преподнес Аве палантин из голубой норки с сапфировыми застежками, она ему — золотой медальон со своим портретом. Ава усмехнулась про себя: ее первый муж и последний сочли лучшим подарком новобрачной серебристую норку. Пожалуй, в подарке Фрэнка больше изысканности, застежки из сапфира — это очень мило.

Избегая встреч с репортерами, молодожены покинули город столь стремительно, что Ава забыла свой чемодан со свадебным подарком. Дождаться багаж пришлось во Флориде. Им меньше всего хотелось давать интервью прессе. Они сбежали на пустынный пляж Майями.

Ноябрь — мрачное время даже для пышущего солнцем побережья. Тучи обложили небосвод, хмуро перекачивал седые волны свинцовый океан, пронзительный ветер трепал кусты дрока на горбатых дюнах.

Ава завернулась в широкое шерстяное пончо, Фрэнк застегнул до верху пальто, замотал вокруг горла шарф. Обнял Аву, прижал к себе и здесь, на ветру, перед серым океаном, в безмолвном присутствии песчаных дюн, осознал особенно ясно, что

произошло сегодня в прохладном гулком соборе. Две человеческие судьбы соединились по-настоящему — для долгожданного единства, для неразделимой ответственности за отвоеванную общность. Она, эта теплая юная женщина, стала его — его от макушки до кончиков пальцев, от рождения и до последнего дня. От осознания этого у Фрэнка даже защемило в груди.

Не разжимая объятий, они присели на сухую корягу, отполированную волнами.

— Тебе не холодно? — концом длинного шарфа Фрэнк окутал шею Авы.

— Теперь у нас общая шея. — Она задышала ему в щеку. — И мне ничего не страшно. Даже если зажмуриться и представить самое ужасное... Когда я была девчонкой, мы убежали в чужой овраг искать волшебные круглые голыши и там заблудились. Было очень холодно. Мы — я, мои братья и старшая сестра, знали, конечно, что нас найдут, но начало темнеть, а за нами никто не приходил... Было так жутко! Потом мы забирались туда нарочно, воображали темную ночь и всяческих чудищ... А Билли Длинный учил нас ругательствам! Его отец вернулся из тюрьмы и знал много такого!

— Ну уж виртуозней нашего красавчика Бено в Хобокене никто не выражался... Хобокен — дыра, настоящая сточная канава.

— Я тоже не из дворца. Всякое повидала. — Ава всхлипнула, вспомнив, как таскала ее за косы ма-тушка. — Мне даже в кино запрещали бегать. Но я все равно удирала.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Рассказывай все! — Глядя ее волосы, Фрэнк прижал голову жены к своему плечу. — Сиди спокойно и рассказывай. Я же ничего не знаю. Мне совершенно необходимо знать, какой ты была в детстве — веселой или букой, заводилой или тихоней, гоняла с мальчишками или играла в куклы?

— Я была... Конечно же не тихоней. С мальчишками было интересней. Мы облазили все сараи и гаражи, овраги и сеновалы. У меня вечно были обгрызены ногти и разбиты коленки.

— К тебе, конечно, приставали все дворовые герои.

— С ума сошел! Кто бы посмел? Я сильная и дралась не хуже пацанов.

— И никто не влюбился в маленькую фею?

— Фею? Ха! Я была неряхой и оборванкой. Всегда растрепанная — мои волосы никакие шпильки не могли удержать. И босая! Ненавидела обувь. Потому что донашивала ботинки за старшими. Это было так безобразно. А принц мог приехать каждую минуту! В розовом кадиллаке! Да, ты должен был явиться именно так — на закате, когда солнце делает мир волшебным. Длиннющая розовая машина и в ней — мой герой, весь в золотом!

— Наверное поэтому во мне живет неистребимая жажда надеть когда-нибудь золотой фрак. Увы, это смешно даже для мюзикла.

— Да что они понимают, эти режиссеры? Иногда умудряются снять хорошенькую актрису такой уродиной!

— С тобой это сделать невозможно. О, детка! — Фрэнк покрыв ее щеку поцелуями. — Даже страш-

но, что все это принадлежит мне. Я хочу целовать твои коленки, жаль, что ссадины зажили. Просто умираю от нежности... Нежность — самое эротическое чувство.

Ава промолчала, но Фрэнк заметил, как удивленно глянули на него зеленые глаза.

Она плохо знала, что такое нежность. Но что такое ревность — понимала прекрасно. Особенно, когда ждала измены. А уж от Синатры подлянку можно было ожидать практически каждую секунду. Вот — нате вам! Повернулся спиной к жене и болтает с барменшей. Через два часа после свадьбы! А та хохочет, заливается! С ума сойти можно! Хорошенькое начало!

— Эй, Синатра, ты забыл про меня?! — Ава швырнула в обернувшегося Фрэнка обручальное кольцо и убежала. Отыскав кольцо под стойкой, он догнал жену. Быстро шагая следом, он твердил одно и то же:

— Ава! Ну, как ты могла подумать! Девочка, постой! Я никого не замечаю, кроме тебя, клянусь!

— Зато они видят, какой у тебя блудливый взгляд, эти шлюхи! А ты заигрываешь с ними. Ты всегда со всеми заигрываешь! — Она ладонями размазывала текущие по щекам слезы.

— Ава! Мы муж и жена! Мы должны верить друг другу, а не желтой прессе. Дешевые журналюги вылепили из меня какой-то секс-символ — неутомимого кобеля, гонящегося за всеми юбками. И ты видишь меня их глазами... Ну посмотри на меня... Только взгляни.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Я... я... — Бурно дыша, Ава остановилась, вплотную придвинулась к нему: — Предупреждаю, серьезно предупреждаю... Я убью тебя! Ведь я так боюсь тебя потерять!

— Успокойся, радость моя... — Он надел ей на палец кольцо, поцеловал руку и обнял. — Мы верим друг другу, правда? Супружество — это заговор двоих против всего мира. Я же клялся вчера перед алтарем, что буду с тобой в радости и в горести, в здравии и в болезни...

Она уже забыла о вспышке, бросилась к лотку мальчишки, продающего ракушки. Присев рядом, слушала шум моря: прикладывала раковины к уху и улыбалась! Глаза горели детским удивлением — эти колдовские глаза, еще мокрые от слез! А он думал: «Выиграл! Победил! Счастливейший из смертных! Самая желанная женщина для всех мужчин мира!»

Потом подруги скажут Аве, что ронять кольцо в первый день замужества — плохая примета.

«Влюбиться в королеву подстать лишь королю»

Зеленоглазая брюнетка с миндалевидным разрезом глаз и статью королевы, Ава Гарднер осталась в памяти зрителей актрисой и женщиной, олицетворяющей понятие «роскошь». Именно так — Роскошь — звали сыгранного ею аллегорического персонажа в фильме Джорджа Кьюкора по пьесе Метерлинка «Синяя птица». Сияние камней, дымка летящих вуалей, золотой блеск парчи, мерцанье

жемчугов, великолепии цветов — ослепительна, неподражаема, роскошна! Страшно прикоснуться, заговорить... да и не стоит. Фантом, призрак, мираж. Пустота...

Ключ к разгадке феномена по имени Ава Гарднер дал Федерико Феллини в 1960 году. Шикарная и экстравагантная героиня фильма «Сладкая жизнь», сыгранная Анитой Экберг, была придумана Феллини после того, как по Риму вихрем пролетела во время своих вояжей Ава Гарднер. Юная женщина с телом и лицом греческой богини, с гривой тяжелых волос, переполненная наивной детской радостью существования — плотского, полнокровного, бездумного, эгоистически прекрасного. Сильное, совершенное существо вне условностей ветшающей цивилизации, свободное от обузы размышлений, нравственных норм, она не оставляет равнодушным никого — ни простецких завсегдатаев третьегозрядного погребка, ни пресыщенного интеллектуала журналиста, которого сыграл Мastroяни. Анита — Ава в бальном черном платье с роскошными обнаженными плечами под струями фонтана Треви — символ вечной жизни вечного города, победы здоровой плоти над умиранием вырождающихся римлян, бессмертного над переходящим. Белый мяукающий котенок на голове вымокшей босой красавицы, не думающей над тем, с кем и где она проведет ночь — ее символический собрат, наивный очаровашка, вызывающий умиление, желание защитить и сберечь. Жизнь непостижима. Жизнь бесконечна. Жизнь

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

прекрасна. В это верил каждый, смотревший на экранную Аву.

Жизнь — обман. Это понимал всякий, кому довелось прикоснуться к ней.

«Я не знал, что собьет меня с ног ветер с северных гор...»

Брак Авы и Фрэнка свершился на небесах. Но небеса, как оказалось, не были расположены к этому союзу. Начались неурядицы — мелкие и покрупнее.

Развод бросил тень на кинематографическую карьеру Синатры. Повздорив с Майером, он ушел из MGM, а другие студии не торопились заключать контракт с впавшим в немилость любимчиком фортуны. Все еще были на слуху отголоски бурного развода, той шумихи, которую устроила в прессе Нэнси, жаловавшаяся на свою несчастную судьбу. Как ни странно, скандал ничуть не повредил «разлучнице» Гарднер — она прочно утвердилась в статусе кинозвезды. Женщина, сумевшая заполучить всеми желаемого мужчину, всегда победительница.

В 1951 году режиссер Жорж Сидни снял музыкальный фильм «Цветы Миссисипи» с Авой в роли благородной подружки героини — девицы экстравагантной и неправдоподобно красивой. После съемок актриса уехала в Великобританию, где начала сниматься в мелодраме «Летучий голландец». В этой мистической истории роль загадочной роковой женщины отлично подходила Аве — на экране

она казалась пришелицей из другого мира, а не существом из плоти и крови.

Быть мужем красавицы, внимания которой добиваются все, для гордеца Фрэнка стало большим испытанием. До сих пор горячему сицилийцу не приходила в голову даже мысль о том, что Нэнси способна изменить ему, что в «тылу» итальянской семьи возможно предательство. Ава же — пороховая бочка в погребе. И тыла теперь не было — сплошная линия фронта.

Слухи о ее флиртах на съемочных площадках сводили Фрэнка с ума. Он приезжал к ней, звонил каждый день, дабы получить подтверждения любви и верности. Наконец додумался до того, что представил к жене частного детектива. На душе было неспокойно.

Неудачи преследовали Фрэнка столь упорно, что было нетрудно понять: началась черная полоса. «Ага, вздумала играть против меня, судьба-индейка? Посмотрим, кто кого!» — решил он и принял вызов. Фрэнк верил, что сумеет преодолеть любое препятствие, надо лишь уметь уворачиваться и покрепче сжимать кулаки. По своему обыкновению, он не обратил внимания на очередную простуду — ведь болезни никогда не удавалось свалить его в постель. Отменить концерт? Ни за что! Наглотавшись лекарств, смягчавших горло, он будет смотреть в зал тем взглядом, от которого слабонервные теряют сознание. И петь так, как может он один — обволакивая голосом каждую тянущуюся к нему душу. Вот только бы удержаться на ногах... Это оказалось совсем не просто — от жара сильно качало. Про-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

грамму Фрэнки едва дотянул до конца. Дня три он отлеживался, но когда явился в студию на запись, пришлось переписывать материал дважды. Он старался изо всех сил, напрягая связки, чтобы завершить программу концерта. А на следующий день не мог и помыслить о пении, даже говорить приходилось с трудом.

Врачи обнаружили на связках певца узлы.

— Мы должны провести исследование, чтобы определить природу образований, — предупредил врач.

— Вот этого не надо! — оторопел Фрэнки, закипая яростью. Он еще не понял, как отразить неожиданный удар, кому двинуть в челюсть. О природе узлов он предпочитал не знать, достаточно того, что с пением покончено. Великолепный Фрэнки остался полным банкротом — принц превратился в нищего. Потеряно его главное достояние — голос. Нет голоса — нет Синатры. И ничего, ничего нельзя сделать!

Слава Фрэнка стремительно покатилась под гору. Через двенадцать лет после начала сольной карьеры, успев за это время подняться к невысказанным высотам, Синатра остался без единого контракта с кинокомпанией или звукозаписывающей студией, без договоренности с радио или телевидением. Он остался без средств, без своего главного оружия — голоса. Хуже того — он обрек на жалкое существование детей и Нэнси.

Синатра часто навещал их. Нэнси вела себя корректно, она видела, как привязаны к отцу дети, и понимала, что в финансовом отношении их настоя-

щее и будущее зависело от него. Фрэнк любил обе-ды дома, ставшие особенно радостными теперь, когда дом был потерян, вернее, оставлен жене и детям после развода.

— Нэнси, мне надо поговорить с тобой, — начал он, когда дети убежали играть в сад. — Это серьезный разговор.

— Я была уверена, что ты когда-нибудь признаешься, как несчастлив со своей игривой женошкой, и попросишься обратно. Не пущу, так и знай! — Глаза Нэнси сверкнули ненавистью. Рана, нанесенная разводом, еще не зажила.

— Давай, я сделаю это ради тебя — на коленях буду вымаливать позволения вернуться? Только чтобы ты имела удовольствие послать меня куда подальше. Извини, неудачная шутка. Я хотел поговорить о другом. Ты знаешь, как я люблю детей. Во все свои контракты я вписывал пункт об отчислении половины моих доходов в вашу пользу. Но... у меня сейчас нет доходов.

— Женошка отнимает столько времени, что пришлось бросить работу?

— Я не могу петь. Что-то случилось с горлом.

Глаза Нэнси удивленно распахнулись и быстро изобразили сочувствие, но он успел заметить мелькнувшее в них торжество. Что ж, ее можно понять. За все свои унижения она вправе желать возмездия. Фрэнк, изменник и предатель, наказан. Наверное, это принесло ей даже большее удовлетворение, чем приличные алименты.

— Надеюсь, это не надолго, — заверила Нэнси, подавляя злобное ликование.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Ты знаешь меня, я выплыву, — пообещал Фрэнк, покидая дом, в котором так хотелось остаться.

О, если бы он сам верил в свои слова... Но он потерял надежду вернуть голос, и мысль о самоубийстве стала слишком навязчивой. Только железная воля помогала Фрэнку держать себя в руках, искать выход из тупика. Выход открылся внезапно: Синатра прочел сценарий, по которому «Коламбия Пикчерз» готовилась запустить новый фильм. Фильм серьезный, трагический, а в нем роль, словно специально написанная для Фрэнка. Он отправил на переговоры с продюсером своего агента.

— Скажите Синатре, чтобы и носа не совал в мой фильм. Мне нужны актеры, а не тушканчики из мюзиклов! — заявил продюсер, давно имевший на Фрэнка зуб. Он порадовался представившейся возможности дать пощечину этому гордецу. К тому же смекнул, что случай расквитаться с Синатрой представится сейчас многим, кому тот успел насолить или перебежать дорогу.

«Поставить точку, загасить свечу — так просто, но дрожит рука»

Фрэнк лежал на диване в гостиной, тупо уставясь в потолок. Даже халат неизменного оранжевого цвета, всегда бодрящего, не поднимал настроение. Впервые в жизни он совершенно не знал, что делать со своим временем. Ава была в Лондоне. Перспектива провести время с другой девушкой не привлекала — уж лучше выпить в одиночку. Бутылка ви-

ски и вазочка, полная льда, стояли на столике... Оставалось напиться и ждать, когда она позвонит. Рассказать все ей, выплакаться, выругаться — оттаять. Наконец-то! Он нетерпеливо сорвал трубку. Сбой вызова, короткие гудки.

— Фу, черт! — Фрэнк уставился на телефон, ожидая звонка, но тот молчал. Тогда он плеснул в стакан виски и, почти не разводя содовой, вылил в себя огненную жидкость. И тут все же раздалась телефонная трель.

— Фрэнки! К тебе не прорваться... Это Санни! Санни Ларго! Слушай, старик, я здесь прочел в газете такое... — он замялся.

— Знаю, «Синатре пришел конец! Ни одна порядочная компания не хочет работать с этим зарвавшимся негодяем!» Что-то вроде того, да?

— Это правда? Они тебя бойкотируют?

— Здесь закон джунглей, старина. Если ты ранен, тебя добьют и проглотят.

— Ну и отлично! Пусть подавятся! Приезжай сюда! У нас так дело пошло! Наш оркестр уже выступал по телевидению, записывался на радио. Не слышал? С тобой мы горы свернем и всем им покажем! Эта сволота не понимает, кого потеряла.

— Санни... Эх, дружище, ты не знаешь главного... — Фрэнк отхлебнул виски: даже произносить это было трудно. — У меня пропал голос. Что-то со связками...

В трубке стало тихо, вернее, бубнили на линии далекие чужие голоса.

— Это ерунда, я точно знаю. Помнишь Шмеля? Как завывал! Потом — как-то. А после что-то в глот-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

ке отчикали — здоровехонький! Надо найти хорошего врача...

— Нашел... Только никак не решаюсь... сам знаешь, что они там могут найти.

— Ты везучий, Фрэнки, верь в это. Верь и все! Я верю железно. Знаешь что? Я приеду, и мы все сделаем вместе, хорошо?

— Дружище... Ты приедешь. Непременно. Но когда все устаканится. Я придумаю что-нибудь.

— Кино! Ты же мощный актер, Фрэнки! Помнишь про утку в штанах? Твой рассказик в «клеточном турне»? Ну, что я спрятал в штанах утку, а она клевала попкорн у дамы... Я тогда чуть сквозь землю не провалился. А зал животики надорвал. Клянусь!

— Смешно, — мрачно кивнул Фрэнк и вспомнил про понравившийся ему сценарий — вот что ему сейчас надо! Прижать бы этого ханыгу продюсера! — Кино от меня никуда не денется. Следи за афишей, Санни...

Закончив разговор с Ларго, он подумал о том, что приедет Ава и все станет хорошо. И тут же подумал другое: «Врешь. Ничего хорошего никогда не будет». словно в нем сидел злоющий, подначивающий чертенок. А как иначе? Она оставляет ему сообщение через помрежа, а если и подходит к телефону, то жутко торопится. Разве не ясно, чем так занята эта прирожденная блудница?

На полу валялись раскрытые чемоданы, пестрые холмики тряпок благоухали духами. Вернувшись со съемок, Ава раскладывала вещи. В доме Фрэнка

она еще не обжилась — все время в разъездах. Проносится вихрем — то Испания, то Великобритания, то Италия, то Мексика... Везде приемы, влюбленные глаза, пылкие речи... Голливуд и в самом деле не упустил возможности сделать из нее легенду. В 1948 году она снялась в фильме «Поцелуй Венеры», где изображала статую богини, оживленную силой любви. Позже, в пятьдесят первом, роль в ленте «Пандора» утвердила за «божественной» Гарднер звание Женщины-мечты.

В работе миссис Гарднер была в меру капризна и взбалмошна, выгодно отличаясь этим от многих звезд, создающих на площадке невыносимую обстановку. Съёмки Аву мало обременяли — она старалась не сосредоточиваться на проблемах сценария и аккуратно выполнять требования режиссера...

У Фрэнка она до сих пор чувствовала себя гостьей. Собственно, надо лишь перетащить часть одежды, расставить банки-склянки и ты — у себя!

— Это будет мое место! — Открыв дверцы, Ава перевесила вещи Фрэнка в забитый шкаф по левую сторону длинной гардеробной комнаты.

— И шкаф, и кровать — твои... Если ты еще не забыла, что мы спали вместе. — Опершись рукой о притолоку, Фрэнк стоял в дверях — в оранжевом халате и тапках на босу ногу.

— Ты что, сегодня никуда не торопишься? И почему злишься?

— Ава, я все хотел поговорить с тобой... По телефону не получалось.

— Что-то стряслось с Нэнси?

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Со мной... Мои дела плохи. Совсем плохи.

— Совсем?! Пф-ф! — Ава бросила на пол охапку его рубашек. — В чем дело? Не пугай меня!

— Дорогая... У меня пропал голос. Ну и сразу все мои контракты рухнули. Я безработный.

— А что с голосом? — Она нахмурилась, но в глубине ее глаз он заметил тот же оттенок тщательно скрываемого злорадства, который поразил его у Нэнси. Конечно, брошенная жена вправе тайно торжествовать, что вместе с ней от него ушла и удача. Но Ава? Или это только показалось? И теперь будет мерещиться всегда — фальшивые сочувствия тех, кого он обскакал или обидел. Вырвавшийся вперед всегда виноват перед всеми. Кого-то толкнул, не заметил, кому-то забыл послать поздравления, с кем-то не расплатился, а кому-то переплатил — везде обида. А главное — он первый, и это так противно осознавать дышащим в спину. Но Ава? Мечь за былые измены? Или радость за другого, более удачливого мужчину, избежавшего подлянки судьбы?

Ава вздохнула:

— Это неприятно. Но не конец света. — Она пыталась распутать змеиный клубок чулок. — Займешься лечением горла. Не думай о деньгах, ты же знаешь, я теперь достаточно зарабатываю.

— И потому полагаешь, что вправе пользоваться большей свободой? — Он схватил ее за запястье, сжав его вместе с узким браслетом.

— Больно! — Ава попыталась вырвать руку, но в захватах Фрэнк был докой. Она оказалась лицом к лицу с мужем.

— Что тебе надо? Наслушался сплетен?

— Может, мне заткнуть уши и выколоть глаза, чтобы не слышать и не читать, как на каждом углу все кому не лень треплют твоё имя?

— Перестань, не глупи. И не порть мне радость. Генри Кинг пригласил меня на роль Синтии в «Снегах Килиманджаро». Это по рассказу Хемингуэя! Настоящая роль. Мой партнер — Грегори Пек. Там такая трагическая история — он умирает в Африке на руках жены!

— Ава, ты прочла рассказ? — Фрэнк отпустил её руку. Даже сейчас он не мог устоять перед очарованием этого лица, этих глаз, вмиг потемневших, наполнившихся трагизмом африканской истории.

— Я прочла сценарий. Потрясающе грустно! Зрители будут рыдать. — Ава смотрела, как Фрэнк собирает лежащие на полу у её ног вещи. Она обняла его за плечи, снимая с них халат: — Ты что-то говорил про кровать? Не смей отвливать!

...Оставив на смятых простынях убаженного мужа, Ава скользнула в душ.

— Скоро я уезжаю в Кению в киноэкспедицию, — прозвучал оттуда её голос.

— И речи быть не может... — крикнул Фрэнк, закуривая свои любимые сигареты, выпускаемые специально для него с личной монограммой. — Я тебя не отпускаю. Я муж. — Он закашлялся от дыма и напряжения связок.

— С ума сошел? — Пытаясь перекрычать шум воды, Ава ещё бурно в чём-то убеждала его и через секунду выбежала, натягивая короткий голубой халатик. — Я еду, и никаких разговоров! И нечего да-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

вить на мою жалость своей болезнью! Ты просто не хочешь взяться за ум — бросить курить и пить! Конечно, зачем нужны концерты, если тебе важно только одно — таскаться за мной и следить, как бы я с кем не переспала!

Он замахнулся, она увернулась:

— Идиот, не бей по лицу! Я же снимаюсь! — Распахнув халат, Ава выпятила грудь. — Бей! Слабо? — И, захохотав, побежала на кухню. — Озверевший ревнивец!

В открытую дверь Фрэнк смотрел на нее. Взяв из вазы апельсин, она чистила его зубами — великолепными, как отборные жемчужины. Потом впилась в мякоть, причмокивая и слизывая потекший к локтю сок. Господи, как же он любил ее, эту чертовку!

**«Я не могу убить любовь.
Я кровью заплачу за твое «да»
в ресницах шалых»**

«Снега Килиманджаро» снимали в Кении. Режиссер Генри Кинг, согласно голливудскому формату кассового фильма, решил максимально приблизить знаменитый рассказ к развлекательному уровню — сделать трогательную историю о двух влюбленных, разлученных смертью. Красавица Синтия — Гарднер, — нежная и мужественная, проводит последние часы у постели умирающего мужа. Вдали от цивилизованного мира в африканской глуши они тщетно ждут самолет, чтобы увезти раненого Гарри, роль которого исполняет Грегори

Пек. Самолета нет, с каждой минутой тают надежды и вместе с воющими гиенами все ближе подбегает смерть...

В конце 1952 года Синатру и Гарднер ожидали сплошные празднества. В ноябре — годовщина брака, 12 декабря исполнится 37 лет Фрэнку, а в Рождество — тридцать Аве. Ну и сам Новый год! Съемочная группа готовилась к череде вечеринок. Африканская жара здесь, на плоскогорьях, смягчалась дивной чистоты воздухом. Но традиционных елок и индеек, разумеется, было не найти.

Накануне Рождества самолет ДС-5 чартерным рейсом доставил на съемочную площадку в окрестностях Найроби индеек, шампанское и Синатру. Он подарил жене роскошное бриллиантовое кольцо, за которое заплатил ее кредиткой.

Все знаменательные даты приурочили к Рождеству.

— Я дважды была замужем, но никогда так долго не была счастлива в браке! — сказала Ава, когда подняли бокалы за их семейную годовщину.

Все дружно засмеялись. Фрэнка обожгло. Стиснув зубы, он продолжал улыбаться. Теперь, низвергнутый с высоты звездного пьедестала, Синатра остро чувствовал всякую мелочь, задевающую его самолюбие. Ему постоянно казалось, что Ава слегка иронизирует по поводу своего союза с неудачником, а мужчины съемочной группы тайно посмеиваются над рогоносцем. Не самолюбие, а сплошной нарыв.

Он решил уехать немедленно, договорившись с шофером джипа, что тот подбросит его до столицы Ке-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

нии Найроби. Ава застала мужа в большой палатке, собирающим чемодан.

— Ты не станешь ждать самолета? — Она сбросила на походную кровать парчовый шарф и накрыла плечи меховым палантином. Искося глянула в висящее на столбе зеркало, поправила искрящуюся заколку в волосах. — Ты хоть простишься со всеми?

— Тороплюсь. Не провожай меня, тебя ждут за столом.

— А-а-а... — Она села. — Новая сцена ревности. Может, для эффекта подеремся? Или ты все же объяснишь, что тебя не устраивает?

— Все! — Он напрягся. — По твоей милости я превращаюсь в посмешище. Ты даешь понять всем этим самцам, что держишь меня в клоунах.

— Глупости! — Ава вскочила. — Глупости! Это я тут — посмешище! О твоих приключениях в Лос-Анджелесе трубит весь Голливуд. Девочки из кордебалета — твоя страсть... неумный же ты кобель!

Он размахнулся, но вовремя удержался. Нежная Синтия с синяком под глазом... Нет, кино — это святое. Ухватив Аву за плечи, Фрэнк затряс ее так, что посыпались шпильки и освободившиеся волосы гривой заметались по плечам:

— А что мне делать, если ты... Если ты втаптываешь мое имя в грязь? Распутница! Шлюха! — Он швырнул ее на кровать, подхватил чемодан и, обернувшись, бросил в лицо последнее: — Я исковеркал ради тебя жизнь. Я изгадил все, что было мне дорого... Какая же ты дрянь, девочка! — По гравию захрустели его торопливые шаги, энергичные, злые.

Она осталась рыдать в полутемной палатке, освещенной лишь желтым светом забранной в металлический «намордник» лампы под потолком. Зачем он так? Он — единственный, кого она любит. И что такого, если ей подвернулся симпатичный парень? Пример, удачно наложивший макияж, или осветитель, умело поставивший свет... Эти бедолаги всегда хотят. Хотят благодарности. Здесь такие долгие ночи... И какая ерунда — переспать с мужчиной, она даже не помнит, как их зовут! А его девки — это уже вызов! Это заявление во весь голос, на весь мир: ты не нужна мне, Гарднер!

Ава рыдала, оплакивая свою неудавшуюся жизнь. Огромные, как воробьи, ночные бабочки, бились о стекло лампы и падали на шерстяной плед, дергаясь обожженными крылышками. Бились и затихали, распространяя запах горелой плоти.

Фильм имел огромный успех. Дуэт Авы Гарднер и Грегори Пека поднял эту голливудскую ленту до уровня серьезного искусства. В образе, созданном Гарднер, находили хемингуэевские черты, хотя рассказанная в фильме история была далека от первоисточника. Усилиями голливудских сценаристов она лишилась авторского психологического нерва, горького привкуса подспудной, молчаливой борьбы супругов, доходящей порой до взаимной ненависти. Ведь в рассказе Гарри всего лишь бедный писатель, а Синтия — богачка. Ее деньги, ее положение в обществе и образ жизни убили талант Гарри. Писателя уже нет, в тоске и мучениях уходит из жизни че-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

ловек, понимающий, что ничего изменить он никогда уже не сможет.

«Вы рисуете?» — спрашивали у ее героини в фильме. «Нет», — качала головой она. «Лепите?» — «Нет». — «Так чем же вы занимаетесь?» — «Просто пытаюсь быть счастливой». — «Вы девушка Чарльза?» — не унимался Грегори Пек в ретросцене их знакомства, и Ава отвечала: «Нет, я девушка сама по себе». На экране она была такой же, как в жизни, а из жизни никогда не делала тайны. Скука и страсть, меланхолия и юмор, одиночество и шумные компании, боязнь рожать детей и почти маниакальное желание иметь крепкую семью — из этих противоречий, казалось, была соткана вся ее судьба. Она запуталась в них, потерялась...

За роль Синтии Гарднер была удостоена чести оставить отпечатки своих ладоней на знаменитом Бульваре славы у Китайского кинотеатра.

Как актрисе Аве не сильно повезло. Рядом с ней не оказалось режиссера-волшебника, увлеченного ее уникальными данными. Такого, как фон Штернберг у Марлен Дитрих, или Карло Понти у Софи Лорен. Возможно, в тандеме с гениальным мастером ей удалось бы создать незабываемые, знаменитые роли. Стать Актрисой с большой буквы. Но масштабы актерского дара Авы остались тайной. Да и был ли он вообще? Существуют разные мнения. Но уж точно она не была дивой с большой буквы или актрисой, наделенной редким обаянием. Да, она играла, и играла неплохо, но всегда

при этом чувствовалось, что она всего лишь изображает страсть, а не переживает ее. И даже в самых трагических эпизодах трудно было поверить в то, что героиня Гарднер всерьез готова пожертвовать своей жизнью. Она не стала незабываемой актрисой. Зато была *незабываемой* красавицей и *незабываемой женщиной*.

Мужчины, работавшие с ней, влюблявшиеся в нее, жившие с ней, давали чрезвычайно поэтические определения ее личности: «богиня», «сама загадочность», «дикарский дух», «женщина, которая каждый день нарушает правила». Знаменитый джазовый трубач Майлз Дэвис сказал о ней с простой музыкантской образностью: «Ава? Это был горячий номер!» Один из ее агентов писал: «Ава могла пить, танцевать и флиртовать ночи напролет. Она была дикой девчонкой из глухого городишки в Северной Каролине. Она любила выпить, распустить волосы, скинуть туфли и дать себе волю».

Говорят, Ава Гарднер никогда не отказывалась от выпивки, не отклоняла любовь тореадоров и никогда не лезла за словом в карман. Гремучая смесь.

Заполучив Аву, Фрэнк благодарил судьбу. Потом пришел черед мук ревности, сомнений, злости. И наконец, прозрений. Привыкая, он меньше обращал внимание на ее тело и больше на то, что она делала, говорила. И начинал догадываться: она лишь фантом — эта Ава Гарднер. Она прекрасна, она способна вдохновлять эстетические и эротические чувства. Но тяга к «божественной» — мощная и яркая, так же быстро иссякает, как и вспыхивает.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Совершенная оболочка, скрывающая простушку Люси Джонсон, обнаруживает незначительное содержание: душевную скудность, неразвитость ума, бедность чувств.

Создание такого рода — уникально, самоценно. Его не следует пытаться использовать в утилитарных целях — для выполнения неких функций: создания семьи, приобретения профессии. Миссия драгоценности — доставлять радость созерцателю.

Ава могла бы стать хорошей актрисой, но ей для этого не хватало внутреннего стержня, целеустремленности, эмоционального опыта. Она хотела стать матерью, женой, но ей недоставало душевной щедрости, умения жертвовать собственными интересами, создавать нечто иное, кроме самого естественного продукта бытия — самого бытия.

Останься Люси в Смитфилде, она, вероятней всего, превратилась бы в обыкновенную, не слишком радивую домохозяйку, поколачивающую выпивоху-мужа, погуливающую с заезжими рабочими. Крикливая, быстро увядающая, Люси стирала бы, стряпала, стучала поварешкой детские лбы, слегка злоупотребляла спиртным и старилась у телевизора. Если бы не воля случая, вознесшего простушку Люси Джонсон на пьедестал славы и преклонения, не было бы ни «королевы», ни «богини», ни «венца Вселенной». Она приняла дары судьбы без особого удивления. С легкостью наивного существа воспользовалась вседозволенностью звездного статуса: отбросила условности, связанные с не совсем ясным понятием «нравственность».

...«Ну что ж, раз так, играть будем на равных», — решил Фрэнк и ринулся в водоворот приключений. Лас-Вегас, вино, красивая жизнь, девочки из варьете... Правда, кутить приходилось в долг. Но примириться с положением отброшенного на обочину хлама Синатра не мог. Кто угодно, только не он. Что угодно — только не забвение.

«От подлости врагов я падал.

Но поднимался вновь — таков мой путь»

В доме Бена Зигеля, или попросту Багси, собрались свои. Утром в Нью-Йорке прошло совещание глав крупнейших американских и итальянских семейств, обедать друзья приехали к нему. Остались кое-какие нерешенные вопросы. Один из них — Фрэнк Синатра. Разговор с ним — как бы концерт под занавес. Из столовой перешли в кабинет, сплошь обитый красным деревом, освещенный лампами под коричневыми колпаками. Яркий свет здесь не любили. Но мягкие кожаные диваны, хорошие напитки и ассортимент дорогих сигар — неперемное сопровождение делового разговора серьезных мужчин. Две стены занимали стеллажи с энциклопедиями и словарями — Бен уважал эрудицию, уважал хорошее искусство и считал себя могущественным покровителем Голливуда.

Из пятерых мужчин Фрэнк лично знал Сэма Джанкану — главаря чикагской мафии — и Лаки Лучиано, сблизившегося с ним в Вегасе. С Багси он почти что дружил. А если дружба, то и помощь?

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Обдумав сложившуюся ситуацию, Синатра решил, что пришло время обратиться к друзьям. Вариант второй — застрелиться — он всерьез не рассматривал. А ведь ситуация — хуже некуда. Студии Синатру явно бойкотировали, телевидение и радио взяли столь пренебрежительный тон, что Фрэнк боялся в переговорах перейти черту — сломать челюсть кому-то из фальшиво улыбающихся директоров, хотя это доставило бы ему колоссальное удовольствие. К тому же — чертова женитьба, чертова, чертова Ава! Синатру мучила ревность, ему казалось, что все кому не лень смеются над его рогами. Да, он предпринял ответный ход — круто загулял в Лас-Вегасе, меняя девочек и не скрываясь. Об этом захлеб писала пресса. Он ненавидел Аву. Он отчаянно любил ее.

Дождавшись полной тишины, как на концерте, Фрэнк взял слово и начал проникновенно, с искренним сожалением:

— Бен, я знаю, что подвел тебя. Я так неудержимо рвался на вершину и достиг ее, но свалился... Я не учел каких-то важных вещей. Мне не хватало дельного совета.

— Мы делали ставку на тебя, Фрэнки. — Бен, так похожий сейчас на кинозвезду в роли Крестного отца, поднял на говорившего темные глаза. — Тебя называли номером один и рассчитывали, что лет через десять ты станешь президентом эстрады, возьмешь все дела в свои руки. А взяли в руки тебя.

— Дело в том, что я больше не могу петь. У меня нет голоса, нет денег. А значит — нет никакой вла-

сти. — Узкая, сильная рука Фрэнка сжала портсигар с именными сигаретами так, что побелели кончики.

— Ты много намутил в своей жизни, — подал голос Джанкана. — Эта кинозвезда — что, с ней нельзя было просто спать? Ты бросил жену с тремя детьми — так не поступают итальянцы.

— Директор MGM вынудил меня жениться. Он побоялся скандала и захотел замять дело. Выхода не было.

— Но ты мог просто бросить свою актриску, заявить в прессе, что был увлечен и допустил ошибку, о которой сожалеешь. Тебя бы поняли. А того, кто не захотел бы понять, мы бы сумели убедить... — Джанкана имел большой вес в криминальном мире. На протяжении двадцати пяти лет после смерти Аль-Капоне он руководил гангстерской организацией в Чикаго, и только один раз чиновники правоохранительных ведомств США смогли упрятать его на несколько месяцев за решетку. На содержании у этого гангстера находилось много влиятельных лиц, занимавших ответственные посты в полиции, в судах, государственных и общественных организациях США. Свои люди были у него и на высших ступенях государственной иерархии. Его зять, Антони Тиски, несколько лет был помощником влиятельного конгрессмена, а родной племянник представлял в конгрессе штат Иллинойс, на территории которого расположен Чикаго.

Сам он выступал в обществе как солидный и богатый бизнесмен. Джанкана владел акциями четырех автомобильных фирм, сетью отелей, мо-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

телей, ресторанов. Отличный доход приносило ему участие в делах игорных домов, особенно владение акциями нескольких казино в Лас-Вегасе. Он выглядел солидным джентльменом — очки в золотой оправе, безукоризненный костюм, властный тон конгрессмена или главы серьезной корпорации. Под его тяжелым взглядом Фрэнк опустил голову:

— Я не мог предать ее.

— А Нэнси смог. И себя заодно... Бьюсь об заклад, никто из голливудских горилл на тебя сейчас гроша ломаного не поставит. — Джанкана с силой загасил сигару.

— Сэм немного мрачно смотрит на вещи, — мягко вклинился Лаки Лучиано. В этой компании он был самым щеголеватым — больше похож на завсегдатая аристократического клуба, чем на «делового». И в самом деле — Лаки не упускал возможности устраивать шикарные загулы на принадлежащих ему яхтах или в клубах Лас-Вегаса, приглашая самых именитых гостей. — Ты ошибся, Фрэнки. Ты потерял власть. Но ты артист. И ты наш друг. Мы не бросим тебя в беде. — Лаки улыбнулся. — Мы тут с друзьями продумали план. С твоей популярностью и мозгами и с нашей помощью мы развернем бизнес в Лас-Вегасе.

— Спасибо, Лаки. — В голосе Фрэнка звучала искренняя благодарность. В этой компании он не кривил душой и не стеснялся выглядеть побежденным. Его влекло к людям, имеющим власть. Сильные мира сего — будь то президент или мафиози, давали Фрэнку ощущение причастности к

настоящему делу. А власть Лаки Лучиано была огромна.

С 1946 года Лаки жил в шикарном особняке в Палермо, вел спокойную жизнь, захаживал на ипподром, раз в неделю, по четвергам, виделся с друзьями, которые приезжали к нему из Америки. Его цель — создать чуть ли не всемирную сеть — заметно приближалась: беспрестанно путешествуя по всему миру, Лучиано объединял мафиозные синдикаты.

Он охотно приглашал журналистов, давал интервью о том, что его преследует клевета, позировал перед камерой, становясь бесменным героем светских хроник. Его всегда сопровождали самые красивые и знаменитые женщины, например маркиза Сандра Росси или танцовщица из «Ла Скала» Иджеа Лиссоли. «Как он умеет любить...» — с придыханием заявляла каждая жадным до сенсаций репортерам.

Для отвода глаз Лучиано создал множество легальных фирм, имевших безупречную бухгалтерскую документацию. В Неаполе он открыл магазин бытовых электротоваров, в Риме — фирму по экспорту одежды и обуви. Бизнес развивался, открывались все новые рынки — Франция, Великобритания, Нидерланды. Дело жизни удалось. Почему не дать урок тому, кто ведет себя, как слепой щенок?

— Тебе пора подумать о настоящем бизнесе, Фрэнки. — Заметив некоторое сомнение на лице Синатры, Лаки успокоил его: — Разумеется, у нас достаточно профессионалов для решения тех про-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

блем, которые не относятся к искусству. Тебе никто не поручит делать то, что расходится с твоей совестью или входит в противоречие с законом. Ты дорог нам на свободе.

— Но речь идет о бизнесе? — растерялся Фрэнк. — Я же ничего в этом не понимаю, и у меня нет ни гроша... Я бы, конечно, вложил, не задумываясь...

— Тебе ничего не надо вкладывать. Вложим мы, — улыбнулся Джанкана. — Необходимы твоё имя и твоя популярность.

— С радостью... — Фрэнк вздохнул и твердо выпалил то, с чем пришел сюда: — Только... Только вот с популярностью как раз плохо... Я не могу жить спокойно, пока не утру им нос. Не верну себе славу. Как певец я ноль. Но я могу играть! Я могу проявить себя как серьезный актер. На студии «Колумбия Пикчерз» собираются снимать фильм. Я читал сценарий. Там есть роль — она словно написана для меня. Но мне ее не дадут. Кое-кто из тамошних боссов сильно меня не любит.

— Какие дамские эмоции! — улыбнулся Бен. — Любит, не любит... Есть дело, и оно главное. Ты получишь эту роль и сыграешь ее лучше кого бы то ни было. Тебя оценят. А потом возьмешься за наше общее дело — ты справишься, поверь мне, Фрэнки.

— Но тот, от кого зависит решение, не даст мне эту роль.

— Даст. Мы сделаем ему предложение, от которого он не сможет отказаться.

— Этого человека трудно чем-то прельстить. Особенно в такой ситуации.

— Мы умеем найти подход к любому, — мягко поддержал Бена Лучиано. — Есть простой способ. — Пальцами, как в мальчишеской игре, он изобразил пистолет.

— А-а-а... — Фрэнк растерянно кивнул. — Это, в самом деле, весомый аргумент.

**«У страсти трудный нрав:
понять не хочет сердце этот
простенький урок»**

Когда вышла книга Марио Пьюзо «Крестный отец», Синатра собирался подать в суд на автора за клевету. Ведь кругом говорили, что персонаж мафиозной саги Джо Фонтейн буквально списан с Фрэнка. Но в суд он так и не подал, и это еще больше развязало языки злословцам. Автор книги и сам утверждал: история с участием Фонтейна в фильме, принесшем ему «Оскара», точно повторяет реальную ситуацию с ролью Синатры в ленте «Отсюда в вечность».

Голливудский деятель, от которого зависел подбор актеров, не принял предложения от авторитетных лиц. И вскоре получил достаточно убедительный аргумент — обнаружил в собственной кровати голову любимой лошади. В лошадиное ухо была всунута записка: «Если не выполнишь наши условия, то же самое произойдет с твоей женой».

Фрэнку дали желанную роль, и, как показало будущее, боролся он за нее не зря. Образ забитого до смерти фашистами итальянского пленного оказался близок загнанному в угол болезнью и бойкотом Си-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

натре. Уже на съемках он проявил такую трагическую мощь, которой не ожидал никто.

Пока Фрэнк снимался в фильме «Отсюда в вечность», Ава находилась в Великобритании — участвовала в нескольких сценах эффектного костюмного фильма «Рыцари круглого стола». В фильме также были задействованы Роберт Тейлор и Мэл Феррер, великолепно выглядевшие в рыцарском облачении. Пышное историческое зрелище — прекрасная рама для Авы Гарднер. Глядя на нее, трудно было поверить, что в жилах ее на самом деле не течет древняя кровь бриттов.

...Кисточка гримерши порхала над мраморным лицом актрисы. Узкое бархатное платье цвета мха украшало множество деталей из старинного черного серебра. Серебряный венец с изумрудами венчал высокое чело. Закрыв глаза, Ава сидела в высоком кресле с прямой резной спинкой — бутафорском атрибуте декораций каминного зала. В съемках был маленький перерыв на установку света.

— Миссис Гарднер, вас к телефону! — Помощница режиссера, сухощавая и нудная, как провинциальная библиотечарша, поднесла ей аппарат на длинном шнуре.

Пальцами, унизанными крупными перстнями, Ава взяла трубку:

— Хелло!

— Милая, это ты? — Голос Фрэнка звучал глухо. — У нас перерыв. Я весь в кровище — забитый до полусмерти итальяшка. Сейчас будут снимать самое страшное — мне придется умереть... — В трубке послышался вздох. — Почему-то стало так

невмоготу, будто и в самом деле... Эй, ты слышишь? Слышишь? Я не хочу умирать. Я хочу тебя!

— Не кричи так громко! Здесь люди работают. — Ава покосилась на подошедшую костюмершу и построила мученическую гримасу: — Сто раз вам говорила — эти железки царапают шею! — и добавила в трубку: — Я тоже страдаю. Но умереть не придется. Это хорошо, что ты сыграешь в ящик. Я имею в виду — для фильма. Есть шанс схватить какую-нибудь премию, критики обожают «покойников». Да нет же! Ниже! Там уже вся кожа разодрана... Это я костюмерше.

— Детка... Послушай внимательно и запомни: я люблю тебя... — И короткие гудки.

Ава пожала плечами и отдала телефон глядящей на нее с нескрываемой завистью ассистентке:

— Не поняла... Может мне кто-нибудь объяснить, зачем он звонил?

«Рок любит пошутить. Смешлив он и жесток»

На очереди у Гарднер была работа в следующем фильме — «Могамбо». Теперь киноэкспедиция отправилась в Уганду. Экваториальная Африка, тропики, крокодилы, комары величиной с птицу, москиты, племена дикарей. Партнером Авы должен был стать Кларк Гейбл, роль второго плана исполнила прелестная Грейс Келли, будущая княгиня Монако.

В фильме имя Келли носила героиня Гарднер — танцовщица варьете, воспылавшая бурной

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

страстью к немолодому авантюристу, охотнику Виктору Марсуэллу. Говорили, что, решившись на эту роль, Гарднер вступила в соперничество с Джин Харлоу, которая двадцать лет назад сыграла похожую историю в фильме «Пощечина», и тоже в паре с Кларком Гейблом. В «Могамбо» он вновь играл проводника, сопровождавшего туристов через непроходимые заросли черного континента. Когда Виктор решил приударить за экзотичной танцовщицей, действие достигало трагического накала — сверкали взгляды, ножи, страсти рвались в клочья.

Смесь импульсивной агрессивности с сентиментальностью отлично удавалась Аве, ведь, в сущности, она играла себя. И с партнером у нее установился прекрасный контакт. В интервью со съемок Гарднер утверждала, что любая нормальная женщина просто не может не влюбиться в Гейбла, сводящего с ума одной лишь знаменитой улыбкой и тонкими усиками. Репортажи со съемочной площадки изобиловали живописными зарисовками. Продюсер фильма Сэм Цимбалист вспоминал забавные эпизоды, добавлявшие к журналистским изыскам красочные подробности.

Съемочная площадка была полна рослых ватусси — отважных воинов в набедренных повязках. Проходившая мимо Ава спросила однажды Грейс:

— Интересно, это правда, что у черных очень большие члены? Ты когда-нибудь видела у них эту штуку? — С этими словами она приподняла повязку одного из воинов. Показался огромных размеров член, его обладатель расплылся в улыбке, а нежная

Грейс остолбенела. Ава же небрежно опустила ткань и, повернувшись к подруге, сказала:

— У моего Фрэнка будет побольше.

Так пересказывал эпизод Цимбалист. И добавил еще один. Когда в Уганду прибыл Синатра, британский губернатор устроил прием в честь знаменитых супругов. Ава в пышном вечернем платье, с царственными обнаженными плечами, высокой прической, украшенной живыми цветами и бриллиантами, выглядела особой королевской крови. Рядом с ней мелковатый джентльмен с заурядной внешностью смотрелся не очень эффектно. Пиетет перед именем Синатры заметно угас, и все, кому не лень, находили забавным посмеиваться над одиозной супружеской парой. Режиссер фильма Джон Форд шепнул Аве достаточно громко, чтобы услышали стоявшие рядом:

— Детка, мне кажется, губернатор несколько недоумеваает — этакая королева и заурядный мужчинка. Будь любезна, объясни ему, что ты нашла в этом недоростке?

Ава подняла голову и смерила шутника уничтожительным взглядом:

— Для меня в мужчине главное не его рост, а его член.

Пересказанные продюсером эпизоды, не раз повторявшиеся в прессе, смахивали на анекдоты. Но рискованных шуток вокруг Авы и Фрэнка становилось слишком много. И слишком много случалось ссор, переходивших в бурные скандалы. Скандалы завершались примирением и не менее бурной любовной сценой.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Однажды Ава, избегая потасовки, успела крикнуть:

— Попробуй ударь! Я, между прочим, беременна!

— Врешь! — Схватив ее за плечи, Фрэнк заглянул в потемневшие глаза и медленно проговорил: — От кого? От кого ты беременна?

— Спрашиваешь! Думаешь, мне все равно? Все равно от кого рожать? Идиот! Мерзкий ублюдок! Я хочу ребенка только от тебя. Только от тебя! Так и знай, Фрэнки, ты станешь отцом... Пусть покарает меня Всевышний, если я лгу. — Она торжественно перекрестилась.

Фрэнк опустил в кресло и обхватил лицо руками.

— Ава... Зачем мы мучаем друг друга? Пожалуйста... Ради того, что предстоит, ради будущего... Давай попытаемся заключить мир. А? — Он обнял ее и прижался щекой к животу. — Я обещаю беречь тебя. Обещаю — ты не услышишь обо мне ничего плохого. А если кто-то и болтнет гадость — не верь. Я хочу, очень хочу быть отцом нашего ребенка. Хорошим отцом. И хорошим мужем.

— Фрэнк! Предупреждаю: у нас будет дом. — В голосе Авы звучали угрожающие ноты. — Красивый дом, в который не водят шлюх. Сниматься я не буду, к чертям кино. Буду сидеть на кухне и стряпать. Да! Всякую вкуснятину, я здорово умею. Должно же это когда-нибудь пригодиться! Прошу тебя, — она села к мужу на колени и прижалась к нему всем телом, — пожалуйста, пусть у нас будет дом! Настоящий, с праздниками, с вечерами у те-

левизора. Мы вместе и малышка: топ-топ, в крохотных таких ботиночках. И ужины за большим столом! — На лицо Фрэнка закапали слезы. Он осушил их поцелуями:

— Обещаю.

«От скаредной судьбы не жди подарка. Держи удар, авось получишь приз»

— Не волнуйтесь, мисс, мы немедленно выезжаем! — У темнокожего диспетчера родильного отделения клиники в Кампале, принимавшего экстренные вызовы, глаза вылезли из орбит. — Не фигу себе! Звонила сама Гарднер! Та самая американка, кинозвезда, жена Фрэнка Синатры. Американцы снимают здесь фильм. Она в гостинице, и у нее схватки! Скорее всего, выкидыш.

Забегала в суете выездная бригада во главе с доктором Мартой Горн.

— Доктор, позвольте мне с вами... — Дежурная медсестра родильного отделения в мольбе сложила ладони.

Марта Горн смотрела поверх головы низенькой Клары Залежски:

— Ваше место здесь. Миссис Гарднер не единственная, кому вздумалось рожать в эти часы.

Она поспешила к выходу, где уже ждала, сверкая мигалкой, машина «скорой помощи».

Оторопевшая Клара столбом застыла у окна, слыша, как заколотилось, затрепетало сердце. Едва она услышала слова диспетчера, на нее опустился сверкающий шар, растворяя в нестерпимом жаре.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Она уже не принадлежала себе: некие силы руководили ее действиями, лишь в висках стучало: «Случилось! Случилось! Случилось!»

Бледное, с беличьими чертами лицо, глубокие, пустые глаза сомнамбулы, тщедушное тело, спрятанное в голубой костюм с эмблемой родильного отделения на кармашке. Нет, она не была молода. Серенькая мышка из тех, кого никогда не замечают на вечеринках, не запоминают консьержки, продавщицы и даже опытные полицейские. А имя всегда путают. Заножки, Заложки?.. Черт ее знает! Немка? Полька? Какая разница. О таких не думают долго.

А она была особенной. Несущей в своем художественном непривлекательном теле такой заряд преданности, обожания, любви, что тело с трудом выдерживало напор: Клару частенько мучила мигрень, от которой она теряла сознание, а потом даже заикалась. Мигрень приходила после ее очередного свидания с Ним.

О тайной страсти Клары знали немногие. Лишь те, кто побывал в ее скромной комнате многоквартирного дома, превращенной в молельню или музей. Бесчисленные фото, вырезанные из журналов и газет, афиши, постеры. Со всех, слегка надвинув на лоб шляпу, улыбался Мистер Голубые Глаза. На комод, превращенном в подобие иконостаса, горели свечи, были разложены на пожелтевшем кружеве бесценные амулеты: билет с его автографом, клочок афиши, колпачок пишущей ручки, набойка от ботинка, возможно принадлежавшая ему, в хрустальном бокале — полуистлев-

шие лепестки. Драгоценные трофеи, добытые в суровой борьбе.

Теперь она жила в Уганде — уехала с британским госпиталем на край света, чтобы никогда больше не возвращаться к своему безумию. Она хотела начать жить заново и даже, покидая Нью-Йорк, упаковала в картонный ящик все свои «драгоценности». Завербовалась в госпиталь, работавший на краю света. А через месяц вернулась, потратив все свои сбережения на дорогу, и забрала в Уганду то, без чего не могла жить, — картонную коробку ценой в целую жизнь.

Клара часто дежурила в госпитале сверх нормы, а потом брала отпуск по уходу за парализованной матерью. Ей даже делали скидки на билеты. На самом деле, парализованная мать, жившая в пригороде Нью-Йорка, не видела дочь много лет, вплоть до самой смерти. Клара ездила на встречи с Ним. Она следила за графиком гастролей Фрэнка и старалась попасть на самые интересные выступления. Посидеть в зале, прорваться на сцену с букетом — верх блаженства, но не главное. Главное — урвать момент и хоть минуту побыть рядом с Ним, в толпе у служебного входа, выжидающей прибытие его автомобиля. Журналисты напирают, сверкает магний, полиция держит цепь. Вот распаивается дверца «роллса», он выходит из машины и, в окружении секьюрити, торопится скрыться в подъезде.

Эти три шага от появления и до исчезновения — самый горячий момент! Здесь можно было ухитриться заполнить не только автограф кумира, но и

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

нечто большее. Однажды (это случилось у зала «Парамаунт», где Мистер Голос пел целых шесть месяцев!) на асфальт упала гвоздика из петлицы его пиджака, и Клара сцепилась с бросившимися за добычей женщинами. Она рвала волосы соперниц, кусалась, отбивалась ногами, сжимая в кулаке цветок. Ее руку пытались выкрутить, пальцы разжать. Когда полиция разогнала катавшихся по асфальту фанатов, Клара убежала подальше и только там, в углу за мусорными баками, разжала окровавленный кулак. На ладони лежала смятая бледно-розовая гвоздика — почти часть его плоти, почти его дитя. Поникшие нежные лепестки похожи на тельце ребенка. Клара зарыдала, размазывая слезы и кровь по счастливому лицу.

Фанатки с большим стажем — были и такие, следовавшие за Синатрой с первых шагов его карьеры — рассказывали, что некоторым счастливицам удалось забеременеть от Фрэнки и даже родить. Конечно, надо быть молоденькой красотулей и подставиться где-нибудь на служебном пути — особо везло девчонкам из варьете. Но этим корыстным сучкам было мало неземного счастья его мимолетной страсти. Они использовали зачатие как способ шантажа и проигрывали. Великий Фрэнки старался не оставлять следов — он не терял контроль, предохраняясь от возможности стать отцом. Экспертиза легко опровергала происки шантажисток.

Клара не была красоткой, и шанса заполучить ребеночка от кумира не имела. И все же она не сомневалась, что рано или поздно станет матерью дитя Фрэнки. Она твердо верила, что для этого рож-

дена на свет и Отец Небесный не даст ей уйти, не исполнив земного предназначения. Никакого плана действий Клара не составляла — просто старалась быть рядом, приглядываться и не упустить тот единственный момент, когда чудо явит ей свою благодать.

Шли годы, казалось, фортуна забыла про Клару. И вот невероятное совпадение — такое под силу лишь Господу Богу! Судьба нашла Клару в Уганде, в жалком и жарком городке, чтобы дать ей шанс выполнить свою миссию. Жена Фрэнка — недосыгаемая Ава Гарднер доставлена в британский госпиталь на машине «скорой помощи». Клара Залезски увидела бледное лицо, рассыпанную копну черных волос, свисающих с каталки, которую бегом везли в операционную санитары. Она не стонала. Она орала во всю глотку: «Если я потеряю его ребенка, я не буду жить!» Вот стерва! Клара знала все об этом браке. Пресыщенная тварь заполучила такого мужа и еще крутила им, словно последним прощельгой. Изменяла, устраивала пошлейшие скандалы. Но он все прощал и в экстазе примирения тащил ее в кровать. Хотел от нее ребенка! А она и выносить-то не смогла! Еще бы — куча аборт, пьянки. Уж эта кукла пила без удержу и трахалась с кем попало. Бедный, бедный Фрэнки!

Доктор Нортона, следуя за каталкой в операционную, на ходу отдавал распоряжения: «Беременность около двадцати восьми недель, маточное кровотечение! Все по местам!» Клара уже ждала: резиновые перчатки, пластиковая шапочка, марлевая

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

маска — безличный персонаж, вершащий волю Всевышнего. Голоса, крики, суэта. Потом напряженная тишина, яркий свет в центре, склоненные к столу спины... Клара не осмысливала происходящее и не отдавала себе отчета в том, что делает. Некто мудрый и сильный вершил справедливость через нее. На салфетке, переданной ей, кусок окровавленного мяса — недоношенный плод. Буро-синее сморщенное личико, тонкие, безжизненные ручки и ножки. Мальчик.

— Что там? — Голос доктора прозвучал издали, словно из трубы. Не оборачиваясь, он останавливал кровотечение у продолжавшей стонать женщины.

Клара обмыла плод теплой водой и положила на стерильное полотенце. Обняла ладонями, согревая своим теплом. Не дыша, горячо, испуганно молилась. Отчаянно взывала ко Всевышнему, умоляя дать жизнь мальчику. Тонкие ручки дернулись, грудная клетка приподнялась... Он задышал! В груди забилося крохотное сердце. Клара стиснула зубы и только сейчас смогла вдохнуть.

— Тысяча триста семьдесят грамм. Неполных двадцать восемь недель. Мертв. Какая жалость! — сказала она безжизненным тоном, занизив вес младенца почти на сто семьдесят важных грамм. Боже, какое ликование наполняло ее!

— Шансов у него все равно не было, — констатировал доктор. Он не сомневался в своей правоте: лишь через двадцать лет медицина сумеет выхаживать недоношенных младенцев, весящих более тысячи пятисот грамм. За тех, кто весил меньше, вра-

чи до восьмидесятых годов и не пытались бороться. — Кислород и успокоительное внутривенно!

Завернув мальчика в салфетки, Клара спрятала его на своей груди и спешно скрылась. Кто посмеет сказать, что это не промысел Божий? Три месяца назад она окончила курсы «Жизнь» по выхаживанию недоношенных младенцев. Зачем? Странно, но, штудирюя брошюры с рекомендациями о вскармливании и согревании недоносков, она думала о Фрэнке. Правда, она думала о нем всегда.

Теплые мягкие и влажные салфетки, две грелки, нагретые до тридцати пяти градусов, стерильный крахмальный пакет — он будет жить! Совсем крошечный, но он достался ей, Кларе, его истинной матери.

Через тридцать минут мисс Залежски уже была в больнице протестантского монастыря, где работала пожилая англичанка, вместе с ней посещавшая курсы «Жизнь». Матушка Ванесса оказалась на месте. Клара сказала, что ребенок ее, и препоручила его монастырским врачам. Сама она осталась ждать в холле. На третий день сестры поняли, что мать младенца ночует под лавкой на каменном полу. Ей дали прибежище и даже, как имеющую медицинское свидетельство, допустили к уходу за малышом.

Это были самые счастливые дни в жизни Клары — стеречь жизнь сына! Долгожданного, вымоленного. Ей выпал шанс выходить ребенка Фрэнка! Пусть он зачат не ею, но теперь он целиком принадлежит ей! Малыш под пластиковым колпаком в ярком свете теплой лампы был дороже всех на свете. Она не от-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

ходила от него и ночью — ведь опасность задохнуться во сне так велика для крохотного существа. Едва задремала, открыла глаза, как от толчка, — и сразу увидела его, посиневшего, недвижимого. Холодное мертвое тельце! Клара завывала зверем и от своего крика проснулась — малыш спал, посапывая носиком, из которого надо было регулярно, с превеликой осторожностью, извлекать корочки.

Чудо, чудо. Клара знала, что при таком сроке беременности рождается живым только один ребенок из ста. А выживает лишь каждый пятый. Шансы мизерные и, даже если малыш не умрет, риск дефектов очень велик. Задержка умственного развития, тугоухость...

Клара не думала об этом — ведь у нее был самый замечательный и благословенный ребенок на свете. Согревание, повышенная влажность, стерильность, питание через зонд через каждые три часа...

Через пять месяцев Мартин — так Клара назвала сына — был отпущен с матерью домой. Он весил три килограмма и мог самостоятельно сосать молоко. И что за радость была, когда малыш поймал ртом соску и зачмокал! Клара с умилением всматривалась в крохотное личико. Он старался выжить! Он знал, что за кровь течет в его жилах...

Женщину с ребенком в голубой корзинке для младенцев видели в автобусе, идущем к аэропорту. В клинике о ней вскоре забыли, поиск не затевали — нашли в кармане оставленной униформы письмо от умирающей матери, призывающей дочь к себе. О больной матери Клары знали и справедливо рассудили, что дочь уехала к ней.

Дальше добрый Боженька устроил все совсем просто. Мать Клары умерла, так и не дождавшись дочери, но оставив ей наследство. И немалое. Этих денег Кларе Залежски хватило, чтобы купить маленький домик в теплом штате и растить сына без нужды.

«Соленый дар аплодисментов»

Фрэнк только что вернулся с просмотра фильма «Отсюда в вечность» и находился под впечатлением случившегося. Зал долго аплодировал стоя. Синатра получил множество самых искренних поздравлений. Даже недруги были потрясены — никто не ожидал, что в смешливом актере веселых мюзиклов скрывается мощный трагический потенциал. Накопившийся за последние годы драматизм нашел выход. Синатра блестяще сыграл Анджело — молодого итальянца, солдата американской армии, забитого насмерть в тюремных стенах. Вот где пригодились впечатления с Итальянского фронта! Похоже, Господь и в самом деле вознаграждает за добрые поступки.

Предстоял банкет по случаю завершения фильма, а ему хотелось побыть одному, помечтать о новой жизни, которая начнется с появлением ребенка. Его и Авы. Жизнь должна сильно измениться. Пора, уже тридцать шесть. Конечно же конечно у них будет ДОМ! Настоящий семейный дом, как мечтает Ава! Теперь все пойдет по-другому.

Но зазвонил телефон, известие покончило разом со всем: с будущим, с настоящим, с верой в покровительство свыше...

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Я о-о-очень с-с-сожалею, но у м-м-иссис Гарднер случился в-в-в... выкидыш... — врач заикался от волнения.

Фрэнк долго сидел, словно пораженный громом, потом напился, уснул. Проснулся от телефонного звонка: его поздравляли с премьерой! Телефон звонил и звонил, слова восхищения лились рекой. А зачем они теперь? Издевка!

Задрожав от гнева, он швырнул бокал в дверь, и тот со звоном рассыпался на куски. Легче не стало. Хотелось громить, крошить в порошок, размазать об стену ту сволочную субстанцию, которая не имеет лица, тела, голоса. Но именно она под именем Судьбы или Надежды способна предать, заманить и растоптать человека. Беззащитного, разомлевшего от любви и тепла, готового распахнуть свое сердце для радости и сострадания...

Все было ошибкой, понял он с бесповоротной очевидностью. Безумный брак, безумная влюбленность, безумная ревность... Да все здесь — сплошное безумие. Страшно оглянуться на прожитый кусок жизни — словно прошел по личному минному полю. Он шел, а вокруг погибали — вера в себя, вера в любовь, вера в будущее. Погибла и надежда спасти брак с Авой. Хотя бы во имя маленького человечка, который должен был появиться на свет.

Днем позвонила Ава.

— Ничего не вышло. Ты в курсе?

— Детка, — пробормотал он в телефонную трубку, — мне сообщили... Я... я не знаю, что сказать... мне жаль... Тебе очень больно?

— Все уже прошло. Завтра выпишут. Африканские эпизоды почти отсняты, скоро буду дома. — В ее голосе не было ни горя, ни радости. Депрессия — это так естественно для несостоявшейся матери. Ава зевнула. — Извини, мне сделали укол. Я лучше посплю...

Фильм «Отсюда в вечность» был воспринят на ура. Актерское искусство Синатры получило очень высокую оценку профессионалов. В марте 1954 года Фрэнк был удостоен «Оскара» за лучшую мужскую роль второго плана, хотя соревноваться ему пришлось с такими звездами, как Берт Ланкастер и Монтгомери Клифт.

Тут же было возобновлено музыкально-развлекательное радишоу, которое вел Синатра, его пригласили на роль детектива в радиоспектакле Rocky Fortune, забросали сценариями... С банкета, посвященного вручению «Оскара», они уехали вместе — звездная пара в расцвете славы. Перед Фрэнком открылась карьера драматического актера, Ава получила признание критики, восхищение зрителей, возводящее «божественную Гарднер» на пьедестал голливудской дивы. Оба молоды, полны сил. Ава хороша до боли в глазах. Фрэнк даже чуть щурился, глядя в это безупречное мраморное лицо. Задышался от восторга и злился. Злость, похожая на бессилие импотента. Он бесился от того, что не мог пробиться к ее душе, к тому, что скрывалось за прекрасной оболочкой. Она же раскрывалась вся, ничего не утаивая. Но то, чем могла одарить любимого человека эта великолепная женщина, казалось

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

унизительной чепухой, оскорбительной глупостью в сравнении с обещаниями, даримыми внешностью.

Однажды Ава скажет в интервью: «Мы никогда не ссорились с Синатрой в постели. Ссоры начинались по пути к биде». Но на сей раз ссора произошла в кровати. Ава с раздражением свалила с себя едва отстоявшего после любовной схватки мужа:

— Вот еще несчастье — весь живот отдавил! Да, Фрэнки, ты так и останешься слюнявым теленком. Ты и в любви-то согласишься не больше малолетки. До сих пор воображаешь, что мужчина и женщина в постели занимаются тем, о чем ты мурлыкал в своих песнях. Бедненький. — Прихватив халат, она скрылась в ванной.

Фрэнк закрыл лицо руками. Хотелось кричать о ее любовниках, тореадорах, искушенных в искусстве любви жиголо, о ее странноватых пристрастиях в постели... От обиды и унижения его охватило отчаяние. А за ним пришло решение: пора рискнуть, будь что будет! — он взял трубку и набрал давно записанный номер.

— Доктор Дорен? Это Синатра... Я готов сделать это при условии строжайшей конфиденциальности...

«Прости, не выдержали оба. Забудь напев высоких чувств»

— Я подыхаю! — Ава наполнила второй бокал. Лана смотрела на подругу, хмуря нарисованные брови.

— Ты не слишком перебираешь вискаря, детка? — Она убрала со стола бутылку. — Мешки под глазами, о печени я и не говорю.

— Ты еще мне будешь мораль читать! — Ава отшвырнула по столу пустой бокал. Он заскользил прямо к Лане. — Наливай, крошка. Со мной все кончено.

— Я ж с самого начала предупреждала! К чему было кашу заваривать с этим безумным браком! Перестань канючить — не нужен он тебе.

— Нужен! Этот гад, кобель поганый! Этот подонок... Он снюхался с мафией, и те ему поют, что я ему мешаю. Мешаю его репутации, видите ли! Сицилиец хренов! Раздолбай!

— И пусть катится. — Лана плеснула себе и Аве на доньшко, слила в стаканы из пиалы остатки льда с водой. — Разве тебе такой мужик нужен? Кстати, мафия — это не так уж страшно. Там попадаются стоящие мужики. И это весьма прикольно — крутить шашни с мафиози! Выводишь его в общество — у всех мыр козы рожки! — Лана загадочно улыбнулась, предчувствуя захватывающий рассказ, но Аву не интересовали сейчас чужие истории.

— Слушай, скажи мне правду, подруга: отчего я такая? — Ава приблизила к Лане раскосые бездонные глаза. — Что со мной не так? Ничего не понимаю... Ничего больше не хочу... — Она уронила лицо в ладони и разрыдалась.

Лана погладила вздрагивающие плечи:

— Душа моя, рецепт прост, как искушение девственника. Ванна, сон, отдых. Вискарик с содовой, стройный газонокосильщик для начала... а там поговорим. — Поддержав подругу, она помогла ей

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

подняться и повела в спальню. — Снимай к чертям эти тряпки и спать!

— А у меня другие планы. Я развожусь! — с трудом выговорила Ава, позволяя стянуть с себя платье. — Развожусь и точка!

Майер сопел, как паровоз, что означало серьезное недовольство. Ава с прямой спиной, закинув ногу на ногу, сидела в кресле. Узкая креповая юбка с высоким разрезом, шифоновая белая блузка с нежнейшей шанхайской вышивкой. А на поднятых волосах — спираль из соломки, бархата, муаровых лент и перьев — дорогущая дизайнерская штучка. Дама курила тонкую сигарету и пила чернейший кофе.

— Я ему сказала: «Фрэнк — это последний разговор. Я так больше не могу. Или они, или я».

— Кто они? — уточнил Майер, хотя прекрасно понимал, в чем дело.

— Его бесконечные девицы. Это противно. Просто мерзко! Ведь я законная жена!

— И что он ответил? — Майер задавал вопросы для порядка. По опыту он знал, что обиженная женщина должна выговориться.

— Этот гад сказал... — Ава высморкалась в салфетку. — «Иногда мне так хочется, чтобы тебя вообще не было!» Меня то есть. Жены. И я ответила: «Считай, что уже нет. Ты свободен, и меня не касается ничего из того, что происходит с тобой. Целуйся со своими мафиози, устраивай бардаки — меня это не касается!»

— Так вы подаете на развод?

— Просто разбегаемся в разные стороны.

— Синатра не работает у нас, я не могу повлиять на него, хотя бы по-мужски объяснить, какого дурака он сваял, теряя тебя. Но ты, детка... Ты будешь в шоколаде, я обещаю. — Майер положил на стол папку. — Наконец я доволен материалом. Манкевич представил последний вариант сценария. Действие «Босоногой графини» будет происходить в Испании, как и предполагалось. Часть сцен снимем на натуре. Там есть такие чудесные места — море, теплый ветер с цветущих лугов... И неплохая компания. — Лев хитро улыбнулся.

— Так вы знаете? — перья на шляпке удивленно качнулись.

— Обижает! Деточка, разве Луис Майер может не знать, что творится в его владениях? Ты сделала правильный выбор. Испания — прекрасное место, чтобы отдохнуть и дать утихнуть сплетням. Свобода от своего кобелирующего мужа, никаких студийных склок, дивная природа и при этом... При этом ты продолжишь сниматься в самых высококачественных фильмах.

— Я... у меня нет слов, Луис... — Дивные глаза Авы наполнились слезами благодарности. Грациозно обняв Майера, она поцеловала его в щеку. Чуть было не ляпнула, что «он ей как отец», но вовремя удержалась.

**«Разлука — ранящее слово —
смертельна только раз»**

Вскоре после этого разговора Синатра сделал заявление в прессе, что его браку с Гарднер пришел

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

конец. Она же в декабре 1953 года, незадолго до своего дня рождения, уехала в Испанию. Аву ждал прелестный дом, который она приобрела накануне. Местечко Моралеха неподалеку от Мадрида называли испанским Беверли-Хиллз. Витая чугунная ограда, дворики и сад в мавританском стиле, терраса с видом на море, прохладные комнаты с деревянными балками на потолках, мягкая мебель, обитая гобеленом, — здесь было все для отдыха и приема гостей. Ава надеялась, что жизнерадостная Испания поможет ей выбраться из тоски и одиночества.

Вскоре начались съемки «Босоногой графини». Опытный сочинитель голливудских бестселлеров Дж. Манкевич дал возможность Аве создать ее автопортрет. Этот фильм стал самым популярным у ее обожателей. В него она перенесла эпизоды своей собственной жизни: бедное происхождение, мечты провинциальной девушки, свое физическое совершенство и свою трогательную детскую ямочку на подбородке.

Манкевич постарался создать душераздирающую историю испанской Золушки — танцовщицы Марии Варгас. В воображении зрителей гордая Мария слилась с образом Авы Гарднер — царственной и недоступной, достойной любви самого великолепного из высородных аристократов. С тем существенным различием, что беременная героиня фильма погибает от пули этого самого блестящего из героев. Великолепный образец мужественности (о, волшебная фантазия сценариста, не забывшего и про «Фиесту» Хемингуэя) оказался импотентом в силу военного

ранения и безумным ревнивцем, очевидно, на почве злополучной травмы.

Гарднер в роскошных туалетах из мастерской MGM была прекрасна, а Хамфри Богарт, некогда первым принявший у себя в гостях опекаемую Клиффом Оуэном провинциальную красотку, сыграл похожую роль и в фильме. Он открыл в босоногой танцовщице незаурядный талант и помог ей стать звездой. Он потом и похоронил гордую Марию. Кладбищенское надгробье с плачущей под дождем мраморной Венерой — Марией Варгас, мужчина в промокшем плаще у его подножия — этот эпизод, вызывавший рыдания зрителей, начинал и завершал фильм.

С изображением несчастной любви Ава — поразительно прекрасная и гордая молодая женщина — справилась. В величественном облике ее героини ощущались некая значительность и незаурядная глубина. Но танцевать фламенко она так и не научилась. Блистательная танцовщица — героиня Гарднер — только мелькает за занавесом, в то время как люди в таверне, где она выступает, беснуются от восторга — тот случай, когда королеву играет свита. Камера скользит по лицам восхищенных мужчин. В танцующую Марию смертельно влюбляется главный герой. Но мы видим лишь тень на занавеске. А ведь как жаль! Ава, ненавидевшая процесс обучения, просто поленилась взять уроки танца, отказавшись от сцен, способных украсить ленту.

Далекая по темпераменту от прямолинейных «голубых героинь», Гарднер нашла свой образ —

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

чувственной, сексуально притягательной фатальной красавицы, женщины с несчастной или приносящей несчастье судьбой.

— Я тогда все здорово угадал про тебя, а? — Хамфри Богарт дегустировал местное вино на вилле Авы в Моралехо. Манкевич курил у камина — вечерами этому грузному человеку было зябко даже здесь.

— Представьте, юная провинциалка, явившаяся в Голливуд, не пила ни капли! — сообщил Богарт. — Все тогда думали, что это наколка Льва, делающего рекламу новой Золушке.

— А я и в самом деле не пила! Только вино пробовала. Но крепкого — ни капли! Мама считала это грехом для девушки! — Ава рассмеялась: — А самое интересное, знаете что? Такого, Джордж, ты даже не мог и предположить, когда сочинял свой сценарий, — я была невинна!

— Микки Руни разнес эту фантастическую историю по всему Голливуду. Но столь пикантная деталь в сценарии не прошла бы. Кто поверит в двадцатилетнюю девственницу? У нас же не фантастический фильм. Зритель должен лишь предположить, что у Марии был возлюбленный. Мы показали мужские ноги, выглядывающие из-под занавески в ее комнате.

— Если честно, это довольно смешно, — поморщился Хамфри. — Попахивает водевилем.

— Или серьезным чувством, — прогудел Манкевич, вороша угли. — Почти что братским.

— И откуда ты это выкопал? Серьезное чувство! — Ава резко поднялась, вспыхнув вдруг гне-

вом. — Нет, кто это вообще выдумал: «серьезное чувство»?!

— Может, тебе просто не везло, детка? — Прищурился сквозь бокал Хамфри.

— Тогда скажите, скажите же ради бога: ну почему мне всю дорогу попадаются мерзавцы?

«Вернулась песня, жизнь вернув...»

— Так я смогу петь? — В палате клиники, где Синатре сделали операцию на связках, сквозь жалюзи падали на кровать полоски солнца, и беззаботное щебетание птиц в саду обещало покой и радость.

— Пока пусть поют птицы. И ваша душа! — Круглую физиономию лучшего отоларинголога в Америке Ван Дорена озарила честная улыбка. Он ждал, когда наконец Синатра, сраженный известием о неполадках на связках, явится для серьезного обследования. Сразу после звонка капризного пациента тому были сделаны все необходимые обследования, результатов которых он страшно боялся. А вскоре посредством совсем не страшной операции были удалены со связок вполне безвредные образования. Как утверждал Ван Дорен, опасность злокачественной опухоли полностью исключалась.

— Вам лучше помолчать недельку. А потом, — он сделал широкий взмах рукой, — хоть на сцену Метрополитен Опера!

Нет худа без добра: доведенный до отчаяния поведением Авы, Фрэнк решил выяснить прав-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

ду насчет своего горла, как бы ужасна она ни оказалась. И вот, страхи позади, он готов записать диск!

...Фрэнки вошел в огромный зал, где помещалась студия звукозаписи. Давненько он тут не был! В дверях один за другим появлялись музыканты — его старые приятели. Каждого он знал еще с тех пор, когда начинал петь с джаз-оркестрами. Дирижер Нельсон Риддл — величина в мире легкой музыки, был из тех немногих, кто проявил к Фрэнку участие, когда началась полоса неудач. Тогда он не жалел времени, стараясь сделать приличную запись срывающегося голоса Синатры. Но ничего путного из этой затеи не вышло, Фрэнк в гнев разбил записанный диск и больше попыток не повторял.

Внезапная просьба Синатры сделать новую запись удивила дирижера, но ради старой дружбы Нельсон согласился. Он специально аранжировал поппури из ранних шлягеров Синатры, смягчив звучание голоса и, несмотря на свою занятость, выкроил день для Фрэнка.

Оркестр плавно начал вступление. Фрэнк знал, что вначале будет проиграно все музыкальное сопровождение, потом уже начнется пробная запись. Обычно в тот момент, когда палочка дирижера делала ему знак «приготовиться», он ощущал выброс адреналина, и все дальнейшее несло как по накатанной лыжне. Сейчас, заметив поданный Нельсоном знак, Фрэнк почувствовал, как заколотилось его сердце. И ощутил физически, что музыканты и сам руководитель оркестра испытывают в этот мо-

мент. Да, это был страх — страх провала потерявшего голос певца. Никто еще не знал, что Фрэнк снова поет. Он и сам в этот момент не был уверен, что его домашние распевки — не временное чудо и что вместо мягко льющихся звуков из его горла не вырвется сипение.

...Выждав некоторое время после операции, он попробовал потихоньку петь в пустой комнате. Робко, как новичок. И был приятно удивлен — голос звучал по-новому: грубее, полнее. Он словно возмужал, окреп. А гибкость осталась в этом новом инструменте, позволяя Фрэнку «выписывать» тонкие узоры, мастерски расправляться с фразировкой. Но не пропал ли обретенный дар? Не очередная ли шутка судьбы: поманить и обмануть? Поджилки дрожали, ноги стали ватными, спина покрылась испариной. На мгновение он испытал желание бежать отсюда, скрыться, но усилием воли заставил себя взять микрофон.

Фрэнк вступил вполголоса, как бы прощупывая дорогу и опасаясь соскользнуть в опасную зону. Туда, где притаилась в засаде саднящая боль. Но боль не появлялась, и он усилил звук. Пел громче, шире, свободней... Как самолет, сделавший разбег, отрывается от взлетной полосы и взмывает в воздух, так и голос Синатры, набрав мощь, воспарил в поднебесье. Кажется, никогда он еще не испытывал такого наслаждения от извлечения звука из собственного горла, превратившегося в дивный инструмент. И оркестр был на высоте — всем передалось вдохновение Фрэнка. Его пение тронуло даже задубелые сердца многоопытных оркестрантов, что

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

случалось редко. Когда стихли последние аккорды, вместо рукоплесканий они застучали по инструментам смычками и костяшками пальцев, затопали ногами. Ударник в знак одобрения рассыпал зажигательную дробь. Волшебные мгновения, ради них стоило пережить этот ужас.

С перерывами работали четыре часа. В конце Нельсон Риддл подошел к Фрэнку:

— Очень прилично звучишь, старина. Пожалуй, опять созрел для сольного диска. И черт меня возьми, если это не будет «бомба»!

Возвращение Синатры на большую эстраду стало сенсацией. Новый вокал певца расписывали с таким упоением, словно только этого и ждали. «Это случилось тогда, когда многие уже поставили на нем крест. Синатра сумел вернуться на сцену, причем в новом амплу. Его некогда по-юношески сладкий эластичный голос стал ниже, в нем появились грубоватые нотки, но певец обратил смену тембра себе на пользу. Манера Синатры, утратив юный задор и жизнерадостность, стала более нервной, напряженной, драматичной, что в эпоху рок-н-ролла и соул оказалось очень уместным». Песни джазовых дисков — *I've Got the World on a String* («Мир звенит в моей струне»), *I've Got You Under My Skin* («Ты не даешь мне покоя») — звучали как искренняя исповедь о личной судьбе. Альбом *Come Dance with Me* («Потанцуй со мной») завоевал «Грэмми» в двух номинациях.

Второе рождение Синатры-певца сопровождалось удачами Синатры-киноактера: в 1955 году его

номинировали на «Оскар» за лучшую мужскую роль в драматической ленте *The Man with the Golden Arm* («Человек с золотой рукой»)...

Фанатов певца, затаившихся на время, прорвало с новой силой — тысячные толпы осаждали концертные залы, где он должен был выступать. Радио, телевидение только и ждали появления Синатры. Пресса не оставляла в покое его имя ни на минуту, награждая все новыми титулами: «Мистер Голос», «Президент эстрады», «Золотой Голос Америки»... Неужели, черная полоса в самом деле миновала?

«Победы сладкое ярмо»

— Похоже, ты вернул свое имя, сынок. — Сэм Джанкана положил смуглую руку с крупным темным перстнем на запястье Фрэнка и чуть пожал его. Подлокотники их кресел соприкасались. Собственно, Фрэнк подсел на пустующее рядом с Сэмом место по знаку охранника, поманившего его из другого салона.

Они летели в Нью-Йорк и оказались в одном самолете случайно. Во всяком случае, ФБР, много лет расследовавшее причастность Синатры к мафии, так и не смогло доказать, что Фрэнк следовал вместе с Джанканой на съезд мафиозных группировок. У певца как раз были концерты на Бродвее...

Фрэнк покосился на перстень Сэма — мало кто знал, что руку шефа чикагской мафии украшал редчайший черный бриллиант баснословной стоимос-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

ти. Но всем было известно: пожатие этой руки стоит много больше.

— Сэм, всей своей жизнью я хочу подтвердить мою благодарность...

— Ладно, сынок, слова, слова, слова... — Джанкана открыл приготовленный журнал. — Хотя некоторые слова мне нравятся. Прочти громко вот это. Правильно пишет парень!

«Синатра снова обрел голос, но не тот, который сделал его знаменитым, — ему уже никогда не удастся восстановить неповторимых качеств его музыкального тона и поэтической интонации сороковых годов. Но он добивается гораздо большего. С помощью великого аранжировщика Нельсона Риддла Синатра меняет свою музыкальную личность. Он делает упор на богатстве интонаций зрелого человека, на ритмическом разнообразии, на более разговорных и интимных текстах. После опыта бурной и несчастливой любви он поет свои баллады с горечью, прямоотой, но и, так сказать, со скупой мужской слезой».

Завершив чтение, Фрэнк замялся:

— Это и впрямь было тяжело. Неудачный брак, потеря голоса. Противная это штука — свалиться с высот. И тем приятнее снова подняться. — Он снова покосился на рассыпающий искры бриллиант, взлетавший в такт рассуждениям мафиозного босса.

— Ты сделал то, что должен был сделать. — Палец Джанкана поучительно погрозил у носа Фрэнка. — Я люблю, когда мужчина ведет себя по-мужски и не плюет на свою честь! А теперь пого-

ворим о том бизнесе, что мы для тебя приготовили. Не забыл?

Насчет бизнеса они договорились, а вскоре Джанкана получил от благодарного певца подарок — перстень с розовым сапфиром, который никогда не снимал с пухлого мизинца.

«Танцуй, любимая, не вспоминай мой голос»

Мирная жизнь в цветущей Моралехе быстро наскучила. Ава все чаще запиралась за высокими воротами своего испанского дома, общаясь с немногими друзьями и читая сценарии. Ее потряс один из них, рассказывающий о судьбе Кончиты Кинтрон, известной женщины-тореро. Аву словно током ударило: вот роль, ради которой судьба привела ее в кино! Только она способна почувствовать восторг и отчаяние женщины, стоящей на арене перед орущей толпой — один на один со смертью! Осенью 1957 года актриса приехала на ранчо тореро Ангело Перальты и заявила, что хочет сразиться с быком.

Перальта смотрел на эксцентричную американку хмуро и качал головой:

— Не дело затеяли, синьора, не дело...

— Дайте мне лошадь и быка — и я покажу вам, чего стою! — Она бросила несговорчивому тореро кошелек с деньгами. — До чего же противно, когда упрямыцы спорят на пустом месте!

Перальта уступил: дал странной синьоре лучшую лошадь и вывел быка.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Ава ловко взлетела в седло — уж этому она у своих испанских друзей научилась. Жаль, что нет камеры. Очень жаль... И никаких зрителей... Черт, стоило бы притащить сюда хотя бы пяток друзей, чтобы было кому описывать ее смелость... Но газетчики все равно узнают. И Фрэнк. Никто из его телок еще не смотрел в глаза разъяренному быку! Что они понимают в истинной страсти, эти постельные курочки!

Размахнувшись, Ава изо всех сил вонзила в быка пику. Бычья кожа оказалась куда крепче, чем она полагала, пика лишь больно царапнула и напугала животное. Бык издал боевой рев. Лошадь взвилась на дыбы и сбросила наездницу. Ава вскочила, рванулась прочь от опасности, но разъяренный бык был слишком близко. Налитые кровью глаза, угрожающе выставленные вперед рога — он медленно двигался к ней. Ава закрыла лицо ладонями, пытаясь хоть как-то защититься от удара, но это не спасло — бык пырнул ее в щеку.

Зажимая рану, она смотрела на падающие в песок капли крови и не могла даже закричать. Ава была в шоке. Боли она почти не ощущала, паралич сразил от ужасающей мысли: с красотой покончено! А значит, и с кино, и с поклонением мужчин, и с женской властью над всеми двуногими, к которой она так привыкла. Одно мгновение — и уродство на всю жизнь! Это было страшнее смерти.

На следующий день она примчалась в Лондон, к одному из лучших пластических хирургов. Обработав поверхностную ссадину, врач сказал, что нет надобности срочно что-либо предпринимать, надо

просто подождать, пока заживет царапина. Но у Авы не прекращалась истерика, она отменила все съемки и выходы в свет. Щека быстро зажила, и только самый пристальный взгляд мог заметить едва различимый шрам. Но убедить в этом саму актрису не мог никто.

Снявшись в нескольких неудачных картинах, Ава Гарднер заперлась на два года в своем доме, целыми днями слушала пластинки и очень редко выезжала в город. В конце концов затворничество ей наскучило, она продала особняк и купила квартиру в Мадриде.

**«Потерялась девочка в толпе.
Не позову, скрывая слезы»**

— Чудесная конура, правда, Боги? Я буду веселиться так, что чертям тошно станет! — Она ткнула пальцем в пол. — Прямо подо мной апартаменты изгнанного аргентинского диктатора Перрона. Тот еще зануда! Он, думаю, и доканал свою распрекрасную Эвиту. Теперь за меня взялся. Однажды старый пердун даже вызвал полицию! — тараторила она, обрадованная появлению гостя. Хамфри Богарт был не только ее другом, он был и другом Фрэнка. Сняв плащ, Боги осмотрел холл, ища вешалку.

— «О, радостью звенят под небом голоса! И пиршество вас ждет, любимые друзья!» — раздалось из соседней комнаты. Явилась странная троица, словно сбегавшая с карнавала: обтягивающие трико, атласные плащи, бумажные цветы в волосах не

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

слишком молодой синьоры. На мятых лицах следы затянувшейся вечеринки.

Высокий и гибкий юноша раскланялся перед Богартом, церемонно махнув по паркету мятой шляпой с общипанными перьями. Обрюзгшая женщина в испанском костюме и низенький толстяк в одеянии матадора ограничились кивком.

— Уф-ф! — Ава недовольно поморщилась. — Я же предупреждала: сегодня у меня гость! Какого черта! Брысь, живо уматывайтесь отсюда! — Она распахнула дверь и лишь после того, как компания, громко хохоча, скатилась по широкой лестнице подъезда, заперла замок.

— Ты и впрямь весело живешь, моя босоножка. — Хамфри Богарт вздохнул, усаживаясь за стол с грязной посудой. — О вечеринках в доме Гарднер шумят даже у нас. Ты увлекаешь в свои сети, сирена, здешнюю богему: молодых актеров, тореро, музыкантов, студентов. Вино и страсти льются рекой.

— А на вилле Синатры вы сидите паиньками? — Ава прищурилась, словно сиюсь рассмотреть правду, и быстро сдвинула кучу посуды на край стола.

— Милая! Знаешь, у меня впечатление, что блиц-романы Фрэнка затеваются не просто так, а чтобы какой-нибудь трепач вроде меня все тебе выложил, и ты бы завелась от ревности. Ведь, честно говоря, предаваться беспутству ему просто некогда. Твой муженек снова вертится как белка в колесе. Да и я рабочая лошадка. Вот, полюбуйся — завязал с выпивкой. Полный сухой закон. — Хамфри достал с резной полки на стене и поставил на стол

бокалы. Из сумки явилась бутылка «Малаги». — Для тебя сладенькое.

Ава вынула из холодильника виски, содовую и, заметив отрицательный знак Богарта, добавила кувшин с апельсиновым соком.

— И в который раз ты завязал, Боги?

— Думаю, в последний. У меня ведь, как и у Фрэнки, нет времени на безумства.

— А у меня для безумств время всегда найдется. Завтра я тебе покажу все как есть. Гитары, танцы, песни. Фламенко — это потрясающе, страсть в чистом виде. Это коррида между мужчиной и женщиной!

— Боюсь, твои «придворные» частенько путают искусство и реальность. — Богарт налил себе в стакан сок.

— Уж они точно — шарахнутые! Один идиот — молоденький танцор фламенко — все требовал от меня любви, а потом открыл окно и выпрыгнул! Клянусь! Я даже не успела сообразить, в чем дело! Они здесь все от меня с ума сходят.

— Их можно понять. Ты же не на экране. Ты живая и ты манишь. — Хамфри окинул ее взглядом ценителя. Налет ошалелой богемности чрезвычайно шел Аве. Чувствовалось, что здесь она полностью свободна душой и телом — королева придворных босяков. Арабский балахон из тонкого шелка, съезжающий с голого плеча, мерцающий разноцветными камушками испанский гребень в небрежно сколотых волосах, связка звенящих монист на груди. — Обалденная секси. Святой не устоит.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Ты еще обвини меня в совращениях! — Ава встряхнула бокалом с виски, звякнув кусочками льда. — Этот самоубийца хренов свалился прямо на балкон к Перрону. Старик решил, что на него напали враги, пытался отстреливаться. Шуму было! Полиция, то да се... Еле втолковали ему, что это такая шутка.

— Ну а спортивную машину другого горе-поклонника ты молотила гаечным ключом тоже шутя?

— А... Бр-р-р! Противно даже вспоминать. Этот идиот вздумал катать перед моим домом каких-то шлюх. Вызывал ревность! — Ава одним махом осушила бокал и потянулась за бутылкой.

— Детка, что ты творишь... — Богарт отобрал бокал. — Поверь старому алкоголику: пора остановиться. Я едва спасся. Это пропасть, Ава.

— Ладно уж, скажи еще про мою печень и анализ мочи. Я молода и прекрасна.

— Это точно! Одного никак не могу понять! — Хамфри пожал плечами. — Половина девчонок мира готовы броситься к ногам Фрэнка, а ты флиртуешь с ребятами в каких-то клоунских плащах и балетных тапочках! Мне кажется, все еще можно вернуть!

Ава лишь грустно покачала головой:

— Не стоит и пытаться. Наверное, если бы я сумела делить Фрэнка с другими женщинами, мы смогли бы быть счастливы. Все дело в том, что я не из таких. Я не его Нэнси.

У всех голливудских друзей, с которыми ей доводилось встречаться, Ава непременно, как бы мимо-

ходом и равнодушно, справлялась о Синатре. И все друзья замечали, что доза алкоголя в рационе Авы увеличивается. Воздушная кукуруза, жвачка, шоколадки, виски «Джэк Дэниэлс» составляли ее неизменную «диету».

В 1956 году Синатра приехал на съемки фильма Стэнли Крамера «Гордость и страсть» в Мадрид, где жила Ава, до сих пор официально считавшаяся его женой. Вопрос о разводе никто из супругов всерьез не поднимал, словно оставалась еще некая надежда, нечто нерешенное.

Они сидели на террасе номера отеля «Риц», в котором остановился Фрэнк. Закурив, придирчиво оглядывали друг друга. Ава, одетая с театрализованной элегантностью, свойственной представителям богемного круга, выглядела несколько агрессивно. Жилет мужского покроя, кожаные бриджи, мягкая шляпа с широким черным платком, повязанным вокруг тульи, глубоко распахнутая белая блузка. И много украшений. Фрэнк отметил — не из тех, что она предпочитала раньше. Грубое черное серебро, какие-то амулеты на кожаных ремешках, кожаные браслеты. На широком брючном поясе в стиле гаучо — старинные чеканные ножны с кинжалом. Женщина — тореро, бесстрашная, покоряющаяся, опасная. И в этой роли она была великолепна. Хотя потребовались бы усилия гримера, чтобы скрыть припухлость под глазами и желтоватую вялость кожи.

— Ты зря отказался навестить меня, я жутко гостеприимна. У меня всегда страшно весело. К тому

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

же мы еще муж и жена, — слова Авы звучали с вызовом.

— Извини, все некогда заняться формальностями, если ты намекаешь на развод. — Он выпустил дым в сторону. — Концерты, съемки, записи... — Небрежно-элегантный Синатра выглядел как на студийном рекламном фото — море шарма, мужской притягательности.

— Знаю и поздравляю. Сдается мне, ты все еще надеешься склеить разбитый кувшин нашей вечной любви?

— Наверное, нет... Иногда хочется поплакать на твоем плече или надавать плюх! Руки чешутся.

— Может, тебе хочется чего-то еще? — Ава вскинула дерзкие глаза.

— Ну... Страшно хотелось петь! Когда это произошло с моим голосом... я струхнул, знаешь ли.

— Теперь-то все в полном ажуре. Мистер Голубые Глаза вернул свой голос. И в кино ты нарасхват.

— О, мне теперь доверяют серьезные роли. Два «Оскара» — это тебе не хухры-мухры. И предложения солидные. Стенли Крамер задумал военно-приключенческий фильм. «Гордость и страсть» — названием все сказано.

— Что-то чертовски героическое? — Она насмешливо смотрела сквозь голубой слоистый дым.

— Мой герой, генерал Мигель, предводитель партизанского отряда в занятой Наполеоном Испании. Мигель решает атаковать превосходящие силы французов и крепость Авель. У него хорошая компания: британский морской офицер Энтони Трумбулла — на эту роль приглашен Кэри Грант, и

красавица испанка Джуана — несравненная Софи Лорен. Отряд совершает сложный и опасный путь во французский тыл. Ну а в любовном треугольнике разыгрываются бурные страсти. Ты же понимаешь — мы с Кэри Грантом не на шутку схватываемся из-за Софи!

— Стенли Крамер — заметное имя, — равнодушно заметила Ава, скрывая вспыхнувшее вдруг раздражение. Сидит тут довольный, сукин сын, знаменитый, весь в захватывающих планах. Слово ее, Авы, и нет больше. — Софи Лорен — прекрасная партнерша, как говорят. Неважно, что стерва. Уже успел соблазнить крошку?

— О, только не это! Милая, все знают, что Лорен не изменяет мужу. И у нее изысканные манеры.

— А я — оторва, и мужу изменяю. Все об этом знают. Вовсю языки чешут. — Она взяла с большого блюда, наполненного сырами и зеленью, веточку базилика и прикусила белоснежными зубами. — Не верь всему — вокруг меня клубится вранье. Такая уж судьба, наверное. С Хемингуэем мы просто друзья. Но он — самый клевый...

— К нему бы я, кажется, не ревновал даже.

— Когда тебе ревновать?! У тебя же целая очередь на обслуживание — переходишь из постели в постель. Мэрилин Монро, Грейс Келли, Джуди Гарленд, Ким Новак, бесконечные старлетки-однодневки... Завел новый список? Стремительно соблазняешь, стремительно бросаешь, но каждый раз стараешься, чтобы известие о новом романе непременно дошло до меня. Потрясающий маневр!

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Злодейка, разгадала меня! Ну, ясно же: бедняге Фрэнку недоступен идеал, поэтому он довольствуется бледными копиями. — Смеющиеся голубые глаза заглянули в прищуренные зеленые. Они не смеялись. Но тоски, таящейся на дне глаз Авы, Синатра не заметил. — Ты тоже не скучаешь. Вместо певца хоровод каких-то плясунов и тореро.

— Да, похоже, подонки — мой удел. — Сжав черенок столового ножа, Ава выстукивала на столешнице нервную дробь. — Но это не остановит меня в поисках идеального мужчины.

— Флаг тебе в руки! Только позволь посоветовать: не ложись под каждого самца и не ищи идеал на помойке! — он разозлился, повысил голос.

— Я устанавливаю свои правила в любви! А на помойках копаешься ты! Мэрилин Монро! Алкоголичка, подстилка! — Ава говорила громко, с вызовом. С соседнего балкона, разделенного с террасой увитой плющом перегородкой, смотрели любопытные лица.

— А мы фантастически знаменитая пара! — Фрэнк поправил галстук, как перед объективом. Поднялся, шагнул в гостиную: — Мне сорок один, здоров, бодр, талантлив, известен. Ты — совсем девчонка. Звезда, дива, возлюбленная мира. И знаешь... — Он пожал плечами: — Чертовщина какая-то! Ужасно не хочется разводиться.

— А я тебя и не гоню. Мужей мне больше уж точно не надо. — Войдя в комнату, Ава рухнула в кресло. Ее слегка покачивало, и дерзкий огонек, предвестник схватки, разгорался в глазах. В руках она

держала стакан с виски. — От одного упоминания о брачных узах блевать хочется.

— А ты не слишком много пьешь?

— Только в честь свидания с мужем.

Они молча смотрели друг на друга, за колеблющейся портьерой светлела открытая дверь спальни, а в ней простиралась необъятная «королевская» кровать.

— Меня ждут дома. — Ава поднялась. — Изменять любовнику с мужем — это слишком.

«Не доверяй страстям. Обманут и уйдут»

Каждый из них все еще не мог смириться с крушением брака и удваивал усилия, чтобы забыть о неудаче. О развлечениях Авы говорил весь Мадрид — она демонстративно не скрывала их. Ездил на корриду в Малагу и Севилью, в любимую Хемингуэем Памплону, в Сан-Себастьян, с головой окунувшись в ночную жизнь клубов и таверн Мадрида, с удовольствием гостила у цыган. Ее «мерседес», несущийся с огромной скоростью, часто видели на шоссе в окрестностях Мадрида. Два раза она попадала в аварии, к счастью — без особых последствий. Весь Мадрид знал, что любовником Гарднер стал знаменитый тореодор Луис Домингин — приятель Хемингуэя. Луис познакомил Аву с писателем. Теперь они вместе посещали корриду, но отношения актрисы с Хемингуэем оставались платоническими.

Однажды Ава получила сообщение: режиссер Генри Кинг, снявший «Снега Килиманджаро», ут-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

вердил ее на главную роль в экранизации романа Хемингуэя «Фиеста» (другое название — «И восходит солнце»).

— Я буду играть Брет Эшли! — сообщила сидевшая за рулем Ава ехавшим в машине мужчинам. Луис Домингин и Хемингуэй составляли ей компанию.

— Поздравляю! Для меня ты такая и есть, как у Хэма: увлекающаяся, непостоянная, ни к кому не привязывающаяся. При этом настолько сексапильна, что нет мужчины, который не мечтал бы лечь с тобой в постель. Эрнест, я прав? — Луис сжал тонкие губы. Он не мог не заметить, что его роман с Авой выдыхается, как бокал с вином. И каких бы успехов ни добивался он на арене, коррида не спасет.

— Отличная характеристика. — Ава чуть повернула голову к сидящему рядом загорелому мужчине с густой, едва серебрящейся шевелюрой. — Молчишь? Выходит, Луис прав?

— Пожалуй... — Хэм прищурился, словно целясь из ружья. — Ты из тех женщин, которые не перестают меня удивлять. Женщина-тореро. А Синтия твоя в «Снегах» — нежная, преданная. Голубица непорочная. Когда я начал смотреть фильм, то прямо схватился за голову: какого черта он там пона снимал, этот Кинг? Зачем изуродовал мой рассказ, если хотел сделать душещипательную мелодраму? А потом засмотрелся на тебя — от Синтии голова кругом! Она могла бы быть такой, если бы я сочинил другой рассказ. Но я написал так. Уж извини, Ава.

— Не стесняйся, я ж не дура. Ты думаешь, Кинг испортит и «Фиесту»? Я прочитала твой роман. Я чувствую, как надо играть Брет. Она небезразличная, она очень ранимая, но... Можно я скажу, Эрнест? Я вот что придумала... Они оба — и Джейк Барнс, и граф в «Босоногой графине» — несчастны из-за ранения, да? Импотенты... Манкевич придумал в сценарии «Графини» гениальный ход: моя героиня нашла способ сделать мужа счастливым — забеременела от другого. А он убил ее из ревности! По-моему, потрясающе!

— Жаль, я не видел фильма. — Хемингуэй с повышенным вниманием засмотрелся на дорогу. Иронические реплики по поводу гениальности сценария «Графини» крутились на языке. Но он не хотел обижать Аву.

— Зря! Посмотри непременно. Это чрезвычайно трогательно. Посмотри и поймешь. Почему бы в фильме Брет Эшли не поступить подобным образом ради Джейка? Ей лучше родить от какого-нибудь тореро, а не выходить замуж за другого! Родить для мужа, который не может трахаться! Чтобы была семья! — Ава вспыхнула, вдохновленная своей идеей.

В машине повисла тишина. Луис знал, что нет дела более безнадежного, чем вмешиваться в писательские дела Хэма. Особенно предлагать ему внести в написанное нечто «трогательное» — такие пожелания поступали от многих женщин.

— А почему нет? — продолжила попытку Ава. — И тогда все могло бы кончиться благополучно!

Эрнест расхохотался:

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Благополучие! Я все время гоняюсь за этим редким зверем, но что-то ни разу не встречал его. Нет, дорогая, я не стану переделывать финал романа и Кингу не посоветую. Но я непременно напишу что-то специально для тебя. И никто не будет в тебя стрелять: нельзя унижать красоту непониманием.

Фильм «И восходит солнце», как и «Снега Килиманджаро», имел огромный кассовый успех. Мало кого волновало, что режиссер снова искажил роман Хемингуэя. В центре картины оказалась единственная тема — несостоявшейся любви Джейка и Брет, решенная Кингом в чуждом подлиннику религиозном аспекте. Ава Гарднер окончательно укрепилась в статусе серьезной актрисы. Фильм «Гордость и страсть», а также лента «В 80 дней вокруг света» (Around The World In 80 Days) с участием Фрэнка Синатры тоже сделали большие кассовые сборы. О драматическом даровании певца говорили не умолкая. Звездные супруги в этом соревновании сыграли вничью.

Они встретились на печальной церемонии — умер Хамфри Богарт. Актер целый год терпел пытки врачей, обнаруживших рак горла, — операцию, химиотерапию. Худел, круто попивал, его жесткий взгляд стал жалобным, как у побитой собаки. Фото для церемонии прощания взяли старое, времен триумфальной «Касабланки».

— Боже, пятьдесят восемь лет — это так мало! — блестя слезами, вдова Лоран Бэколл смотрела на

Фрэнка из-под трепетавшей черной вуали. — Под насмешливой маской этого человека таилась нежная, трогательная душа... — Лоран любила выражаться возвышенно в присутствии прессы и высокопоставленных особ. И тех и других на кладбище собралось достаточно — Богарт был знаменит и любим зрителями.

— Пятьдесят восемь... Это уже старость, — тихо сказала Ава. Она думала о том, что кладбищенская сцена несколько напоминает эпизод из фильма «Босоногая графиня». С той разницей, что в фильме Хамфри хоронил Аву, вернее, ее героиню. А теперь вот она стоит у его могилы. Но красавица погибла во цвете лет, а Богарт, как ни жаль его, пожил достаточно. — Наверное, здорово прожить так долго.

— Детка, с высоты твоих тридцати пяти все кажутся старцами. — Лоран припала к локтю Фрэнка. — Посмотрим, чего ты будешь стоять через пять лет. — Она открыто не симпатизировала жене Синатры, за глаза называя Аву «красивой пустышкой» и «бывшей».

«Как сумрачен бывает сон любви»

Лана Тернер прилетела в Мадрид не одна — со своим одиозным любовником Джонни Стомпанато. Отправив спутника прогуляться, подруга поспешила к Аве. Двери открыла горничная, сообщив, что хозяйка еще не вставала.

В спальне мадридской квартиры Авы были задернуты тяжелые шторы, запах спиртного перебивал парфюмерные ароматы.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Извини, что не встретила, ты так рано явилась. — Ава небрежно накинула халат, кое-как сколола волосы и подняла на Лану тяжелый взгляд: — Загуляла, уж извини. А где твой гангстер?

— Отослала на фиг — пусть побродит. Мадрид — интересное местечко для делового мужчины. А нам давно надо почесать языками — столько всего жизнь наворотила. По-моему, она катит, как курьерский поезд. Черил уже тринадцать! Помнишь, на вечеринке в MGM, когда к тебе привязался Хьюз, я была животастая? Вроде, как вчера... — Лана обошла комнату, остановилась перед большим зеркалом в витой чугунной раме, придирчиво оглядела себя. — Немного располнела в интересных местах. А вообще — все та же прэ-лэст-ница! Это он так меня зовет — гангстер Джо.

Голливудская общественность бушевала, когда Лана стала искать приключений в гангстерских кругах. Ночи напролет она проводила в самых подозрительных притонах, где и познакомилась с Микки Когеном, главарем банды, продавцом наркотиков, содержанием подпольных игорных и публичных домов. В телохранителях Когена состоял уроженец Сицилии двадцатилетний Джонни Стомпанато. Он стал любовником Ланы, и актриса открыто демонстрировала его киномомнду.

— Гангстер — это весело? — Собравшись было покинуть спальню, Ава снова упала на кровать. — Я из шкуры вон лезу, разгоняю тоску. Одна головная боль.

— Твои истребители быков, вижу, не очень преуспели в утешении малютки Авы. Сидишь тут, как старая задница.

— Сейчас полегчает. — Нагнувшись, она извлекла из-под кровати початую бутылку виски «Джэк Дэниэлс». — Будешь? Я всегда лекарство под рукой держу.

— Нет, ты мне не нравишься. Бутылку под кровать заныкала! Чего ради прятать то, что доставляет удовольствие? Посмотри на Лану! Живая легенда — роковая женщина-вамп, соблазнительница, дьявол в юбке. Эта слава устраивает меня. «Обожаю ночные клубы, зажигательную музыку, блеск юпитера, а больше всего — мужчин» — я так и заявляю в интервью. Пусть цитируют. И добавляю: «Ни ребенок, ни пять замужеств не обуздали Лану. Разведясь последний раз, эта вертихвостка объявила: «Я никогда больше не полюблю мужчину» — и тут же начала новую серию любовных приключений». И что? Запомни: эти лохи, наши зрители, обожают скандалы. Я получила главную роль в фильме «Пейтон Плэйс» по нашумевшему роману Грейс Металлиус и контракт на двести тысяч долларов!

— Круто! А все плюются — «современная Мессалина»!

— Завидуют, курицы. Им самим слабо, а хотелось бы! Именно моя связь с преступным миром подняла мне цену. Наш дорогой Лев сразу смекнул: для скандального фильма нужна скандально знаменитая кинозвезда, нечто необычное, из ряда вон выходящее, чтобы срубить побольше бабок. Зритель клюет на такие приманки. Вот и раздули! Лана то, Лана се!

— Читала. — Ава столкнула ногой на пол стопку глянцевого журнала. — Рыдают, что дочь актрисы

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

воспитывалась нянями и горничными. Дай вон тот, с Черил на обложке. Смотри. — Ава открыла журнал и прочла: — «...ребенку лишь время от времени удастся проводить несколько дней с матерью, но материнской любви она так и не почувствовала. Она, как хорошенькая куколка, появлялась перед гостями, делала реверанс, и ее отсылали, чтобы не мешать развлечениям матери...»

— Козлы! — Лана вырвала журнал из рук Авы и отбросила в сторону. — Нефиг читать всякую хрень, я тебе сама интервью дам. Слушай, пойдем за стол, посидим нормально. Мне что-то понравилось здешнее крепленое красное. И голова не болит. — Лана поднялась и сбросила с Авы одеяло. — Брысь переодеваться, сейчас мой красавчик зайвится...

Пообедать у Авы не удалось. Появился Стомпанато и увлек женщин в самый роскошный ресторан Мадрида. Правда, пока дамы приводили себя в порядок, подошло время ужина. Жгучий брюнет с фигурой атлета и лицом воина-легионера, Джонни одевался с изяществом лорда. Женщины, как и полагалось, явились в вечерних туалетах. Стройное тело Авы обтягивало бирюзовое платье с двумя перекрещивающимися ляжками на открытой спине. Палантин из серебристой лисицы она небрежно перебросила через плечо. Лана осталась верна стилю откровенной секси, надев туалет с глубоким декольте и разрезом до бедра. Все сворачивали на них шеи — даже мраморные нимфы в фонтане и бронзовые амуры, поддерживающие плафон стеклянного потолка.

Сев за стол, Ава бросила мех на спинку стула, хмыкнула:

— Помнишь, как мы познакомились? Клиф Оуэн вывел меня в свет на вечеринку к Богарту. Там как раз пел Синатра, пел для тебя.

— Синатра — это класс! — веско вставил Стомпанато, изучавший поданное меню.

— А! Не о нем речь. О моем платье, что тогда взял напрокат Клиф. — Ава развернулась боком, показывая спину. — Я тогда была уверена, что на спине декольте не бывает, и там просто кто-то вырезал кусок ткани. Вот уж темная была! Клиф прямо позеленел.

— Сейчас папарацци набегут. — Лана огляделась. — А, пусть клеветают! Я им порасскажу целую кучу новостей. И ты, милая, не стесняйся. Твой муж треплется всюду по поводу всякой новой победы. Ясно же — хочет насолить тебе.

— А мне все равно. Мне, Лана, что-то противно жить.

Стомпанато вдруг залился смехом, показав безукоризненные зубы.

— Намек понял: волшебной миссис Гарднер не хватает мужичка. Заказ принят.

— Э, милый, ты поосторожней. Не все такие оторвы, как твоя Лана. Ава не уважает криминал.

— Просто думаю, что об этом лучше молчать. У меня, дорогая, другое ампула. — Ава выпила красное вино, засмотрелась сквозь бокал: — Все такое розовое-розовое, как в сказке. И я — розовая.

— А я — огненная! Мне кричать охота: Джонни самый крутой из моих любовников. Я постоянно

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

натурально схожу с ума. В этом изумительном экземпляре воплощено абсолютно все самое ужасное, что простые американцы думают об итальянцах, — бандит, задира и, конечно же, мафиози. Расскажи Аве, Джо, как ты приложил Шона Коннери!

— Да че там... Не надо руки распускать. — Стомпанато скромно пожал могучими плечами.

— Жуткий милашка, правда? — Лана поцеловала смуглую щеку Джо и, ущипнув, стерла пальцами помаду. — Он же от меня ни на шаг не отходит. Присутствует в качестве любовника-наблюдателя на съемочной площадке. И вот, играем мы любовную сцену с Шоном Коннери, обнимаемся, как положено. Вдруг этот влез прямо в кадр и двинул бедного Шона в челюсть. Нокаут!

— Воображаю, какой поднялся шум. — Ава даже не улыбнулась.

— Еще бы! Наш роман без устали обсуждает весь Голливуд. Смотри! К нам идут!

Через зал, лавируя между столиками и широко улыбаясь, двигался элегантный метрдотель с худым носатым молодым человеком.

— Прошу прощения, господа! Это аккредитованный в нашем отеле журналист. Если не возражаете, он задаст вам пару вопросов. Могу заверить — обед за счет заведения. В течение недели, господа! Не стану мешать.

— Андреас Фернандес, — представился мужчина. — Я работаю на очень солидную газету для серьезных людей. Счастлив, что представилась возможность получить информацию из первых рук. У нас так много врут.

— О! Разумеется, только не вы, — просияла Лана. — Давайте поживее, не ходите кругами. Нам уже несут закуски.

— Мисс Тернер, вас не беспокоит любовная связь с известным гангстером?

— Что с того, что он гангстер? Зато он несравненный любовник, — серьезно объяснила она репортеру.

— Говорят, что ваша тринадцатилетняя дочка Черил сразу невзлюбила Джонни Стомпанато.

— Черил не слишком хорошо относится к моему другу. Переходный возраст, да и отец настраивает. Но она умница и ведет себя вполне по-светски.

— И один вопрос к вам, миссис Гарднер. Известно, что ваша семейная жизнь с Фрэнком Синатрой не ладится...

— Не ладится?! — Королевский взгляд выразил изумление. Ава выдержала паузу и гордо вздернула подбородок: — Да она просто-напросто полетела ко всем чертям!

«Беда окликнула, но я не обернулся»

За главную роль в фильме «Пейтон Плэйс» Тернер получила «Оскар». А вскоре СМИ облетело ошеломляющее сообщение. Жуткая реальность превзошла самые зловещие детективы.

«Это случилось в Страстную пятницу, 4 апреля 1958 года. Еще не было такого мужчины, с которым не смогла бы расстаться секс-блондинка Лана Тернер! Но и Джонни Стомпанато, итальянский бандит, не хотел упускать то, что, как он ду-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

мал, давно и безраздельно принадлежит ему. Она отказалась взять его с собой на церемонию вручения «Оскара»! Она стыдится его! В руках у разъяренного мужчины зловеще блеснула бритва. Смертельно напуганная Черил побежала на кухню, схватила разделочный нож и вернулась в комнату как раз в тот момент, когда гангстер уже занес руку над ее матерью! Девочка опередила бандита, всадив ему в живот нож по самую рукоятку».

Так выглядела версия следствия. Однако многие подозревали, что защищать надо было не маму, а дочь, на которую распоясавшийся Стомпанато тоже положил глаз. Естественно, Лана не удержалась, защищая дочь, заколола подонка. А когда дело было сделано, Черил взяла всю вину на себя, потому что по закону несовершеннолетней девочке ничего не грозило.

Вина Черил была доказана, и она предстала перед судом. Белокурая Лана Тернер в темных очках, гладко причесанная, очень элегантная, давала на суде свидетельские показания. Под перекрестным огнем бесстыдных и жестоких вопросов она рыдала, теряла сознание, падала в обморок. Злые языки говорили, что за эту роль — оскорбленной невинности — ей следовало бы дать «Оскара».

Прочитав в газете, что «жена Фрэнка Синатры присутствовала на суде своей близкой подруги, помогая выбраться той из грязной истории с известным гангстером», Фрэнк сплюнул. С каким наслаждением он разделался бы с журналюгами,

слетевшимися, как мухи, на зловонный дух скандала.

Синатра ненавидел журналистов. Его любовь к женщинам не распространялась на репортерок — «этих проституток, цена которых не выше пары долларов». Благо, за Мистером Голосом стояла мафия и он мог позволить себе роскошь распоясаться, давая волю бешено вскипавшему гневу и врожденной драчливости. Тех, кто позволял себе написать что-то, неугодное певцу, он избивал лично, а позже посылал это делать «своих людей». Только в Австралии зарвавшийся сицилиец получил отпор. После пресс-конференции, во время которой звезда назвал представлявших прессу мужчин идиотами, а женщин дешевыми шлюхами, австралийцы объявили ему молчаливый бойкот. Служащие отелей и официанты упорно смотрели мимо, когда он к ним обращался, таксисты уезжали у него из-под носа, а сотрудники аэропорта отказались залить бензин в его личный самолет. В результате прервавшая гастроль звезда с позором покатилась восвояси после личного вмешательства членов австралийского правительства.

Лану Тернер Синатра терпеть не мог со времен их давнего блиц-романа. Упоминание ее имени рядом с именем Авы и намеки на причастность Гарднер к мафиозным делам приводили Фрэнка в бешенство. Который раз он говорил себе: «Развод, и немедленно!» Но что-то снова мешало осуществить эти намерения.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

**«Бывает, расстояние спасает.
Но не пытайся время обмануть»**

Новая большая роль — герцогини Альбы в историко-биографическом фильме о художнике Гойе «Обнаженная Маха» — словно была написана для Гарднер. Сценарист и режиссер Генри Костер постарался раскрыть во всем блеске красоту и драматические возможности актрисы. В яркой постановочной картине Гарднер создала образ умной, сильной, страстной женщины с трагической судьбой. Свободолюбивая, бесстрашная герцогиня подчиняла своему влиянию всех — даже испанского короля. Полюбив Гойю, она нашла в себе силы отказаться от собственного счастья ради того, чтобы спасти художника от инквизиции.

Она была дивно хороша на экране — женщина-мечта, аристократка, повелительница. Мужчины умирали ради нее, она умирала ради своих избранников, полная огня и темперамента. Это в кино. В реальности получалось совсем по-иному. Ради надменной и страстной красавицы мужчины были готовы пойти на все. Но дальше... Дальше следовало неизбежное разочарование. Взбалмошная, непредсказуемая, эгоистичная, она оказывалась не способной дать ни душевного тепла, ни человеческой привязанности, ни надежности. Роскошная партнерша в бурных страстях и бесшабашных загулах, Ава все чаще оставалась одна.

Она устала от Мадрида. Фламенко и смуглые красавцы-тореро уже не вызывали в ней ничего,

кроме раздражения. Решив круто изменить жизнь, Ава переехала в Лондон, где купила викторианский дом в Кенсингтоне.

— Это единственное место на земле, где можно гулять незамеченной, — объявила актриса репортерам.

— Но ведь в Лондоне нет солнца и все время идет дождь! — возразили ей.

— А на что мне солнце? Я его и так никогда не вижу. Днем я сплю. Ночь — вот моя подружка. Ребенком я боялась темноты и плакала. Теперь все по-другому. Мне нравится лондонская погода. Такой чудный накрапывающий дождь... он меня успокаивает. Покой — вот что мне сейчас нужно.

И верно — все время моросит дождь, асфальт под окнами жирно лоснится, крыши припаркованных у тротуара авто усеяны дрожащими каплями. Окна с другой стороны квартиры выходят в сквер. Там тоже дождь, каплями унизаны ветки деревьев и кустов. Лишь ярко зеленеющие мокрые туи напоминают о лете. С бокалом в руке Ава ходит по новой квартире, примериваясь, как будет здесь проводить время одна, как состарится, сидя у камина. А однажды, в дождливый вечер, откроется дверь. Мужчина в светлом плаще подаст ей мокрый зонт и скажет:

— Давай стариться вместе!

Впрочем, это из какого-то фильма. Из... черт знает, как он назывался... Ава выпила, забросила в рот пригоршню воздушной кукурузы. Мельком взглянула в зеркальную дверцу шкафа: вполне хорошо. Да, еще вполне. Особенно в полутьме. Гер-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

цогиня Альба. Королева. Интересно, Фрэнк видел «Маху»? Жаль, что пуританские нравы в кино не позволили показать ее наготу. Формы получше, между прочим, чем у этой прославленной Альбы. «Богиня, богиня...» И что из этого? Есть деньги, есть известность, поклонников полно — только свистни. Так в чем же дело? В солнечной Испании тоска сжимала горло, словно камень проглотила. Сбежала сюда. Пестрый карнавал всякого прикормленного сброда уже не кружит перед глазами, никто не поет серенады и не кидается на колени, чтобы признаться в любви. Привратник, садовник, продавщицы в ближайших магазинчиках и не заметят, если однажды миссис Гарднер не станет. И все время тоска — неотступная, зудящая. То требующая выхода, то накрывающая глухим ватным покровом. Что-то не так... что-то не так... Чужие вещи, чужая жизнь. Ты потерялась, Люси Джонсон... А где-то стоит твой домик, светясь вечерами мандариновыми теплыми окнами, и маленькая девочка, взобравшись на подоконник, смотрит в темноту. Или это мальчик? Пожалуй, мальчишка даже лучше. Он глядит на ночь за окном, на мириады звезд в бархатном небе... А в уютной комнате голубоглазый мужчина тревожно посматривает на телефон. Они все ждут. Ждут: вот разжалобится кто-то там — свыше, и поставит все на свои места. Мальчик кинется к ней по росистой траве: «Мама! Я есть хочу. Ты обещала сделать пончики с медом!» — И обнимет ее колени, уткнувшись мордашкой в юбку. Промычит: «Папе без тебя скучно...»

...Затрещал телефон. Он здесь дребезжал довольно противно, с некой британской брюзгливостью. Ава вздрогнула. Надо сменить аппарат.

— Хелло! — призывно воскликнула она, но, узнав голос в трубке, разочарованно вздохнула. Режиссер. Увы, Ава ждала другого.

— Малышка, говорят, ты там грустишь в одиночестве? Может, даже анализируешь прожитое, размышляешь о смысле жизни? — насмешливо поинтересовался Стенли Крамер. — Если так, могу предложить тебе отличную роль. Представь: ядерная война уничтожила все живое на земном шаре. Горстка людей, оставшихся на австралийском материке, обречена на гибель — радиоактивное облако приближается с каждым днем. Прекрасная женщина еще молода, полна сил. Она отчаянно хочет жить, любить, она готова стать другой — эта взбалмошная, легкомысленная и сексапильная сучка. Но поздно. Кругом — только смерть. Понимаешь, поздно!

— О, это я как раз понимаю... — Ава вздрогнула от внезапного озноба. Это что, судьба наколдовала или ей снится? Она замерла, боясь спугнуть «сон».

— Эй, ты что там, спишь? — подул в трубку Стенли.

— Скорее, умираю... Твоя история как раз по мне, Стенли. Говенная история! И весь этот гребанный мир — помойка. Я знаю, на каком лексиконе с ним говорить... Когда планируете запустать?

— Чем скорее, тем лучше. Этот замысел не дает мне покоя. Слово и впрямь на носу вселенская катастрофа. Мы должны ее предотвратить, Ава! — Он засмеялся.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Она ответила серьезно:

— О'кей! Предотвратим, раз уж больше некому.

Роль Мойры в фильме «На последнем берегу» стала одной из лучших киноработ Гарднер, хотя и находилась вне основного, «царственного», амплуа актрисы.

В этой трагической ленте она создала образ светской красавицы, бессмысленно растратившей жизнь на ничтожные флирты, общение с мелкими людьми. На пороге надвигающейся смерти Мойра Дэвидсон мучительно осознает пустоту прожитого. Она судорожно пытается наверстать упущенное, испытать цельность сильного чувства, но на это, увы, у нее уже не осталось времени. Красота Мойры не хочет умирать, молит о сострадании и любви, но душа бунтует резко и грубо — бесконечные выпивки, истерики, скандальные сцены. Гарднер предстала в ином амплуа — измученная, отчаявшаяся, сходящая с ума от ужаса приближающегося конца, Мойра оказалась самым ярким персонажем этой страшной истории о конце света. Критики с восторженным уважением подчеркивали тот факт, что в ленте Крамера появилась неизвестная Гарднер, более сильная и глубокая, чем в прежних ролях.

Неудивительно: ведь именно в этой картине более чем где-либо она была настоящей — смятенной, загнанной в угол отчаянием. А «последним берегом» Авы, за который она держалась с тоской обреченного, как ни крути, оставался Фрэнк. Увы, было поздно и невозможно. Понимать и делать — не одно и то же. Теперь помудревшая Ава знала, как

надо жить, чтобы удержать любовь, и какой должна быть женщина, способная воплотить ее мечты о доме и муже. Но она не могла стать такой. И это тоже было ясно.

Успех фильма совпал со знаменательным моментом — в браке Синатры и Гарднер была поставлена точка. Говорили, что Фрэнк от расстройства пытался покончить с собой, когда Ава потребовала немедленного развода. Она в который раз в гневе из-за очередного флирта Синатры костерила его последними словами. А он, собрав волю в кулак, сказал: «Твоя взяла. Документы о разводе получишь от моего адвоката».

Развод был оформлен в 1960 году.

«Живу, вычеркивая дни и забывая имена...»

Потеря сблизила Фрэнка и вдову Богарта. Актриса Лорен Бэколл пустила в ход все свои чары, чтобы не упустить знаменитого холостяка. Пару часто видели вместе. И Синатра в конце концов сделал Лорен предложение, но, поразмыслив, так и не женился. Жизнь суперзвезды предлагала столько соблазнов, что ограничивать себя брачными узами было бы просто глупо.

Сорокапятилетний Фрэнк находился на вершине славы — как певец, киноактер, просто супермен, возлюбленный герой миллионов американских женщин. Если в тридцать лет для справочника «Кто есть кто» он обозначил свою профессию как «баритон», то в сорок шесть Синатра — уже

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

обладатель двух «Оскаров», собственной звукозаписывающей компании — не только актер, шоумен, но и бизнесмен. Насмешливая пресса удостоила его звания «первого великого певца спален наших дней». Журнал «Тайм» писал: «Он, безусловно, внешне похож на общепринятый стандарт гангстера образца 1929 года. У него яркие, неистовые глаза, в его движениях угадываешь пружинящую сталь; он говорит сквозь зубы. Он одевается с супермодным блеском — носит дорогие темные рубашки, галстуки с белым рисунком и запонки стоимостью тридцать тысяч долларов... Он терпеть не может фотографироваться и появляться на людях без шляпы или иного головного убора, скрывающего отступающую линию волос». В течение нескольких месяцев «Тайм» называл Синатру «одним из наиболее замечательных, сильных, драматических, печальных и порой откровенно пугающих личностей, находящихся в поле зрения публики».

Портрет противоречивый. В нем заметна естественная настороженность по отношению к человеку, сделавшему головокружительную карьеру, находящему энергию и силы, чтобы идти к цели сквозь любые препятствия. Не стоит спорить — он не был слишком щепетилен в выборе средств, о связях Синатры с мафией упорно говорили все, его откровенное стремление к дружбе с властями вызвало подозрение. Но он умел быть властным, резким, жестким и при этом проявлял внимание, уважительность, нежность. Миллионы людей сделали Фрэнки своей иконой, но были и такие, кто

боялся и сторонился его. Этому способствовали постоянные напоминания журналистов о связи «президента эстрады» с мафией. Америку потрясла история похищения сына Синатры Фрэнка-младшего. В 1963 году неизвестные увезли мальчика, упаковав в багажник автомобиля. Поисками занялись лично Сэм Джанкана и Роберт Кеннеди. Похитителей быстро обнаружили, и Фрэнк-младший был выкуплен за двести сорок тысяч долларов.

Осуществляя пожелания Джанканы «заняться бизнесом», Синатра выкупил «Кал-Нева-Лодж» — курортный комплекс на лесистом берегу озера Тахо. В рекламных объявлениях говорилось: «Небеса в горной сьерре». Но это был рай, облюбованный гангстерами.

Прелесть этого места состояла в том, что пограничная линия между Калифорнией и Невадой проходила как раз по территории курорта, деля пополам общественные помещения и плавательный бассейн. А так как законы штата Невада разрешали азартные игры, запрещенные в Калифорнии, здесь, в левом крыле, находящемся на территории Невады, работало вполне легальное казино. Этим бизнесом и было предложено заняться Синатре. Фрэнк с увлечением и знанием дела переоборудовал казино, нанял новых менеджеров, одним из которых был Пол д'Амато из Атлантик-сити по прозвищу Скинни (Тощий), представитель Сэма Джанканы.

После смерти отца дочь Синатры Кристина делает заявление о работе отца на мафию в течение двадцати лет. Опубликует свои материалы и ФБР,

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

намекая на причастность певца к мафиозным кругам. Особенно ярко освещалась деятельность его в качестве курьера: когда босс итальянской мафии в США Лаки Лучиано был депортирован в Италию, Фрэнки удалось вывезти на Кубу три с половиной миллиона долларов наличными! Кто бы еще справился с этим делом? В аэропорту певца окружила такая стена поклонников, что таможня не смогла толком проверить его кейс. В Штатах есть закон: «Не пойман — не вор». Пойман Синатра не был ни разу, однако подозревали его и в отмывании денег, и в связях с наркодельцами, и в подкупе политиков.

Можно принять этот вариант биографии «неистового Фрэнки». А можно согласиться с мнением тех, кто считает: при постоянных выступлениях в крупных клубах Лас-Вегаса невозможно избежать контакта с их хозяевами, кем бы они ни были. Особенно это касается Синатры, поскольку такого друга хотели иметь все — чтобы просто пожать ему руку или использовать в своих интересах. Единственное, что не вызывало сомнения, — вокальное и сценическое мастерство Фрэнка. Здесь уж лавры доставались ему по заслугам. Шестнадцать альбомов, последовавших за его музыкальным возрождением, стали не только его собственным величайшим достижением — они изменили вкус американской публики.

Исполнительская манера Синатры с самого начала впечатляла многих джазовых музыкантов. Легендарный Майлз Дэвис, записывая альбом *Porgy And Bess* («Порги и Бесс»), стремился к тому, чтобы его труба звучала как голос Синатры. Закорене-

лый авангардист Джон Зорн ставит Фрэнка в один ряд с Чарли Паркером по насыщенности импровизации творчеством высшего порядка. Саксофонист Джо Ловано, который в 1996 году записал альбом-посвящение Фрэнку, в свою очередь отмечает, что певцу удалось навести мосты между несколькими поколениями. И это подтвердил Боно, фронтмэн ирландской группы U2, вручая в 1994 году Синатре награду «Грэмми»: «Рок-н-роллищики любят его, потому что он обладает качествами, которые мы уважаем, — дерзостью и собственной жизненной позицией».

Спора нет, Синатра — личность грандиозная, наделенная целеустремленностью, работоспособностью, вкусом, интуицией, умеющая находить самый эффективный путь к победе.

Не только Синатра тяготел к особам высокого ранга. «Президента эстрады», как самую яркую публичную персону национального масштаба, стремились привлечь к себе власть имущие. Теплые отношения певца с президентами начал Рузвельт, пригласив Фрэнка на чашку чая. В конце пятидесятых, когда в США с официальным визитом прибыл Никита Хрущев с супругой, Синатра был церемониймейстером грандиозного приема для высоких гостей на студии «XX век — Фокс». На ужине собрались четыреста человек, и неутомимый соблазнитель Фрэнк пытался увести Нину Хрущеву в «Диснейленд» прямо с приема, однако ему помешала служба безопасности.

Что касается семьи Кеннеди, то им Синатра стал почти родственником, и не совсем бескорыстно: его

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

назойливой мечтой была должность посла в Италии. Он организовывал президентскую кампанию Джона и гала-концерт на его инаугурации. Говорят, в сентябре 1975 года шестидесятилетний певец провел ночь с Джекки Кеннеди-Онассис. А десять лет спустя Синатра, любимец президентов, получил медаль Свободы — высшую гражданскую награду США.

Синатра помогал в избирательной кампании Никсону, а затем и Рейгану. Но совершенно особая, детективно-лирическая история связана с загадочным треугольником: Синатра — Монро — братья Кеннеди.

«И путаница чувств, и сердца перебои...»

В конце 1960 года, вскоре после того как Мэрилин ушла от Артура Миллера, Фрэнк начал проявлять к ней особое внимание. Он подарил ей белого пуделя в замену Хьюго — таксы, оставшейся у Миллера. Она назвала собачку Маф (от слова «мафия») и считала эту кличку довольно забавной.

В 1961 году, когда Мэрилин после кратковременного пребывания в нью-йоркской психиатрической лечебнице «Пейн-Уайтни» прилетела в Калифорнию, Синатра предоставил в ее распоряжение свой дом на холмах Мель-Эр.

В начале июня Мэрилин прибыла в Лас-Вегас, где в отеле «Пески» начались выступления Синатры. На концерт съехалась избранная публика. Две сестры президента Кеннеди, певец Эдди Фишер со

своей тогдашней женой Элизабет Тейлор, голливудские знаменитости, политические деятели. Синатра был на высоте. Но все глаза были устремлены на Мэрилин. Присев на возвышение у эстрады, «возлюбленная Америки» покачивалась в такт музыке и хлопала ладонями по сцене. Платье с глубоким декольте открывало для всеобщего обозрения пышные груди. Она была так красива — и так пьяна! Отменное дополнение к любовным балладам Фрэнка!

На банкете, устроенном после концерта, Синатра ждал Мэрилин, и как только она появилась в зале ресторана, направился к запоздавшей красотке.

— Послушай, тебе лучше хорошенько проспать. — Он с силой сжал ее плечо. — Мэтью проводит тебя в номер. — Фрэнк кивнул одному из своих помощников, и нарушительница приличий была удалена. Наблюдавшие за этой сценой полагали, что отношениям скандальной сексбомбы и Синатры пришел конец.

Однако уже в августе 1961 года Мэрилин провела выходные вместе с Синатрой на его яхте. Она изо всех сил старалась держаться в приличной форме, но срывалась, злоупотребляла алкоголем и лекарствами. Синатра трогательно заботился о ее самочувствии, пытался вытащить из депрессии, дарил дорогие подарки.

Вскоре Мэрилин заговорила с Фрэнком о браке, начала устраивать «жениху» бурные сцены ревности. Возможно, именно из-за этого он объявил о своей помолвке с актрисой Джульет Проуз. Но связь с Джульет быстро оборвалась, и Синатра во-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

зобновил встречи с Мэрилин. Необоримое притяжение, расчет? Многие склонны рассматривать эту связь как выполняемое Фрэнком задание мафии. Близость Мэрилин с Синатрой была на руку всем настроенным против братьев Кеннеди. Фрэнк ввел Мэрилин в круг людей, среди которых было немало злейших врагов президента и министра юстиции. Они могли воспользоваться тем, что неотразимая секс-бомба встречается с обоими братьями — Джоном и Робертом. Молодая женщина, почти постоянно находившаяся под воздействием алкоголя и транквилизаторов, — отличное средство для передачи информации, полученной от влиятельных любовников.

Роман Синатры с Мэрилин развивался бурно и долго, хотя и с перерывами в несколько лет. Наконец в 1962 году он все же решил на ней жениться. В ответ на его предложение Мэрилин произнесла нечто загадочное: «Не стоит беспокоиться, я не задержусь здесь надолго». Синатра и Монро провели восхитительный уикэнд в роскошном отеле на севере Калифорнии. А через неделю Мэрилин не стало. «Как жаль, что я не успел спасти ее!» — эта мысль, возможно, мучила Фрэнка до конца его дней, но не помешала новым увлечениям.

В 1965 году возлюбленной Синатры стала девятнадцатилетняя златовласка Миа Фэрроу. Две недели подряд она мелькала перед глазами Фрэнка в самых шокирующих нарядах и добилась своего — он пригласил старлетку на десерт. Вскоре пятидесятилетний Синатра и юная Миа объявили о своей любви «городу и миру». Он подарил ей

кольцо 4 июля — в День независимости, а на следующее утро было устроено венчание. Критики этого брака, подсмеивавшиеся над возрастом жениха, вскоре получили по заслугам. Фрэнк нанял людей, и те постарались на славу. Практически каждый выпад против нового союза закончился для борзописцев шрамами или сотрясением мозга. Синатра не прощал обиды.

И не упускал возможности приумножить состояние. Он богател не столько за счет грамзаписей и фильмов, сколько за счет умения правильно вкладывать деньги. Больше всего Синатра ценил и любил свое ранчо в Палм-Спрингсе. Там он разместил коллекцию примитивного индейского искусства и сделал бассейн в форме рояля. Помимо ранчо певец владел недвижимостью в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, ресторанами и казино, фирмами грамзаписи и несколькими радиостанциями. У него были личные самолеты и акции множества компаний, в том числе концернов по производству баллистических ракет.

Но бизнес-проекты не отменяли любви к музыке и постоянного стремления к новому.

«Успеха власть, счастливый час судьбы»

Большую любовь публики завоевала возглавленная Синатрой группа «The Rat Pack» («Крысиная стая»). Прежде так называлась веселая компания кутил — певцов, актеров, разгильдяев, которую возглавлял Хамфри Богарт. После смерти Богарта смешное прозвище перешло по наследству к Синат-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

ре — теперь он был главным, и вокруг вились папарацци, старлетки, к ним стекались деньги Лас-Вегаса, и мир по-прежнему лежал у их ног.

Дин Мартин, Джуди Гарланд, Сэмми Дэвис-младший, Бен Кросби и другие голливудские знаменитости иначе как The Rat Pack себя не именовали. Многие из них снялись в фильме «Одиннадцать друзей Оушена», в котором Синатра сыграл главную роль — ту, которую в римейке 2001 года исполнил Джордж Клуни. Вместе с «Крысиной стайей» Синатра записал несколько альбомов рождественских песен, ставших классическими. Именно эти песни слушают в Рождество по всему миру. «Пошлют нам радость небеса...» — наивная песенка Долли, исковерканная восьмилетним Фрэнком, вернулась в великолепном исполнении. И чтобы ее услышали все, Фрэнку вовсе не надо было залезать на табурет.

Но более всего «Крысиная стая» прославилась своими песенно-юмористическими шоу, идущими по телевидению.

Фрэнк и «компания» в шестидесятые годы были воплощением крутизны. Мужчины хотели быть как они, жить как они, заниматься любовью как они — веселиться ночи напролет, укладывать в постель всех, кто попадет, и никогда не думать о последствиях. Люди хотели курить и пить до посинения, швыряться деньгами, снова чувствовать себя безответственными и безнаказанными школьниками... Девиз «Стаи» был прост: «Жизнью надо наслаждаться, и только тупые скажут, что это не так».

В общем, скучать Синатре было совершенно некогда. Ему частенько приходилось злиться и давать отпор врагам, хитрить, находить подход к нужным людям, искать пути к наиболее эффективной реализации своих возможностей. Счастливое сочетание бойцовских качеств с великолепной интуицией, чутьем и практической смекалкой сделали то, что сделали: Синатра был постоянно востребован как актер, как публичная персона, как символ, икона... Одно его присутствие или даже звучание его имени придавали проекту любого уровня весомый статус. Поистине, природа подарила ему самое дорогое — мощный заряд жизненной энергии.

Совсем к иному типу относилась Ава. Бурлящая юная энергия с годами растрачивалась, жажда удовольствий притуплялась. Для наполнения жизни иными стимулами у простенькой Люси не было никаких ресурсов, кроме внешности. Красота увядала, пустоту заполняла тоска, разгоняемая простейшим доступным ей средством — алкоголем. Ава все больше удалялась от шумного мира, общалась лишь с узким кругом самых преданных друзей, изредка снимаясь в кино и телефильмах. За ставнями викторианского дома в Кенсингтоне она обрела покой и уединение — то, к чему уже так давно стремилась.

Ее поведение становилось все более странным: Ава созывала друзей, а сама исчезала из дома; журналисты приходили за намеченными актрисой интервью, а мисс Гарднер лишь пожимала плечами: «Я никого не ждала!»

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Наряды от Валентино и Диора уступили место неприязательным свитерам, вязаным жакетам и английским юбкам. Она проводила почти все время дома, продолжала содержать свою сестру Баппи, с которой восстановила отношения после размолвки. Ава не копила деньги, не делала экстравагантных покупок и никогда не отказывала в помощи друзьям.

Синатра время от времени появлялся на ее горизонте. И каждый раз у нее оставалось впечатление, что они где-то серьезно ошиблись и все можно было бы сыграть по-другому — снять новый дубль.

Звонки Фрэнка были нередки, как правило, он осведомлялся, не требуется ли Аве какая-нибудь помощь. Милый добрый родственник.

— Ты слышала про меня? — спросил он однажды.

— Еще бы! О твоём намерении жениться на этой девчонке трещат все газеты. Совращаешь малолеток?

— Миа очень миниатюрна и стрижется под мальчика... Но ей уже девятнадцать.

— Ты ждешь поздравлений? Эй, что ты там притих, старый бабник?

— Мне грустно.

— Не смейся. Только будь добр, не трахайся с ней нон-стоп — ты уже не мальчик.

— Ава, мне правда грустно. — Голос Фрэнка был тихим и неуверенным — казалось, он хотел спросить у нее совета.

Она помолчала, с трудом собираясь с мыслями: «А что, если он придумал этот нелепый брак, чтобы

хорошенько разозлить меня, и теперь звонит, чтобы я сказала: «Нет! Ты нужен мне, мне!»

— Может, стоит повременить с заключением брака? — сделала она шаг навстречу.

— Слишком поздно, детка, — вздохнул Фрэнк. — Но знай: что бы ни было у меня с этой девчонкой... я по-прежнему люблю тебя...

Ава повесила трубку и разрыдалась.

На следующее утро привратник принес газеты. Увидев фотографии новобрачных, на которых коротко стриженная Миа напоминала тринадцатилетнего подростка, Гарднер отбросила газету:

— Я всегда знала, что он закончит в постели с мальчиком.

Что оставалось делать? Виски, пластинка Фитцджеральд, потом альбом Фрэнка «Одинокая ночь». На атласном покрывале — пепельница, полная окурков. Огромная пустая кровать и его ласкающий голос. «Моя единственная, я чувствую тебя всей кожей... В моих днях, в моих снах... и в судьбе — ты одна...» Так Фрэнк когда-то пел для нее... В конце концов это стало невыносимо. Ава позволила ему:

— Позови к телефону твою жену.

— Ава, ты уверена?

— Зови, не обижу. — Выпустив яркими губами сигаретный дым, Ава прищурилась, высматривая в сизых клубах ту, чья детская ручка сейчас брала телефонную трубку. Ей хотелось плакать и было страшно жалко себя, своих несбывшихся надежд.

— Миа? Привет, это Ава... Я только хотела сказать тебе... Хотела сказать... — Она закашлялась,

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

поперхнувшись дымом, голос внезапно сел. Ава почти прошептала: — Ты ребенок, которого у нас с Фрэнки никогда не было. И уже никогда не будет... — Не дожидаясь ответа, она бросила трубку на покрывало, зарылась лицом в подушки, заглушая рыдания.

«Моя единственная, я чувствую тебя всей кожей... В моих днях, в моих снах... и в судьбе — ты одна...» — пел бархатный баритон в пустой гостиной.

«Я заблуждался вновь и вновь, отвергнув назидания ошибок»

Брак Синатры продлился недолго. Миа Фэрроу курила марихуану, а Фрэнки этого не переносил. Через год супружества Миа, забрав только свое кресло-качалку, уехала в Индию медитировать с хиппи, а потом, вернувшись, связала свою жизнь с Вуди Алленом. Когда в начале девяностых Аллен решил жениться на ее приемной дочери кореянке Сун-и, Синатра предложил Мие помочь доступным ему способом — переломать Вуди ноги...

Фрэнк Синатра был одним из тех, кто привык называть вещи своими именами и в ком магически сочетались кулачная бравада и искушенность. Его друг Пит Хэммил однажды сказал: «Фрэнк часто ведет себя как королевская особа, что не мешает ему поступать порой в духе отъявленного хулигана. Он и плохой и хороший парень, и жесткий и нежный».

К середине шестидесятых Синатру начали изрядно теснить уже не только Элвис Пресли, но и побе-

доносные «Битлз», тягаться с которыми было не под силу никому. Синатра выступил в этой ситуации как мудрый учитель: он представил молодых певцов аудитории, как бы передавая эстафету новым кумирам. Робкий еще Элвис в строгом классическом костюме вышел на сцену, ведомый за руку «президентом эстрады». Синатра не боялся конкуренции. У него была своя постоянная аудитория, и довольно обширная. Да и его талант действовал по-прежнему гипнотически. 1965—1966 годы — время еще одного взлета популярности, третий пик в его полувековой карьере. За эти два года певец пять раз получал премию «Грэмми», которая увенчала два триумфальных альбома *September of My Years* («Сентябрь моих лет») и *A Man and His Music* («Человек и его музыка»), а также два сингла: *It Was a Very Good Year* («Это был очень хороший год») и *Strangers in the Night* («Путники в ночи») — бессмертную классику песенного жанра. Альбом *September of My Years*, симбиоз вокального джаза, традиционной и современной поп-музыки, лихо возглавил рейтинг продаж и достиг платинового статуса.

Создав собственную рекординговую компанию *Reprise Records*, Синатра проводил в ней, как минимум, половину студийного времени. Первый же сингл, выпущенный лейблом *Reprise*, — *The Second Time Around* — организаторы церемонии «Грэмми» назвали лучшей записью года.

Синатра находил время и сниматься в фильмах. В 1962 году вышел политический детектив «Манджурский экспресс», где он сыграл главную роль.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Казалось бы, он шел по своему пути без страха и сомнений. Но о том, сколько взлетов было у этого железного человека и сколько падений, рассказывают его песни.

В 1969 году Пол Анка перевел для Синатры с французского песню-шансонье *My Way* («Мой путь»).

— Я ухожу со сцены! Меня все достало. Я сваливаю ко всем чертям! — Фрэнк отбросил листок с текстом. А вскоре сделал запись, мгновенно ставшую хитом номер один.

And now the end is near;
And so I face the final curtain.
My friend, I'll say it clear,
I'll state my case, of which I'm certain...
I've lived a life that's full.
I've traveled each and ev'ry highway;
But more, much more than this,
I did it my way...

Мой путь, он долгим был,
Но я б его прошел сначала.
Мой путь, он труден был,
Я шел вперед, мне было мало.
И что частенько был неправ,
Я признаю без сожаленья.
Я жизнь прожил бы снова
Без сомненья!..

Это было решительное, без слез и сантиментов прощание с карьерой, признание ошибок, совершенных на своем трудном пути.

В 1971 году Синатра официально объявил о своем уходе со сцены. Но через два года он вернулся в студию и одновременно на телевидение. Свежий альбом и новое специальное телешоу назывались одинаково — *Ol' Blue Eyes Is Back* («Blue Eyes» («Голубые глаза»)) — общепринятое прозвище певца, ставшее его вторым именем). Так началась последняя глава его карьеры...

Синатра спел едва ли не все известнейшие американские хиты, а песня «Нью-Йорк, Нью-Йорк», записанная в 1976 году, стала неофициальным гимном США.

**«Все в жизни делал, как хотел,
и ни о чем жалеть не стану...»**

В постоянном люксе Фрэнка в отеле «Пески» царили чрезмерная роскошь, море света, цветов и дыма. Двое мужчин, обосновавшиеся в гостиной, отдыхали после концерта, курили, перебрасываясь репликами.

— Ты любишь жить на широкую ногу. А иногда ведешь себя как пьяный нувориш, швыряющий деньгами. Подарил «Кадиллак» другу юности! Какие сантименты! — бурчал тот, что постарше. Сидя у рояля, он расшнуровывал туфли.

— Санни — это не сантименты. Это жизнь. Толстяк Санни, по прозвищу Ларго... Маленький автомобиль — не его масштаб. А мои чувства к нему превосходят масштабы любого «кадиллака».

— Ларго! А я — Бинг! Как заладили тогда, в молодости, так и пошло. А куда подевался Гарри?

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

И кто помнит, что это мое настоящее имя? Ну, присосался ребенком к лоту «Бинго-Бонго»! Смешно. Семьдесят лет, а я все еще Бинг и все еще «счастливчик»! — Бинг Кросби, пожилой джентльмен, мэтр эстрады, бизнесмен и любимец Америки, облегченно вздохнул, сбросив туфли. И начал неспешно перебирать клавиши.

— Что-то мы ударились в воспоминания... Похоже, уж очень ностальгический получился концерт...

Фрэнк хитро улыбнулся:

— Вредно мужикам засиживаться вдвоем в столь прекрасную ночь. Я молчу о мулаточке из «Топаз»... Или как?

— Что они все стоят в сравнении с твоей новой песней, Фрэнки... Ты обошел «Битлов». И с огромным отрывом... — Бинг наиграл мелодию «Путников в ночи». — Strangers in the night... — напел он тихонько. — Кажется, что я ее всегда знал.

— Терпеть не могу! Сладко и липко. Те, кому нравится это фигня, наверняка обожают йогурт с ананасами.

— Не зарывайся, парень! «Путники» — то, что надо. Я мечтал о такой песне. А ведь у меня их было полно — настоящих шлягеров!

— Ты снял сливки. Не жадничай, учитель. Ты и не представляешь, как я балдел от тебя там, в Хобокене... — Фрэнк вышел на балкон. Внизу светилось море огней — они вертелись, взрывались, рассыпались в пронизанном цветными сполохами воздухе. Лас-Вегас — огромная машина удовольствий — катил на всех парах. И он далеко не последний винтик

в этом механизме. Оказалось, что и бизнес Фрэнки по зубам, не ошибся Джанкана.

— Учитель... Мне нравится, что ты называешь меня так, ученик!

...Ever since that night we've been together
Lovers at first sight in love for ever
It turned out so right for strangers in the night...

...Путники в ночи, два одиноких человека на пути,
На этом странном и запутанном пути, как тебя найти?
Нам так просто потеряться
И так трудно повстречаться...
Путники в ночи...

Кросби допел куплет вместе с Фрэнком. Оба рассмеялись.

— Учитель! Именно — учитель! А как иначе мне называть Бинга Кросби, а? Эх, видел бы ты меня тогда... Дотащился домой после твоего концерта как пьяный. Прямо громом шарахнутый... И ведь страшно подумать: без тебя я так и не понял бы, что умею петь! Летал бы или стал каким-нибудь инженерешкой. Нормальный, словом, был бы парень. О, как же я завидовал тебе и как хотел петь... Мама миа! Чуть крыша не поехала.

— Ты поешь лучше. Ты сумел вобрать все самое вкусное и сплести так тонко, словно все к тому и катилось — черный джаз, белый джаз только и ждали, чтобы выступить в обнимку. Куда уж мне... Читал, что пишет Хауард Райк? «Исполнительский стиль Синатры, свободный, яркий и проник-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

новенный, столь же отличается от мечтательного и успокаивающего пения Бинга Кросби, как глоток джина от кружки теплого молока». Теплое молоко! И чем ему плохо молоко? Конечно, если сравнивать с джином... — Он, морщась, пошевелил пальцами ног. — Чертовы туфли! На заказ делал сам Фонштейн! Ходить не могу. И все эти косточки на ступнях. Скажи на милость, как мне удавалось с такими ступнями удерживать марку «счастливица» столько лет? Проторчал на сцене тысячи часов, вместо того чтобы отдыхать в инвалидной коляске.

— А у меня плечи ноют. Особенно ночами. Не петть же об этом! Петть можно только о счастье. Эти бесконечные вопросы: почему его нет, куда оно делось, как его поймать и что это за штука, если уж ухватил. Интересно — никогда не надоедает!

— Как и жизнь. По крайней мере, у таких счастливиков, как мы. — Кросби сел на диван, с наслаждением вытянул ноги. Взял с низкого столика запотевший бокал. — Ну, кто скажет, что мы не хозяева на празднике жизни?

— Тот, кто считает, что мы лишь путники в ночи...

Акции золотых приисков и урановых рудников давно сделали Кросби богатым человеком, которому совершенно не обязательно было выходить на сцену. Но он выходил. Выходил и пел. Пел, как и всю жизнь, о счастье. В 1977 году, во время концерта в зале «Амбассадор» в Неваде Бинг упал с эстрады. Ему было семьдесят три. Пришлось сдавать позиции. Все чаще сцену он менял на гольф — игру

миллионеров. Умер он 14 октября 1977 года от сердечного приступа прямо на поле. Разве не мечта истинного короля песни и джентльмена?

«Мечтать о несбыточном, стремиться к недостижимому, каким бы безнадежным и невероятным это ни казалось»

Эти слова из песни Синатры стали девизом многих. Фрэнки доказал, что в них заключена подлинная мудрость, руководство к действию. Ава же поняла, что мечты о недостижимом — лучший способ оказаться в хронических капитулянтах. Ее наивный принцип «все или ничего» в сочетании с пассивной жизненной позицией все чаще оставлял ее с пустыми руками.

Она сильно изменилась. Испарилась та летучая энергия, которая переполняла юное существо, ушли запал обольстительной женщины, плотский зов соблазнительницы, легкомыслие молодости, многое прощающей себе и другим.

Возрастные роли Аву не интересовали, проходящие романы не радовали. Ее не привлекали и «плоды славы» — вращаться в обществе, изображая голливудскую диву, поддерживать имидж звезды казалось утомительным, неинтересным. Она не боролась за сохранение красоты — пластические хирурги и всяческие ухищрения стареющих красавиц не привлекали скучающую женщину.

Кино... Да, оно могло бы держать в напряжении. Но не ее. Никогда Ава не отличалась особым трудолюбием и фанатизмом творчества. Ее силь-

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

нее влекла жизнь. Но голливудскими страстями — интригами, завистью, азартом соревнования — жить ей было не интересно. Для этого она была слишком легкомысленна и совершенно не амбициозна.

К съемкам Ава относилась несерьезно и рассеянно, хотя играла с лучшими актерами, снималась у лучших режиссеров. Уже охладевшую ко всему Аву случай подвел к тому рубежу, за которым она могла бы стать большой актрисой, если бы захотела. В 1963 году она прекрасно сыграла в паре с Ричардом Бартоном в замечательном фильме Джона Хьюстона «Ночь игуаны» по пьесе Теннесси Уильямса. Ава утвердилась как сильная актриса. Но было поздно.

Ко времени съемок фильма с ней уже нельзя было работать в часы после ланча. Любовь к выпивке привела ее к хроническому алкоголизму, а сама она перешла из разряда красавиц, опасных своей прелестью, в разряд красавиц, опасных пьяной скандальностью.

За исполнение роли Мэк-син Фолк в картине «Ночь игуаны» в 1964 году Гарднер был присужден приз XII Международного кинофестиваля в Сен-Себастьяне. О, как мало волновало ее мировое признание теперь, когда она уже ничего не ждала от жизни!

Благодаря магической красоте и притягательному шарму Ава Гарднер свыше трех десятилетий оставалась символом Голливуда. В ее послужном списке более шестидесяти ролей. Она играла очень разных героинь, но почти всех их объединяли не-

удовлетворенность, неуспокоенность, присущая даже королевам.

Волевая, властная императрица Элизабет в романтической ленте «Майерлинг», снятой в 1968 году Теренсом Янгом, внушала сыну: «Мы комедианты, которым надо играть до конца». Эти слова мало применимы к реальной Гарднер. В отличие от многих звезд она вовсе не была одержима идеей своей миссии в искусстве, своего места «на небосклоне» и не старалась удержаться «в обойме». За роли стареющих аристократок, которые Ава играла до шестидесяти пяти лет, она бралась лишь ради денег.

Фрэнк Синатра часто приезжал к ней в Лондон и был, пожалуй, единственным человеком, кого она еще хотела видеть рядом.

«Одиночества жребий — твой выбор, Люси...»

...Вот и пятьдесят. Смешно даже, что это случилось с ней. Откуда взялись мягкая складка под подбородком, поплывший овал лица, обладавшего, казалось, прочностью мрамора? Волосы подстрижены — это выглядит моложаво. Моложаво? Но не с таким же тяжелым взглядом встречают собственный день рождения молодые женщины. К тому же Рождество. Баппи звонила. Звонили друзья — веселые голоса из Мадрида, из Америки. А букет она получила только один — полсотни алых роз. Нет, не от Микки Руни, забрасывавшего цветами девятнадцатилетнюю старлетку. Говард Хьюз — он не

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

забыл. Забавно, все твердят, что бедняга окончательно сбрендил, купил целый отель в Лас-Вегасе, дабы безвыездно проживать в пентхаузе, и телестанцию поблизости, чтобы смотреть фильмы круглосуточно. Говорят, он много лет не спускался с крыши. Сумасшедший, а вспомнил. А Синатра в своем уме, потому и не думает о бывших женах — спешит нахватать деликатесов с пиршественного стола. Вспомнил о ее юбилее лишь на следующий день, наверняка прочел в газете. Поздравил по телефону. Она рассказала про розы Хьюза. Он — про запись нового альбома.

Нанес визит лишь через полгода — попал в Лондон конечно же по делам, но хоть не забыл зайти.

— Что-то тебя не видать на светских тусовках, — хмурился он, отмечая изменения: Ава поникла, зеленые глаза погасли. В лице — одутловатость и тоска пьющего человека. Боже, куда все подевалось? Фрэнк поморщился и соврал: — Выглядишь отлично.

— Советуешь выбираться на тусовки? Да ты за кого меня принимаешь! Я не Лорен Бэколл — вездесущая старая коза! Проводит дни в салонах красоты, часами сплетничает по телефону, закупает горы нарядов... Чтобы затащить в постель очередного жиголо или вечерок потолкаться среди знаменитостей. Мне-то зачем ваши гулянки? Разве я кому-нибудь интересна? Давай лучше выпьем. — Ава достала новую бутылку виски, высыпала в антикварную испанскую вазу пакет воздушной кукурузы. Вялые движения, растянутый свитерок, тапки со свалявшейся меховой опушкой. Взгляд в пустоту.

Казалось, ничто не могло вывести ее из состояния вечной скуки.

— Ты кинозвезда, и очень яркая. Тебя и сейчас приглашают на хорошие роли...

— Что за ерунду ты несешь, милый? Какая глупость — «кинозвезда»! Что за идиот это придумал? Недавно мне предложили сыграть роль «шикарной, богатой, но одинокой женщины». Как тебе это нравится?

— Не понимаю, что тебя возмущает?

— «Вы что, издеваетесь? Да я играю ее всю жизнь!» — вот что я им сказала. Всю жизнь — богата и одинока.

— Наверное, ты и вправду была слишком красива для нашего мира. И здорово наивна. Твой принцип «все или ничего» — это же путь к банкротству. Бегство от трудностей! Нежелание бороться! И скука! Как хочешь, мне этого никогда не понять!

— Ой, ой! Меня учит сам Президент шоу-бизнеса! Мистер Удача!

— Я всего добился сам. И если ты скажешь, что мне помогали, то помогали именно потому, что я такой! А не поджавший хвост лузер, оплакивающий в углу свои неудачи! — Фрэнк завелся, мечась по комнате. — И мне никогда не бывает скучно! Тяжело, больно — да. Но скучать — извини...

— У тебя есть любимое дело.

— А у тебя кино! — Он, конечно, хотел сказать другое: если она не бросит пить, то кино будет открыто для нее навсегда.

— Кино? Пс-с... Ты думаешь, я понимаю что-нибудь в кино? Думаешь, оно для меня что-то значит?

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Как ему хотелось хорошенько встряхнуть ее, выбить всю эту меланхолию, бутылочную тоску... Фрэнк сделал два глубоких вдоха и лишь покачал головой:

— Я все еще плохо знаю тебя, Ава.

— Арти сказал однажды, что боготворит мое тело и ненавидит душу. Ненавидит, а?.. За что? Разве я злодейка?

— Твою душу втиснули в чужую одежду. Платье с маками Люси — это твое родное, в нем ты могла быть сама собой — дурачиться, посылать к чертям, плясать на столе босой и говорить, что взбредет в голову.

— А на меня напялили королевский венец... — Ава пальцем развозила по столу лужицу вина, потом вытащила из вазы нарцисс и положила венчиком в лужу: — Пусть тоже пьет. Я поняла, в чем дело: в короне нельзя говорить, что взбредет в голову, и дурачиться. Верно?

— Ты не королева и не простушка. — Фрэнк стиснул кулаки. — Ты совершенно особый зверь. Гибрид. Смесь королевы с Золушкой, голливудской шлюхи с деревенской девчонкой, хранящей девственность. И вот эта невероятная смесь, обманчивая, зыбкая — дурман! Дурман, от которого все мучаются, и ты сама прежде всего.

— Спасибо. Приехал, объяснил. Теперь я могу умереть спокойно, как смесь, гибрид, зверь... Напиши это в эпитафии.

— Перестань, Ава! Да проснись же ты! — Схватив за плечи, он поднял ее со стула и посмотрел прямо в глаза: — Слушай! Слушай меня внима-

тельно: так больше нельзя. Ты убиваешь себя. Я устрою тебя в лучшую клинику. С этим теперь прекрасно справляются. Ты вспомнишь, что такое быть трезвой. Быть в рабочей форме.

— А кому я нужна трезвая и в форме? Пусть, больно. Ха! Кино! — Смеясь, Ава вырвалась и продолжала хохотать уже сквозь слезы.

— Мне! Мне нужна! Молодая или с морщинами, ты далеко не безразлична мне. — У Фрэнка сжалось сердце от жалости. В памяти промелькнули вот такие истерики — с рыданиями и безумным смехом. Тогда они любили друг друга и ухитрялись постоянно ранить, больно ранить. А ведь надо было спасать. Он должен был спасти Аву. Она оказалась слабее, чем он думал. И вырвались слова: — Я все еще люблю тебя...

Они молча смотрели друг на друга, искра надежды, единственной правды гасла под натиском хлама житейской мудрости, превращавшей мечты в пепел.

— Любишь меня, а живешь с другими... Старый кобель! Другие, всегда другие! Чтоб тебе провалиться! — Она бросила в него бокал. Стекло зазвенело, разбившись о стену. Фрэнк медленно направился к двери.

— Жаль, что у нас не получился ребенок, — произнесла ему вслед Ава. Он даже не обернулся, надел шляпу и вышел. Она слышала, как прогремели по деревянной лестнице его быстрые шаги. Ей все же удалось вывести из себя этого самовлюбленного индюка.

До Авы долетела печальная новость: у Ланы Тернер обнаружили рак горла.

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

После судебного процесса над Черил начался новый период ее жизни. Мэрилин Монро заняла место голливудской «вамп», Лане все чаще приходилось играть возрастные роли. Впрочем, историки Голливуда отмечали, что ее сексапильный силуэт, за которым неизменно следовал изящный мальчик-парикмахер, так и остался воплощением вечной бодрости духа.

Как-то, после операции на гортани, она позвонила Аве:

— Эй, ты, говорят, совсем расклеилась? Погоди, вот вырвусь от этих неугомонных врачей и приеду к тебе. А что? Давно хотелось пожить в Лондоне. Мы там с тобой наведем шороху, моя дорогая. Уж это я тебе обещаю...

Но Лондон они уже не покорили. Лана умерла в 1995, пережив подругу на пять лет.

**«Я жал на газ, что было сил, взлетая
на ухабах лет, словно на бешеном хайвее.
Скорость — мое дыхание»**

До 1975 года Синатра жил холостяком. Однако свое шестидесятилетие он решил отметить новым браком. На сей раз с очаровательной Барбарой Маркс — бывшей супругой известного комика, которая была моложе его на четырнадцать лет. Среди почетных гостей на свадьбе были Рональд Рейган (позже Синатра сопровождал его в предвыборной поездке по США), Кирк Дуглас и Грегори Пек. Газеты захлебывались от восторга: неужели к Фрэнки пришла настоящая любовь?

Увы. После развода с Авой он крушил все, что имело отношение к его личной жизни, и этот брак не стал исключением. По-настоящему он любил только свою мать. Но Долли Синатра погибла в авиакатастрофе через год после его свадьбы — летела в Лас-Вегас на его концерт. На ее похоронах Фрэнк горько плакал — возможно, впервые в своей взрослой жизни.

Возможно, он давно сломался бы, но творчество, бизнес, любовь публики заставляли его все еще держаться на плаву.

Он пел в благотворительных концертах, и в результате Рональд Рейган пригласил Синатру участвовать в его инаугурации в 1981 году. Теперь его принимали и в Белом доме. Нэнси Рейган приглашала певца даже на закрытые приемы. Он устраивал концерт в честь визита королевы Елизаветы II в 1983 году. А в 1984-м вновь принимал участие в кампании Рейгана и из рук главы государства получил высшую награду страны — Президентскую медаль Свободы.

Слышать и читать обо всем этом было просто невозможно! Аву раздражали восторженные вопли журналистов, постоянные сообщения по телевизору: Синатра то, Синатра се! Такое впечатление, что Америке без него хана и весь мир забьется в конвульсиях. Она испытывала некую злобную радость, засовывая в мусорное ведро газеты с его фото или отключая «ящик», как только начинал звучать его голос. Но однажды отвертеться не удалось.

Миссис Мэри Керолл — лондонская соседка Авы, с которой она иногда встречалась в сквере, похоже,

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

специально поджидала Гарднер на скамеечке, дабы обсудить с ней новости кино и, конечно, поговорить о Синатре. Ведь она была совсем одинока, эта выцветшая, сморщенная англичанка, так любящая искусство!

Именно миссис Керолл оказалась на пороге, когда разбуженная звонком Ава, не дождавшись привратника и тихо ругаясь, отворила дверь.

— Милая моя! Тысячу извинений — пришлось явиться без предупреждения — у вас, видимо, отключен телефон. Я боялась, что вы пропустите... — Женщина прислушалась. — Вы не смотрите телевизор?! Как хорошо, что решилась зайти.

Пришлось проводить даму в гостиную и врубить «ящик». Как раз начинали показывать запись концерта Синатры. Об этом миссис Керолл и пришла сообщить Аве, и даже выразила желание посмотреть передачу с ней, чтобы пережить впечатление вместе с бывшей супругой потрясающего певца.

Ава с трудом приходила в себя после сна, в последнее время она позволяла себе поспать в любое время суток.

На экране появился зал вашингтонского крытого стадиона — колоссальный человеческий улей, набитый до отказа. Не оставалось даже стоячих мест, люди заполнили все проходы. На эстраде застыл наизготовку оркестр. Симфоджаз, как сказала миссис Керолл. Дикторский голос торжественно возвестил о начале концерта и, сделав трепетную паузу, выдохнул на цирковой манер: «Фрэнк Синатра!» Аплодисменты обрушились лавиной. Оркестр начал вступление к главному хиту Синатры,

который называли его «автографом», — Strangers in the Night. Из глубины затемненной сцены под первые такты музыки появился человек — на лоб надвинута шляпа, на плече светлый плащ. Он! Великий Фрэнки! Мистер Голос! Зрители встали и минут десять сотрясали стадион аплодисментами. Он улыбался в ответ благодарно и гордо, делая знак рукой в сторону оркестра, словно передавая ему почести публики.

— Господи, ваш муж великолепен! — прильнув к экрану, выдохнула миссис Керолл.

— Мужуки далеко за шестьдесят, а энергии — на десятерых, — буркнула Ава и про себя добавила: «Неугомонный козел! Слава богу, не в моем огороде».

— Еще бы — все эти люди дают ему силы! Они так любят его! — Миссис Керолл с любопытством поглядывала на реакцию Авы, а та, изобразив заинтересованность, едва удерживалась от искушения выключить телевизор. Не очень-то это приятно: наблюдать за торжеством того, кто предпочел тебе другую. Других! Целый табун других. Словно подчеркивая, что любая шлюшка, в какую только не ткни пальцем, лучше нее, Авы. Да еще эти бесконечные всхлипы восторгов, эти массовые беснования, которые она вынуждена наблюдать, стоя бедной сироткой на обочине его славы...

Наконец-то Синатра смог запеть... Зал затаил дыхание, лоя каждую ноту. Одинокий путник в ночи... Миссис Керолл заплакала. Ава поднялась и вышла в другую комнату:

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Извините, Мэри, мне надо позвонить режиссеру. Предлагают очень интересную роль. — Виски помогло приглушить бешенство. Она сидела за стеной, подкрепляясь выпивкой и помимо воли ловя отзвуки его голоса. Долго, очень долго звучали песни, отмечая вехи их жизни — вместе и врозь. И вдруг — «Мой путь»!

Ава бросилась в гостиную, застыла у двери, словно загипнотизированная. Эта песня звучала у него всегда по-разному! В начале, впервые записывая ее, Фрэнк был преисполнен даже некоего высокомерия — мол, МОЙ путь, МОЕ откровение — это вам не хухры-мухры. Самовлюбленный тип держал себя королем даже тогда, когда подводил итог и прощался со сценой. Теперь все по-другому! Нет сомнения, он поет для нее, Авы. Проникновенным, разбивающим сердце голосом Фрэнк признавался в крушении всех надежд и просил прощения у тех, кому нанес раны или не сумел принести счастья. Но как гордо звучали слова! Теплый свет наполнил ожесточившуюся душу Авы: жизнь прекрасна! Прекрасна, что бы ни было в ней...

— О, Фрэнки... Что же ты с нами сделал... — Слезы текли по ее щекам, и не было им конца. Она не заметила, как утихли овации, завершившие концерт, как деликатно покинула ее миссис Кэрролл.

...В 1980 году Ава снялась в последнем своем фильме — незначительный эпизод, для денег. Фрэнк изредка навещал ее — теперь они больше молчали. Седой голливудский казанова и постаревшая кинобогиня сидели у камина и, глядя на огонь,

думали о чем-то своем. В комнатах валялись коробки с лекарствами, Ава часто болела — давление, бронхи, гастрит и прочие прелести, о существовании которых и не подозревала раньше.

— Ава, ты когда-нибудь соберешься навестить мой дом?

— Смеешься! Я и в самолет-то не сяду. Когда влезла в него тогда, в первый раз с Клифом Оуэном, даже не знала, что боюсь летать.

— Ты никогда не говорила мне, что боишься... Впрочем, что мы знаем о себе в молодости. Я ведь думал, что выгляжу сущим недоростком. Оттого и махал кулаками направо и налево. А теперь посмотрел запись последнего концерта из Королевского зала — красавец!

— Я видела... Кусочек. Вообще я не часто смотрю. Но тут... Случайно включила и... Если честно, никогда не думала, что ты так здорово поешь.

— Насмешила. Надо было дотянуть до семидесяти, чтобы понравиться тебе.

— У тебя отличная накладка, никогда не скажешь, что это не свои волосы. И шляпа теперь ни к чему — породистый джентльмен. Порода — это покоряет сразу. В каждом движении, каждом звуке. А поешь — у меня все внутренности перевернулись. Чуть удар не хватил.

— И меня! Знаешь, когда они встречают меня аплодисментами... иногда не могу удержать слезы. Встречают, как родного...

— Еще бы, в твоих песнях вся их жизнь. Под них они влюблялись, женились, рожали, болели, боялись и радовались... — Ава кивнула на тумбочку с

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

проигрывателем, забитую пластинками. — И ведь подумать только — какая ерунда эти черные диски! — Вдруг рассердилась: — И не говори мне про магнитофон! ТОГДА мы слушали пластинки. Взялись в постели, обнимались, жевали пиццу и меняли диски. Люблю, когда они вертятся. Пусть это будет... — Она пожала плечами и подняла на него вспыхнувшие глаза: — Пусть это будет памятник...

Фрэнк сжал ее руку, лежавшую на подлокотнике кресла:

— Я давно хотел сказать... боялся, ты не так пойдешь... хотел, чтобы ты просто увидела сама. У меня в саду, там где... ну, в общем, на нашем любимом месте, стоит статуя Венеры. Та, что ваяли с тебя для фильма о Марии Варгас, помнишь? И подпись — «Мой Ангел». Когда меня спрашивают про нее, я так и говорю: «Это мой Ангел». А что удивительного? Ангел должен быть у каждого. — Он мотнул головой, отгоняя слезы. — Слушай, ты вообще когда-нибудь что-нибудь ешь?

— Теперь выясняется, что ничего. Если ты не считаешь едой шоколадки и чипсы. Кажется, я и впрямь тяну на роль Ангела?

«Путники в ночи. Мы — всего лишь путники в ночи, потерянные и одинокие»

В 1989 году случилось неизбежное: одинокую женщину, так и не расставшуюся с алкоголем, сразил инсульт. Синатра положил Гарднер в хорошую больницу: ее состояние требовало постоянного уxo-

да, а уход и лечение — денег. Платил за все Фрэнки, потратив в общей сложности более миллиона долларов.

Ава не была брошена, но все острее ощущала одиночество здесь, в неподвижности, лишенная привычных вещей и привычного виски. Отдельная палата, окно в сквер. Частичный паралич и милые сиделки. Транквилизаторы, долгий сон. Жизнь уходила сквозь пальцы, а ей было не так уж много — шестьдесят восемь лет. В тридцать два, когда умер Богарт, она считала, что и пятьдесят — это уже глубокая старость.

В последнее время все чаще являлись «посетители» — из тех дней, когда жизнь только засветилась начальным титром и обещала длинное, бесконечно длинное повествование — увлекательную киношку, которой нет конца. Они вновь были молодыми и невозмутимо легкомысленными... Как она ухитрилась растерять всех близких людей? Умудрилась остаться одна?

Это было интересно — вспоминать прожитое и переделывать его по-иному. Так, чтобы и конец был иным. Жизнь с Фрэнки сложилась, родившийся сын стал их радостью. Теперь он уже взрослый... Кажется, тогда, в пятьдесят третьем, доктор в госпитале Уганды сказал, что у нее был мальчик... Интересно, кем бы он стал? Ава прикидывала и так и этак, все больше уходя в игру. Не актером, нет. Летчиком!

Она слабела и молодела, словно становилась прозрачной, как изображение на засвеченной киноплёнке — вот-вот растает. Покойная, тихая,

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

никому не нужная. Но старуха с косой все же нашла ее и, подкравшись, нанесла удар: удушающий кашель, температура, хрипы. Диагноз — бронхопневмония. Борьба врачей оказалась тщетной — Ава умирала.

Словно добившись своего, кашель утих. Она задышала спокойно и закрыла глаза. Сквозь веки прорвался розовый свет. Свет становился все мягче, теплее, расплавляя стены, заливая зеленеющий сквер за окном, и в этом сиянии — сверкая никелем и дыша ароматом свежей малины, соткался из воздуха длинный автомобиль. Люси ринулась навстречу — босая, с разметанными по плечам волосами. Она знала, кто выйдет навстречу, и он появился, протянул к ней руки — молоденький Фрэнки, смешливый, большеглазый, как в бродвейском мюзикле, в цилиндре и фраке цвета утренней зари.

— Твои волосы пахнут весенним лугом. Твоя кожа — как крыло бабочки... — прошелестел знакомый голос. — Я приехал, чтобы забрать тебя и никогда больше не расставаться...

— А я ждала! Все ждала, ждала... — Люси повисла на его шее, заметив, как высок и крепок ее герой. — Мне снился страшный сон. На самом деле все по-другому, правда?

— Совсем по-другому. Ты же теперь знаешь! — Он поцеловал ее изящно, как целуют партнершу в финальном кадре, чтобы не испортить грим и прическу. Даже вроде не касаясь. — Мы будем счастливы, Ангел мой...

25 января 1990 года Ава Гарднер тихо скончалась в Лондоне в Кенсингтонской больнице. Тело

отправили в Южную Каролину, где на кладбище Смитфилда покоилось семейство Джонсон.

Никто из бывших друзей на похоронах не присутствовал. Синатра позаботился обо всех последних счетах Авы, но на церемонию прощания не прилетел.

То, что осталось «за кадром»

...Клара Залежски вырастила мальчика, названного Мартином. «Дома она звала меня Фрэнки, но не хотела, чтобы кто-то слышал это. Бедняга, она всю жизнь боялась, что Ава Гарднер или Синатра разыщут меня. И вот газеты сообщили, что Авы больше нет. В эту ночь Клара пришла ко мне в спальню, села в ногах кровати и проговорила всю ночь. Она рассказала мне «всю правду» и в доказательство показала коробку со своими «драгоценностями», — пожелтевшую газету 1953 года с сообщением о выкидыше у Гарднер и удостоверение о том, что Клара Залежски именно в это время работала старшей медсестрой в родильном отделении угандского госпиталя. Бедная, она придумала эту историю, чтобы оправдать свою жизнь, мою. Свою немеркнущую любовь к Синатре и мое странное увлечение им. Да, я унаследовал эту необычную связь Клары с Фрэнком, я наблюдал за ним всю мою жизнь. Удивительно? А каким еще мог вырасти ребенок фанатки великого певца, безусловно, психически надорванной этой всепоглощающей страстью?

— Почему ты не рассказала мне этого раньше?

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

— Боялась, что ты уйдешь к ней, своей матери, если узнаешь все... Прости... — Она упала ко мне на грудь и прижалась — худенький цыплячий костяк вздрагивал под моей ладонью. Я не сказал ей ни слова, лишь поцеловал бедные, в скудный пучок собранные волосы. Они пахли так, как пахнет слово «родной». Почему я промолчал тогда? Почему не сказал: я люблю тебя, мама...

Через месяц Клара Залежски умерла. Я остался один со своими мыслями. Странная история, в которую мне хотелось верить. Хотя единственной реальностью был тот факт, что я и в самом деле родился сильно недоношенным и жил на инвалидное пособие — мои ноги, искореженные детским параличом, остались неподвижны. Зато я научился хорошо читать и писать и теперь, оставшись один в сорок семь лет, с новым пылом продолжил упоительное занятие — изучать судьбы Фрэнка и Авы.

Я рылся в их жизни, подглядывал, вынюхивал. Совесть, всполошившуюся против черного дела, успокаивал тем, что это и моя жизнь. Я имею право вернуть себе кусок своего бытия, пусть даже не отец с матерью рассказали мне свои тайны. Пусть все было не так, пусть все ушло, и никто никогда не узнает, как и что происходило на самом деле, какие слова звучали в том воздухе, в котором разливался его голос, в те часы, когда ее кожа пылала под его поцелуями. Ничто не возвращается. Мы все уносим с собой.

Отец не старел. На пороге восьмидесятилетия он был все так же строен, подвижен, полон энергии.

Серебристые волосы подчеркивали бронзовый загар и яркость глаз. Даже издали было видно, что этот человек хочет сделать еще многое. В 1993 году Синатра записал новый диск — «Дуэты», исполнив свои самые известные песни вместе с Барброй Стрейзанд, Шарлем Азнавуром, Боно, Хулио Иглесиасом и другими звездами поп- и рок-музыки. Этот проект был удостоен премии «Грэмми». Год спустя певец принял участие в открытии роскошного «Беверли-Хиллз Отеля» вместе с Лайзой Миннелли и Энтони Хопкинсом.

Его записи по-прежнему занимали первые строчки хит-парадов! Он неоднократно объявлял о завершении своей концертной деятельности, однако эти «обеты» прерывались все новыми и новыми триумфальными гастроями (ЮАР в 1981 году, Аргентина и Атлантик-Сити в 1982 году, совместное турне с Лайзой Миннелли в 1989 году) и новыми хитами.

25 февраля 1995 года восьмидесятилетний певец дал прощальный концерт.

Казалось, вся Америка пришла поздравить немеркнущую звезду Фрэнка. В родном городе установили прижизненный памятник и устроили грандиозный праздник. В Нью-Йорке закатили грандиозный прием. Самые выдающиеся персоны заверяли нас в том, что бархатный голос этого человека — это голос двадцатого века. Признаюсь, мороз пробежал по моей спине, и я добавлял про себя: «Века последних романтиков и искателей приключений».

С радостью в сердце я читал заметки, сообщающие, сколько добра делал этот «хороший-плохой»

Фрэнк Синатра: Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

парень. Помогал стареющим в бедности актерам, горячо выступал против расовой нетерпимости, подарил «Кадиллак» старому приятелю, другому — шикарное фортепиано, третьему дал пять тысяч долларов на свадьбу. Когда стало известно, что в полной нищете умер легендарный киноактер Бела Лугоши, Синатра оплатил все расходы, чтобы достойно похоронить этого человека...

Нет, нет, нет! Он не бросил своего сына. Он и не подозревал, что на свете существую я. Может, иногда вздрагивал, словно ощущал на себе чей-то взгляд. О чем-то вдруг задумывался, не закончив фразу. Но ведь такое случается со всяким и совершенно ничего не значит.

...Вот и все, что я успел написать. Сегодня все СМИ заголосили. Синатра госпитализирован в экстренном порядке. Полагаю, его дела плохи. А это значит... Это значит, что я уже никогда не увижу отца. И еще... я знаю, сработает таинственная связь между нами, я должен поторопиться: мое время истекло. Я собрал свои рукописи в папку и написал то, что предворяет этот рассказ. Затем указал на листке адрес, по которому поручу хозяйке отправить бандероль, если... Если и в самом деле я больше не стану писать. Мой рассказ получит человек, с которым я незнаком, но которого давно знаю. Сын Санни Ларго стал «двойником» Синатры. Он значительно моложе оригинала и, уж не знаю почему, одарен голосом, который так похож... похож... Только лишь похож. Да прости меня, Алекс, и сделай с этими листами все, что сочтешь нужным».

Часть третья. Фрэнк и Ава

Я ставлю точку и смотрю на часы — вся ночь впереди, мне нечего больше писать. Если только последнее «прости»...

13 мая 1998 года я разложил на столе сувениры моей бедной матери — той, что спасла мою жизнь, и зажег свечи — так, как это делала она. Поставил пластинку из альбома, который Фрэнк записал в 1962 году с оркестром Каунта Бэйси, и распахнул окно, выпуская на волю звуки.

На дворе было темно, но в моем сердце словно восходило солнце. Сумрак безнадежности и вселенской тоски бежал прочь, но оставались тени — тревожно вибрирующие тени. И именно в этот момент Синатра покидал наш мир, уносясь в вечность. Об этом я узнал на следующий день.

От составителя

Смерть без комментариев

Последний листок, написанный рукой Мартина, я перепечатал точно, ничего не правя.

Добавлю лишь, что на месте дома Синатры в Хобокене торжественно возведен памятник. Само здание погибло много лет назад в сильнейшем пожаре, вспыхнувшем по невыясненной до сих пор причине. Огонь уничтожил всякое напоминание о детских годах артиста, и с тех пор Фрэнк Синатра старался более не приезжать в Хобокен. Лишь однажды он все же побывал там по случаю, сопровождая Рональда Рейгана в его предвыборной поездке.

— Это сразило меня... — застыл он у монумента. — Даже тогда, сопляком, я мечтал о многом. Но такое...

— Полагаешь, это слишком? — догадался Рейган, заметив, как играли желваки Фрэнка, то ли сдерживавшего слезы, то ли не решившегося выругаться.

Теперь Мистер Голос, в надвинутой шляпе, с микрофоном в руке, будет стоять на гранитном поста-

От составителя. Смерть без комментариев

менте вечно. Вечности принадлежат и его песни. Всего он успел записать их около двух тысяч. А еще снялся в шестидесяти лентах.

После себя бывший босяк из Хобокена оставил полмиллиарда долларов, десятки вопросов. И целое море любви...

Фотографии на обложку предоставлены
gettyimages.com/fotobank.ru

Художественно-публицистическое издание

Серия «Кумиры. Истории Великой Любви»

Бояджиева Людмила

Фрэнк Синатра:

Ава Гарднер или Мэрилин Монро?

Самая безумная любовь XX века

Редактор Ю.Тржемецкая
Корректор И.Мокина
Технический редактор Е.Кудиярова
Компьютерная верстка Е. Илюшиной

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ»
141100, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

Электронный адрес:
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru